

Павел Шуф, 2002
ISBN: 1-917-781-8533
Нью-Йорк, 2002

Павел Шуф

Моя Пандора

(Передел уже поделённого мифа)

Притчи
Антикваренье
Ирои–комические
фаблио

*"Пусть целую я тебя не очень скромно...
Девки скромность, я скажу,
и в грош не ставят...
И кому, скажи, нужна, Камилла, книжка,
Где ни вздохов не слышать, ни поцелуев?"
Марк Саллюстий Лукан, 1 век н.э.*

ВНИМАНИЮ ОСОБО ЛЮБОПЫТНЫХ!

**В финальном прозаическом разделе "Брифинг мифов"
вы найдёте шорт-лист
"Who is Who?" -
забавные биографии фигурантов мифов,
что одним облегчит чтение,
а иным блюдоодам –
добавит острой приправы.**

ФОРУМ ГЕРОЕВ

(Содержание)

Авгий
Авгуры
Авель
Аврора
Агасфер
Адам
Аид
Аид-2
Антей
Амазонки
Аполлон
Арес
Ариадна
Артемида
Аттила
Атлант
Атлантида
Афина
Афина-2
Афродита
Ахилл
Баба-Яга
Бахус
Беллерофонт
Валтасар
Валаам
Варавва
Веста
Гаргантюа
Гектор
Гекуба
Гера
Геракл
Гермафродит
Гермес
Гиппократ
Гименей
Гиппокрена
Голем
Гомер
Горгона Медуза
Гомерический хохот
Дамоклов меч
Даная
"Деньги не пахнут"

Дедал
Ева
Елена Прекрасная
Зевс
Европа
Ел-да
Зоил
Зоил-2
Иблис
Икар
Иов
Иона
Ио и Аргус
Искандер-Двурогий
(в миру - Саша Македонский)
Иуда
Иуда-2
Калигула
Кариатида
Кассандра
Кентавр Хирон
Клеопатра
Крез
Кронос
Купидон
Лаокоон
Лисистрата
Лета
Лот
Меркурий
Марс
Мойры-Парки
Мидас
Навсикая
Нарцисс
Немезида
Нерон
Нике
Ной
Нимфа Калипсо
Обол
Одиссей
Одиссей-2
Онан
Орфей и Эвридика
Панацея
Пандора
Пасифая

Парис
Парки
Первосвященник Каиафа
Пифагор
Потифарова супруга и Иосиф
Понтий Пилат
Пегас
Пигмалион и Галатея
Помпеи
Приап
Посейдон
Прокруст
Прометей
Самсон и Далила
Сапфо
Сирены
Сизиф
Сизиф-2
Сократ
Сфинкс
Талант
Талия
Тантал
Троянский конь
Фазтон
Феникс
Харибда и Сцилла
Хариты
Харон
Цезарь
Цербер
Циклоп Полифем
Эдип и Лай
Эзоп
Эскулап
Эхо
Эринии
Яблоко раздора
Ясон
Коронида
*(лирический аппарат
обложки)*
Паралипоменон

Брифинг мифов (научный аппарат лирики)

Авгий

Спустя века, печали не избыть,
Клеймя Геракла, заявить пора:
Комбед лишь мог в мгновенье загубить
Собрание пахучего добра.
Сей клад бы — в сказку нивы превратил,
Пошла бы в гору эллинов земля,
Когда б навоз не в реку он спустил,
А — как кулак — направил на поля.

Авгуры*

Покуда Риму далеко до НАТО,
А палатинцев — от Лэнгли мутит,
Во благо самодержца и Сената
Следим по эволюции пернатых —
За тем, куда Империя летит.

* *Авгуры* — жрецы в Древнем Риме, ведавшие гаданиями по полёту и крику птиц.

Авель

Привычно Каинам —
стараться
До цели камушком до братца...

Аврора

До той поры богинею слыву,
Сплавляя в мифе истину с молвою,
Покуда сонно не вхожу в Неву,
На Эрмитаж нацелив — носовое...

Агасфер

Чтоб жизнь не оказалась злой,
Чтоб миновать судьбы торосы —
Когда вы взрослый иль малой,
Уж лучше стойте под стрелой,
А не на Виа-Долорозе!

Адам

...А помню, начиналось не с ухаба:
Бог был сноровист, щедр и, мысля пылко —

Он первым делом мне поставил бабу,
А сгоряча ведь мог бы — лишь бутылку!

Аид

Порою нелегко без мата
И — в кровь закушенной губы...

Три сына Кроноса... Три брата...
И — три дискретные судьбы!

Ну и юдоль! Не стыдно ль маме:
Аиду — лишь дерьма бидон,
Зевес — командует громами,
Кадрит Русалок — Посейдон.

Он бы дерзал и жизни ради...
Пасти ж поставлен —
вот беда —
Лишь агнцев, умерших в Элладе
Увы, несчётные стада.

Вспоили у одних кормилиц,
Но лишь у одного — кровит:
Ну и карьера:
Олимпиец —
Аид, отправленный в Аид!

Обидно —
хоть проси отставки —
В Аиде праздновать Пейсах...
(Когда б хотя бы на полставки
И он сидел на небесах!

Ан нет... Забудь про Эмпиреи,
Когда и даже станешь стар...
Вот триптих твой, сыночек Реи:
Аид, Элизиум, Тартар).
Не быть баранине — попкорном.
Вот и попробуй не тужить,
Когда, и Бог в соку ты полным —
Век должен жмуриком прожить!

Сенеке проще: дядя — стоик...
А как всю жизнь мириться с тем:
Вести покойных мониторинг —
На базе зонтичных систем?

Незаменимым нет замены,
Хоть и обласкан — не польщён...
На крайний запад Ойкумены
Аид богами помещен.

Но жаждой мести длань объята,
Кипит реваншем крайний West
Аид украл дочурку брата —
Богам не запрещён инцест.

В генеалогии порыться —
Ознобно спрячешься в доху:
Откроешь, что и Зевса рыльце
Давно, как минимум — в паху.

Труслива ты, Олимпа пресса —
Вокруг инцеста одного:
Ведь Персефона, дочь Зевеса,
К тому ж — племянница его!
Прочь, сексуальность в стиле ретро,
Ты не доводишь до добра:
Аида тещенька Деметра —
Родная Зевсова... сестра!

Свой гнев мы углублять не будем —
Ужасно жаль душевных трат:
В толпу смешались кони... люди...
Тем более — сестра и брат.

Здесь что ни бог — дитя порока,
Им для разборок — пря дана
Настигла Зевса палка рока —
В лице мошонки братана.

В ночи нащупал перси сонной,
И приступил немедля тать
С Зевеса дочерью —
Персефоной
Безмерный фаллос коротать.

И что с того, что члена много,
Всё в Царстве Мертвых — не к добру:
Детей не дали боги богу,
Чтоб было поделом вору.

Дарить бездетность — вне закона
Той, что и силою — жена.
К тому ж известно: Персефона
Довольна кражею сполна.

Поскольку зять — типичный урка,
Зевс, гневом яростным палим —
Вполне был вправе за дочурку
Слупить с Аида сверх-калым.

Обидно папке дочери спёртой,
А ярость — и того сильней.
Но что возьмёшь с владыки мёртвых
Помимо скорби и теней?

Богат и славен отпрыск Реи,
И явно создан славы для,
Имея — вровень Кочубею —
Необозримые поля.

Там Цербер трижды страх наводит,
Хароныч кадиши поёт,
Там чудеса... Там ужас бродит,
Русалка на ветвях гниёт.

Возьми Вергилиуса-гида,
Он годен к службе строевой:
Цветёт цеховика — Аида
Превечный бизнес теневой,

Сплошным гуртом идёт поставка,
Формует тени бытиё.
Гляди — у "Яблокова" давка:
В Аид пакуется сырьё.

Ах, тени! Скорбная рутина...
Но я ль Аида не пойму:

Он — социальная скотина,
Общенья хочется ему.
Печаль-тоска Аида гложет,
Судьба навек ушла в забой —
Под шлем, что невидимкой может
Любого сделать под собой.

Подёрнут взор туманной дымкой,
Нет сна... Не ловится стерлядь...
Одним лишь шлемом — невидимкой
Себя он может расслаблять.

Шлем — его Виа Долорозе —
Забавно в воздухе стоит:
Невидимые миру слёзы
Льёт в Лету дедушка Аид.

Любил бы дев.. Гулял по Дону...
Видал бы фронт работ в гробу,
Когда бы Зевсу ль... Посейдону ль... -
Его участок и судьбу!

Не рад Стигийских блат гниению,
Не знает — взял ли Цербер след-
Завхоз теней и сам стал тенью,
И не отбрасывает свет.

Суровым стал пахан на зоне —
Не ест... Не пьёт... Не сдал мазок...
И даже жаркой Персефоне
Простил Харона бы разок.

Когда утехи ждут не в Осло,
А в древнегреческой ночи —
Суши, Харон, скорее весла,
А вот не весла — размочи!

Когда ж на брата есть обида,
И хочется родство сминать —
Друзья, припомните Аида,
Пока не поздно вспоминать.

Аид-2

«Я кротко жду, покуда вы — на сцене,
А Парки — бдят над составленьем смет.
И я ведь-только привечаю тени,
Которые отбрасывает свет».

Антей

Не ведал муж сей цурес — суть беду,
Покуда свою Мать имел в виду.
Непобедим...

Других титанов краше —
Сугубо без отрыва от мамыши.
Геракл сумел судьбу его сточить,
Заставив в небе ножками сучить.
Иначе повернулись бы дела,
Когда б Земля и в воздухе была.
Засим запомни: грек ты иль еврей —
Не отрывай себя от матерей.
Вы ж, мамы,
Геей будучи слегка —
Курируйте витания сынка.

Амазонки

«Ополовинив бюста парный тук,
Эдипа-хитреца мы спросим смело:
Полезен ли здоровью мачо — лук,
Которым мы в него пуляем стрелы?»

Аполлон

Красотой наполнен древней,
Грекам - сабра, вам - олим,
Дар лягушке и царевне,
Первый парень на деревне,
Называемой — Олимп.

Арес

Всем он кажет кроткий норев,
Сев за... *ствол* переговоров.

Ариадна

Когда ты — бард, матрос из Гавра,
Иль красишь в Палехе лубок —
Бери, идя на Минотавра,
Крупнокалиберный клубок.

Не бабки Пушкинской корыто
У моря синего спасёт,
А — нитка, что принцесса Крита
Тебе с любовью поднесёт.
...Ах, мифы — будьте вы неладны,
От вас — к метафоре гребу:
Возможно ль нитью Ариадны
Заштопать рваную судьбу?

Вздохнёт портной — дитя традиций,
Каких не счесть во все века:
"Она на то лишь и годится,
Чтоб выводить из тупика."

Не торопись её захлопать —
Дурной оставишь фингерпринт.
Глядишь, сгодится — чтоб заштопать
Дорогу в Ад иль в Лабиринт.

Иной клубок — к разгадке *window*:
Лишь нитью, крепкой как вино,
Тесей сумел из Лабиринта
В Элладу пропилить окно.

...Ещё — вниманию речистых,
Что верят только чудесам:
Семь пар —
 вполне, по Ною, чистых —
Увёл Тесей, и спасся сам!

Закрывши за собой калитку,
Оставив даму для раззяв,
Тесей раздел её до нитки —
Лишь нить у Ариадны взяв.

Ужасный век!.. Беда поэту —
В клоаку сердца заглянуть,
Где мог герой за нитку эту —
И Ариадну утянуть.

И что для леди — хуже пытки,
А сам я тоже не пойму —
Нужны героям только нитки,
А Ариадны — ни к чему.
Богини!

После доброй пинты,
Сквозь миф, что пучит ярость масс —
Парням дарите Лабиринты,
Но не у Крита, а — у вас.

Легко бежать душевных пыток,
Когда получают гордецы —
Аж два клубка!

Но — ша: не ниток,
А тех, где высятся сосцы.

Тесеям исполать — караться...
Так пусть же —
за позора дни —
В клубках пытаюсь разобраться,
Себя запутают они.

Стяжавши Гименея лавры,
Когда герой к ногам падёт —
Отдайте нитку — Минотавру:
Скорей к Горгоне путь найдёт.

Афина

Эллада-таки стоит мессы...
К примеру, в суть Афины влазь:
Она — из... головы Зевеса
Назло природе родилась.

Понять Владыку — дело туго,
Скорее — тронешься умом:
Он проглотил свою супругу,
Причём — на месяце восьмом.

Недо-отец, увы, не плакал,
(И есть ли у богов сердца...) —
Предрёк зловещее Оракул:
«Коль будет сын — убьёт отца!»

Но вовсе не было бы драмы,
И миновала бы беда,
Коль на Олимпе — сонограмма
Существовала бы тогда.

Зря улыбаются, пижонки:
При патронаже на дому,
Она — наличие... девчонки
Вмиг показала бы Ему.
Прошло три дня... Дела забыта,
По тучам лупит Зевс кнутом,
И хляби льют как из корыта...
...Но вот что началось потом.
Кружа на Мировой арене,
Лущуя молнией врагов —
Жестоким приступом мигрени
Сражён внезапно Бог Богов.

Спасенья нет... Он втайне хнычет —
Хоть в землю голову вотри:
Как будто пика в череп тычет,
Причём, сугубо... изнутри.

Чтоб ярче молния сверкнула,
И не скукожились лучи —
Он сдал врачам образчик стула,
А также крови и мочи.

Вдруг -
 дать урины боле просят,
И цедят странные слова:
«Есть подозренья, что — на сносях
Главы Олимпа... голова!»

Ша, Эскулап! Присядешь на кол,
Наложишь гонорар в штаны —
Ему ж никто мозгов не трахал,
Помимо собственной жены.
У Зевса в голове — прелюбы,
Но гениталий-то — ни зги.
И в ней — не маточные трубы,
А — всенародные мозги!

Оклеветав, готовься к драме,
Считай, что в Тартар загремел...

Зевс не подмахивал мозгами,
Да и в подкорку не имел.
Твоя ж башка придётся кстати
Олимпа Первой булаве...
Откуда взяться, блин, дитяти
У Громовержца в голове?!

Беремен Зевс?..

Молвы нелепей

Не знали ни Олимп, ни трон.
С позором удалён Асклепий —
Как неуч, враль и фанфарон.
Не находя на небе места,
Где помогли б ему врачи,
Призвал Отец сына —

Гefеста:

«Возьми топор — и излечи!»

Чем с грузным Зевсом препираться,
Что непочтением смердит —
Не лучше ль разом разобраться,
Где патология сидит?

Нет в горних сферах демократий —
Хозяин всякого б урыл...
Он очинил колун, и бате —
Башки анамнез раскрыл.

Застряла б у любого пицца:
Се — озаряя окоём —
Из головы —
душа-девица
Взопрела в шлеме и с копьём!

Лик мудрой нью-богини светел,
Щит на малютке — как влитой..
и новорожденную встретил -
Державный дождик золотой!

Не сын, а дочь?!
На редкость кстати!
Какое счастье — быть вождём...
На радостях отлил бы батя —
Не только золотым дождём.

Зевс акушере дал на лапу,
И тот пошёл, в цехах звеня...

Афина молвит: «Здравствуй, Мапа!
Спасибо, что родил меня!..»
Другой такой вовек едва ли —
Родишь для счастья долин...
Афину тут же, в тронном зале, —
Богиней Мудрости назвали,
И всех окрестных дисциплин.

Она умна — синхронно маме,
Но видит папа (то бишь — Бог!)
Из бати выбралась с боями,
Копьём дырявя черепок.

Ушла година огорчений...
Афина, светоч всех наук —
Итог Гефестовых сечений,
И тяжких папиных потуг.

...Пока в вас страсть не околела,
Вонзите в память как чирей:
Чтобы головка не болела —
Рожайте чаще дочерей.

Вы ж, дщери, тоже не замайте,
И, веря греческой молве —
Хотя бы копий не ломайте,
Что тихо зреют в голове.

Афина-2

Не ведая, подобно Еве — путы,
Что с матерью роднят детей сердца,
Афина не кончала института,
Она кончала — Голову Отца.

Богини каждый шаг — конгениален.
Запечатлён... Величием клеймён...
Всех знаний корифей-
Короче — Сталин
Недавних древнегреческих времён.

Афродита

«Правы ль мужчины, с дамой споря,
Когда — дурнушка иль крута:
Ведь я рождаюсь в пене моря —
Не в пене, извиняюсь, рта».

Ахилл

«Ну что с того, что был я ловкий, хваткий,
И подминал чужое бытие,
Вошёл-то я в историю лишь пяткой,
Которою и вышел из неё».

Баба-Яга

«Иванушку ль варю в отменном супе,
Готовлю зелье ль мачехе иной —
Передвигаюсь я сугубо в ступе,
И посему «Гринпис» доволен мной.

Добро общенародное не руша,
Горжусь — лишь мне присвоенной хулой:
Метлою не возьмёшь греха на душу,
Озоновый куроча в небе слой.

Бахус*

Имейте от загадки нахес,
Что ум поможет укрепить:
Способен ли товарищ Бахус —
Бетховенуса перепить?

Печаль мою сокрыть не просто,
Она во мне в упор видна —
Затем, что я — лишь бог вина,
А Цицерон — Креатор Госта.

Отдав кабатчице рубаху,
Бутыль Фалерна взявши в лиз,
Позвал к столу вторым я — Вакха,
Уселся третьим — Дионис!

Скользнув — прикрыть плотнее двери,
Шепнул я Вакху: «Всем налей...» —
Как тотчас в них возник Лиэй,
А с ним, конечно же — Либерий.

С тех пор, богов не обижая,
Пока не подкрадётся дрых,
Всегда сижусь, соображая -
Один...
В личине пятерых!*

* *Вакх, Бахус, Лиэй, Либерий, Дионис* —
имена бога выпивона.

Беллерофонт

Извольте, кому надо — справка:
Герой Эллады... Славы друг-
Сынок царя Коринфа — Главка -
Беллерофонт!..
Сизифов внук.

О нравы, господа! О эра:
От рук его — братан почил,
Чьё имя-отчество Беллера —
Братоубийца получил.

Дитя аффекта и коррупции,
Меч бросил на судьбы весы...
(Так, волкодавами зовутся —
Лес побеждающие псы).

Кому — триумф, кому — непруха,
Кому — погост, кому — Собор:
...Допустим, победил ты Духа —
Цепляй кликуху: Духобор?..

Олимп... И тут за славой давка...
Всяк — против родичей восстал...
Вот я бы при поддержке Главка —
Ну просто олигархом стал!

Здесь демиургов — закулиса,
Здесь трайбализма бьёт струя —
Ведь Зевс лоббировал Улисса,
Как Березовского — Семья.

Став нео-Каином, без чести,
(Чему не фимиам курю) —
Бежал от неизбежной мести,
Попав к соседскому царю.

Царь Прет... (Ругать его не смею —
За то, что он убивца спас...)
Зато царица,
Сфенебея —
На гостя положила глаз.

В нём не возшла любви опара,
Хоть хор либидо в ней поёт —
Синдром супруги Потифара*
Блядям покоя не дает.

Сходств много... Но прибегну к скрипту,
Спросив:
«Коль главное — не блеф,
Ужели, мог бы он Египту
Служить, как россиянам — Греф?»

Он сделал ноги, царство бросив,
Где на блудницу не точил:
Бежал, припомнив — *что* Иосиф
За воздержанье получил.

Но, оклеветан выше меры,
Взят Сфенебеею на понт:
Царём — на взятие Химеры
Препровождён Беллерофонт.

Пропасть ни за понюшку кваса —
Вполне бы мог...
Но вновь — в соку:
Олимп вручил ему Пегаса,
Как Сивку-Бурку —
Дураку.

Не сыщешь в оружейной лавке —
Пусть и мошна твоя туга —
Мощнее средства —
для доставки
Беллерофонта до врага.

Коль есть Пегас — лети, не прячься
Врагов в сортиры окунать...
В Пегасе столько лётных качеств,
Что век и «БОИНГу» не знать.

Крылат, стремителен, неистов,
Такого — век не побороть.
Легко могли бы террористы
Пегасом Трою пропороть.
Удара мощь вообразима ль
В сугубо греческой дали —
Когда бы сотню тонн бензина
Крыла Пегасовы несли?!.

...Химера, так тебе и надо:
Ведь подло, если рассудить —
В составе Льва, Козы и Гада
На Демос ужас наводить.

На мушку взяв Химеры трассы,
С повестки вмиг её сотри:
Ведь три главы её — Пегасу,
Что для Шекспира — пьесы три!

Пегас — он не Восток, но — тонок,
Хоть вкус его порой сбоят:
Зачем помог он амазонок
Свести не в церковь, а — в Аид?

Перечить всаднику не смея,
Поскольку знатный тот буян —
Пегас

блудницу Сфенебею
Впендюрил в море-океан.
Топор войны,
когда он вынут —
Суров!.. Хоть саван расстилай...
(И так же Сфенебею скинут,
Как скинут будет — Николай...)

Беллерофонта жилы вздулись,
К «мокрухе» тяга, знать, дала...
Но вот — Пегас...
Что в нём проснулось?
Зачем в убийствах — по крыла?

Не слышал амазонок стоны...
На гибель Сфенебею мчал...
Глас крови ль матушки Горгоны
В его копыта постучал?

Поэты,
ваш помощник хренов —
В крови у вашего стола...
Вот и не верь в проклятье генов,
В апорт, что рухнет близ ствола!

Факт, что не я — Пегасу фронда,
Но и в неё почти вступил,
Узнав, что и Беллерофонта
Он, в море сбросив — утопил.
За что?
Когда б ходили слухи,
Что больно шпоры он вонзал...
Что он Пегасовой барухе
В Раю фруктозу навязал.

Пора узнать смущённым массам:
Хоть и местами он — фашист,
Чист сей убивец пред Пегасом,
Как тот — перед Гомером чист.

С веками — куча лжи налипла,
Но скажем, слухи забодав:
Лишь турпоездки до Олимпа
Желал суровый *братодав*.

Пегаса оседлав — не дроги,
Взлетел он к небу, как сонет.
Но древнегреческие боги
Сезону виз сказали: «Нет!»

Перечить божествам не смея,
Взбрыкнул Пегас...
Его ль вина?..
Зато, в либидах пламенея,
Беллерофонт и Сфенебея —
У аналя... Нептуна!

* Неудачливая и коварная соблазнительница Иосифа в Египте.
См. главу «Потифарова супруга и Иосиф».

Валтасар

Покуда гости праздные рыгают,
Их угощая, счастлив будь вполне:
Ведь дома даже стены помогают —
Узреть, *что* проступает на стене.

Читай, царевич,
захмелело пялясь, —
Пред тем, как «Вавилоновки» долить:
Три мушкетёра —
Мене, Текел, Фарес —
Четвёртого готовы завалить.

Смекнул, сынок, кто сей избранник Рока,
И кем обещаешь вовсе не полон,
Когда, жрецы железного потока,
Лихие персы — трахнут Вавилон?

Смешно сказать, ты к вечности восхищен,
Клио любимец — воспарил в миры,
Где и в аду —
фантомом райской пищи
Украсил Валтасаровы пиры.

Валаам

Иным открытъям — годы и века,
Зато цена — питательней мосла:
Лупцуя беспричинно ишака,
В себе однажды разглядишь... осла.

Пленэр — и тот горазд дарить ЧП —
(Жечь одеяло ль, дуясь на клопа?)
Коль замерла ослица на тропе —
Не меч ли занесла над ней тропа?

Варавва

«Хранит меня в веках не воля рока,
Не кину камня в рока огород.
Отечество не может без порока:
В отечестве не может быть пророка,
Покуда есть в отечестве — народ».

Веста

«Цвет юности — в ряды мои билет,
И лишь распутник девственность бранит.
Её храните только тридцать лет,
Потом её вам — старость сохранит».

Гаргантюа

Как не понять, узрев сие уродство —
Его борьбу за право первоРОТства?!

Гектор

Иным героям — разум только снится...
О да, Ахилл: ты Гектора свалил,
Но труп его влача за колесницей,
Не пятку ль ты для смерти оголил?

Гекуба

Аида ль мэр...
Шальные ль силы Ада... —
Всё нипочем: и молнии, и мгла...
Что ей Гомер?.. И что ей — «Илиада»,
Когда она при жизни умерла.

Гера

«Ревность — блюдо в моём ли обеде,
Подозрение пошлое — сгинь!
Хорошо, что я — Первая Леди,
Только жаль, что — меж тоже богинь».

Геракл

«Братие, молю — не оплошайте
В мире, полном гнева и вражды:
Хоть порою подвиг совершайте -
Не имейте в подвигах нужды».

Гермафродит

«Я вас и замуж бы позвал,
И вышел замуж бы,
Я — многих прочих идеал:
Ведь я, друзья, — бисексуал
По прихоти судьбы».

Гермес

«Был Эдисон в иных прозреньях прав,
Но не за мною эксклюзивность нимба:
Я — первый телефон и телеграф
Руководящих органов Олимпа».

Гиппократ

Где мало слов — жизнь требует иного
Во благо и холопов, и бояр.
Затем не клятва вылечит больного,
Что в ножнах у героя — не пиар.

Гименей

Вот от кого,
расчётам вопреки —
Внезапно *цепенеют* мужики.
Сейчас, как в древнегреческом году —
Не всё Горгона, что зовёт в узду.

Сплетая силлогизмы в крик,
Из них не свяжешь пистолета —
Как дважды не войти в арык,
Который — Стикс, а также — Лета.

Рождённые для счастья масс,
Я и Отец — не знаем крена:

По коням, если вы — Пегас,
Мочи — когда ты — Гиппокрена!

Спешите ж, чтобы повезло,
Когда к викториям вы рвётесь —
Себя поставить на крыло,
Которым позже — ... окунётесь!

** Гиппокрена — источник вдохновения на горе Геликон, который Пегас высек ударом копыта.*

Голем

Ты — первомонстр... Ты — самый-самый.,
Со лба до пят одет молвой —
Да, ты рождён совсем не мамой,
Но — аж еврейской головой!

Гомер

Вулкан Ума...
Живительный ручей..
Ужели, Тьма,

Ты — свет его очей?

Горгона Медуза

1.

У Геи,
в древнегреческой сторонке, —
Отчизне не одной Могучей Кучки,
Триплетом дружным родились девчонки,
Но в этот раз — не дочери, а внучки.

Спеша с соображеньями своими,
Профан в демонологии вопросах,
Я полагал: Горгона — это имя,
А вышло-то: горгона — это особь.
Бабуле было б впору удавиться,
И - волком выть убитой горем маме:
Ну радость ли: когтистые девицы —
С клыками, чешуёю и крылами?

В смятении завидя, **что** попёрло,
Вмиг повитуха грохнулась, немея:
В аспидах — голова...
В чешуйках — горло...
Заместо влас, уже понятно, — змеи.

Зачем, Судьба, ты дочери Геи гадишь,
Хоть родила, а — нету ни ребёнка:
Таких ни приголубишь, ни погладишь,
И не внедришь в головушку гребёнку.

И меж богов, известно, много парий,
Но вот — юдоль, что и богам не надо:
Дочурок аль пристроить в серпентарий —
Сгодится ж голова для дойки яда!

Печалят Гею яростные внучки,
Кто вылечит?.. Гефест ли — мастерковки?
Любой жених — в момент дойдёт до ручки,
Когда коснется эдакой головки.

Выходит, личной жизни не наладить,
И тьма в алькове тоже не спасает:
Вот вы рискнули б девушку погладить,
Когда и кудельки её — кусают?

Дурная кровь такой девицей правит,
А если не понравятся детали —
В момент вас на крыло она поставит,
Но — не затем, чтоб на ноги вы встали.

А коль взбунтует муж под ейным игом,
В её душе взойдут иные злаки:
Она сумеет вас захлопать мигом —
Как и вовек не снилось в Дельфах клаке.

Хоть сдай их в Министерство Обороны,
Подобные — Аресу не в обузу...
Дочурка Сфена — первая горгона,
Вдогонку — Эвриала и Медуза.
Полны сестрички силушки несметной,
В двух первых — вечность Греция пакует...
И лишь Медузе выпал жребий смертной,
Хотя — возможно ль умертвить такую?

Зато горгоны — сестры речки Деты,
Противника убьют не только ядом.
Любого призовут они к ответу,
В камею превратив радаром-взглядом.

За собственной скульптурою в погоне,
Любя в себе пучину обаянья —
Спешите заказать себя — горгоне:
Момент — и вы застыли изваяньем!

Не голышом!..

С вас греющим стаканом,
Сгущаясь в камне, сможете вы сами —
Не сомневаться в сходстве с истуканом,
И, как натурщик — не корпеть часами.

В надёжности есть что-то пистолетье,
Горгон напор — куда вернее сели.

(В семнадцатом — двадцатого столетья —
Видать, и на Россию *посмотрели...*)

Такой сноровки нету и в Атланте,
И входят, и влетают без докладов,
И что приятно:

при таком таланте —

Нет проку применять контрольных взглядов.

Их рейтинги, конечно же, взлетели
При слухах, бывших правдою иль ложью —
Де, только женихам они глядели
В практическую немощь междуножья.

Мечтаем о таком и мы веками —
Иметь не плоть, а камень в идеале:
Представьте, что творилось с женихами
В указанном конкретном ареале.
Вот ты бы, генерал, отдал погоны —
За чудо ночи без стыда и храпа?!.
Подозреваю, сглазили горгоны —
И дамского угодника Приапа.
К нему в Помпеи пролагая тропы,
Встречаясь с селадонм многократно,
Взирали на него туристок толпы,
Но сглазить камень не смогли — обратно...
Казалось бы, и взглядов нету хуже,
Чужой пример, однако, не спасает...

Вот вам, мадам, по нраву взгляды мужа,
Когда он на соседку их бросает?
Ревнуете ли вы?.. Ах, да: *no comment!*...
Душа, как Дант — наяривает круги.
Ваш негодяй и сам застыл сей момент —
Под взглядом не горгоны, а — супруги.

Заслуг горгон и мы б не умаляли,
Служили Корифею не они ли?
Большевииков — другие ль укрепляли,
Чтоб очень твердокаменными были?

Как и допрежь, сегодня их немало —
Художников, свободных в каждой Музе.
Творят и ныне Сфера с Эвриалой...

Но мы — о том, что выпало Медузе!

2.

Пока Медуза
 в области скульптуры
Творит, не зная сна в античном зале,
Спешит на уходящую натуру —
Персей...
 (Ему горгону заказали!..)
На подвиг он назначен.
 Парень ловкий —
Способен всё и вся врагу расквасить...
Нужна Медузы смертная головка —
Афины славный щит собой украсить.
Подумав миг, аж из себя я выйду:
Скосив башку — святить и сноп, и пажить?..

Ужель пришло бы в голову Давиду —
Вот так же честь Израиля уважить?
И кто б, и что б на Эрец ни катило,
Когда б на щит —

да этих змей старейших...

Как хорошо, что головы хватило —
Башку Медузы уступить — Мудрейшей!
Такой дизайн — любому душу вспучит,
Взорвусь и я, катрен в примерчик тыча. —
Афины вкусец очень ясно учит:
Есть-таки всё у греков — вплоть до кича.

Комплектность Анны уважал Каренин...
Не стал и,

гневом праведным пылая —

Матёрый человек Ульянов-Ленин
Крепить на щит трофей от... Николая.

Да, всякий век свои имеет мины,
Но тут-то что заклинило в системе:
Им не хватило мудрости Афины?
А может, были головы не теми?

3.

Взваливши на себя забот махину,
Персей в момент Медузу догоняет.
Горгону ищет, глядя в щит Афины,
Что перископ и триплекс заменяет.

Такой ужастик — не сюжет для ТЮЗа,
Мочить горгон — не душу нежить в Сочи:
Нельзя глядеть герою на Медузу,
Она и для него — опасный зодчий.

4.

Сверкает меч, крылами машут шузы,
Горгона наступает оголтело...
Но пробил миг,
и — делится Медуза
На голову и остальное тело.

Грудь — колесом от гордости набыча,
Героики и мужества образчик, —
Влачит Персей нелёгкую добычу —
По кой давно соскучился заказчик.

Путь ужасов — ура! — воротит дышло,
Персею сыплют драхмы и цехины...
Из бизнеса горгона таки вышла:
Медуза ныне — *piece of* щит Афины.

Мила богам подстилка из Закона...
Дитя поправок, вас бы не знобило,
Когда бы вас швырнули — бить горгону,
Когда б и вас судьба к щиту прибила?
Гранд-даме жить бы —
на рассветах пудрясь,
Зачем богине — да тачать камеи?
Ужель не может жить иная мудрость,
Когда её не охраняют змеи?

5.

Конец у сей истории — лилейный,
Дала ей смерть карьерные вершины,
Ведь — чудо, господа: из крови ейной —
Вспорхнул Пегас — как *deux-ex-machina**.
Медуза родила б чудовищ массу —
Хватила бы и с мамой сходства доза..
Как ни гляди,
явление Пегаса —
Немой укор товарищу Ломброзо.

Науку ждут большие перемены,
Коль ясно учат греческие мифы:
Переборов чудовищные гены,
Вполне явиться миру могут — фифы.

Коня сиротства яркая страница —
Достойна умиленья и медалей.
Но хорошо, что нам порою снится —
Лишь то, чего мы ране не видали.

Не знал он в детстве мамочки — и грамма,
Зато ночами, душу разрывая,
К Пегасику во сне приходит мама —
Красивая... Кудрявая... Живая...

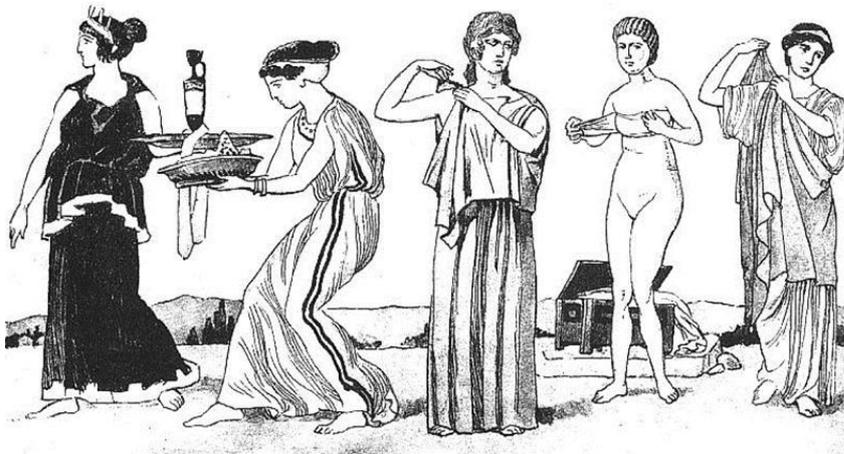
Будь бдительна, Поэзия,
мужая,
Поскольку спецвопрос не за горами:
Возможно ли, Пегаса уважая —
Понять его печаль-тоску по маме?

Феномен сей и я понять не смею,
У логики моей — другая касса...

6.

Иные, как Медузы — чисто змеи,
Зато ведь — и мамы аж Пегаса!

** Бог из машины (лат.) - старинный театральный приём, позволяющий спасти лицо забредшего в тупик сюжета.*

**Гомерический хохот,
или
Гепест, муж Афродиты**

В избу прибегают не дети,
Когда, затевая войну,
Златые Гепестовы сети
Шалавуо словят жену.

"Ах, мужу сыскала подмену?..
Сей миг укротим твою прыть!.."
Проблема ль ему — хэндимену —
Блудницу-супругу накрыть?

В пуд злата судьба оценила —
Их брак, что изменой горчит...
И пышет отмщеньем горнило,
И молот, как Азеф, стучит.

Он вправе гордиться собою,
Такое сварив в старину,
Коль сетка, готовая к бою,
С Аресом застала жену.

Тут есть что узреть по-большому,
Поскольку оно не про нас:
Подобных высот супер-шоу
Не знали Олимп и Парнас.

Слетаются боги:

"Гляди ты!.. —

Олимп в изумленьи гудит, —
Владычица поз Афродита
Верхом на солдате сидит!"

И все — от Ио до Паллады
Дивятся чужому г...вну:
Стратег, скинув плащ и награды,
Заместо защиты Эллады —
Напал на чужую жену!

Глаза у богов — аж пираньи,
Уста же готовы трубить:
К лицу ли Креатору Брани
Чужую богиню любить?

Арес — и в любви войноголик,
Пыхтит не в пример поросю...
И — гогот...

И — хохот до колик

Олимп сотрясает всю.

...Гефест,

ты подобен Батыю,

Жену обратив во врага.

Меж тем, перемёты златые

Твои обнажили рога.

И прыскают боги поныне —
Открыто, а также тайком —
Над легкой налево ль богиней,
Иль — глупым её муженьком?

Гефесты! Сердась на шалаву,
Чей блуд предъявили гурьбе, —
Прикиньте, забавя ораву:
Какую куёте вы славу —
Не ей... Не Олимпу... —
Себе!

Дамоклов меч

"Мой Дионисий!
Ты лишь — стоишь мессы,
В тебе огонь величия горит,
Ты — царь царей, о Сиракузский Кесарь!.." -

В слезах шептал лукавый фаворит.

"Садись сюда!" — велел тиран Дамоклу,
Враз предложив и трон, и кубок свой.
Смерд просиял.

Но вмиг мотня промокла,
Когда увидел — **что** над головой.
Забыты — аппетит, семья и школа,
И даже голос ниже пятки сел:
Огромный меч, готовый рухнуть долу,
На тонком конском волосе висел.
И замер фаворит, дохнуть не смея,
Казня себя за льстивые слова.
Дрожал Дамокл, ощущая шей,
Как отлетают трон и голова.

"Не на свои ль явился похороны?!" -
Взопрел Дамокл, мысленно крича:
"Избавь, Судьба, от трона и короны,
А главное — от жуткого меча!"
Иную жизнь — и волос подытожит,
А под мечом — и теноры баят...
Но что однажды распознать поможет
Меч иль Дамокл над головой висят?

Героев — в порошок судьба стирала,
И пир, и тризна ждут тебя, Кумир:
В составе равнодушного хорала —
Дамоклов меч... Дамоклово орало...
Дамоклова война... Дамоклов мир...

Даная

Был в Эрмитаже я, и — знаю,
Чем мы обязаны Вождю:
Завидя голую Данаю,
Архиуверены: к дождю!

Май гад! Роскошная бабища...
Печаль-тоска теснит грудя...

Недаром Зевс поклат глазища —
В лице сусального дождя.

У древних — те ж приметы... коды...
Но кто б смекнул, прогноз плетя:
У дам бывают от погоды —
Не столь мигрени, сколь — дитя.

Любить дожди — её работа,
Коль спецодежду завела.
А после дождичка —
 в субботу
Она Персея родила.

Сей богатырь в годину Оно
Скостил Медузе жуткой дни...

Выходит, чтоб убить Горгону —
Сперва в Данаю дождь вгони?

Зевс — он и бог, и царь посевам,
И борозду засеять рад.
О да — бывает дождик девам.
Зато строптивым - даже град!

«Деньги не пахнут»*

Тащи к прокурору иль раву —
Того, по ком хнычет тюрьма:
Охочих отлить на халяву,
И даже поср..ь задарма.

Когда вы не в личной квартире,
Учтите, окончив кутить:
Гвардейцы замочат в сортире —
Козла, что не хочет платить.

Дедал

1.

Уже и тем велик Дедал,
Что формулу полёта дал.

2.

Чтоб и в полётах вам всегда везло,
Чтоб вас всегда удача угадала,
Нет, не Икара ставьте на крыло —
Само крыло поставьте на Дедала.

Ева

Где Божий суд?.. Где справедливости рука?!.
Добиться правды, бабоньки — не нам:
Лишь только раз я есть-пошла от мужика,
Счёт потеряв — в ответ рожденным пацанам.

Елена Прекрасная

1.

Как сладко замирает у девчат,
Когда чубы холопские трещат.

2.

И мысль по дереву растечётся бранью,
И будет нежность ярости полна,
Когда под маской "Мисс-Очарованья"
Личину пошло прячет "Мисс-Война".

Зевс

Цель власти — власть,
се — наш слоган и кредо...
Вот только лезет мысль повыше нимба:
Да Бог ли ты, когда иная Леда
Тебе порой — желаннее Олимпа?

Европа

Иных хайвеев шире —
Зевса тропы,
Его заплывчик умилил века:
Ведь не Окно он прорубил в Европу,
А нечто сексуальнее: Быка!

Стихи мои - не пляжи для нотаций,
Но, господа, пора сообразить:
Милей Европам на быке кататься
Чем санки императора возить!
Плыви ж буй-туром
к сладкомлечным Броням,
Спеша прибрать их — к спинам и рукам.
...Покуда кличут красные: "По ко-о-оням!"
Европы томно стонут: "По быкам..."

И море ли — помеха для добычи,
И смена лика ль станет мир стращать,
Когда готов он, пастухов набыча,
Простушку Евро —
страстно похищать?

Ты прав, Банкир, —
Добычу брать умея:
Когда ты — бык, спеши обрести чету,
Наличными любимую имея —
За гривую...
А также — на счету.

Ел-да*

Ел-да —
суровый Бог в Законе,
Верховный козырь всех мастей.
Он грозный суд вершит на троне
Из человеческих костей.

Ел-да —
и Фауста умнее,
И Горьких, вышедших в тираж.
И Эта Штука — посильнее,
Чем Цербер — врат Аида страж.

Далече эллинских Эолов —
Текут воители,
трубя:
«Смирись, Ел-да, идёт Ермолов —
Надеть Россию на тебя!»

Звенит мудями вечный Терек
В текущем и былом году,
И пилит злой чечен на берег —
Оттяпать пришлую елду.

Издохла эра Горбачёва,
В Кремле же — свежее меню —
Ура: У Павлика Грачёва
Елда созрела на Чечню.

Арес в нём прядает веками,
И Марс в крови вовсю бузит:
Сей Гектор — лишь двумя полками
Обезьелдить Чечню грозит.

Чадит соляжкой поле воя,
Грачёнок, а не Грач убит:
Обиженным родной Косою —
Ел-да чужая подсобит.

Звездой шустрый марс карался,
Царём целован и обжат...
А те, кому елдец подкрался —
В рефрижераторах лежат.

Отечество! Гордись бедою,
Взметни мудя — взамен ума.
Решай загадку: чьей Ел-дою
Разметены твои дома?

Прогнозы у войны — туманны
И в Третьяковке, и в Орде.
И Казановы, и Жуаны
Конец сверяют по Ел-де.

Ел-да лишь трупы не пугает —
Уменьем дураков кусать.
...Смирись, Кафка-с:
 Абсурд шагает -
Стократ себя переписать.

И что бы наше ни мычало —
Сгустись, словесная бурда:
Елда — она всему начало,
Зато конец всему — Ел-да.

Сварил шурпу, замыслив оду.
Но и она была б горда,
Когда б у позднего народа
Восстала ранняя Ел-да.

*** Ел-да - грозный Бог подземного мира
мёртвых в мифологии чеченов и ингушей.**

Зоил

Что в анаграммах очень мило —
Врачуют мигом, как лизол...

...Рассмотрим в частности Зоила:
Мгновенье, и у нас — «И зол»!

Мудрец сугубо древней эры,
Умел он избегать гамбит.
Сражался с буквами Гомера,
Но вот — кириллицей побит.

Вагон словес... Ума палата...
Что ни словечко, то — карат...
Но он — лишь ученик Сократа.
Представьте, кто ж тогда — Сократ!

Махнул рукой на блуд и пьянку,
А чем забита голова?... —
Домкратом —
 высить стилия планку,
Киянкой — рихтовать слова.

Что — ритор? Виртуоз стаккато:
Вмиг их поставит пару сот...
По анаграмме ж суть *Сократа* —
Сплошной компендиум... *красоте!*

Он мог бы стать живым примером
И в Питере: который — Санкть..
Но — «Порицания Гомера»
Он — наиглавный подписант.

Неся не чушь, а — правду массам,
Летун — как в Витебске Шагал,
Он, буде древним Карлом Марксом,
Сомнению бардов подвергал.

Знаток античной закулисы,
Каких и Цезарь не видал,
Ужель и яблоко Париса
Он... Умалатовой отдал?

Примату разума послушен,
Гераклу он бы дал бои,
Когда б не стал дерьмо с конюшен —
Гнать в Гераклитовы ручьи.

Отдав последние кальсоны,
Готовый к сирым поспешать,
Вовек не стал бы —
закусона
Тантала бедного лишать.

Взорвав Улисса как систему,
Что лишь спецназу по плечу,
Не глаз бы жёг он Полифему,
А — поминальную свечу.

Немалый толк в амурах зная,
И, руша Зевса грязный шванк,
Не дождь бы он пустил к Данае,
А молодуху — в спермобанк.

Внимая импотентов стону,
Железной риторской рукой
Он бы задействовал Горгону —
В борьбе со слабостью мужской.

Любитель вкалывать до пота —
(Амосов чистый в старину!...) —

Отбил Онану бы охоту,
Ну а рыбалку — Нептуну.

Прижав к ногтю титанов свору,
В полях, воспетых Инной Гофф,
Сизиф бы покатыл не гору,
А бочку — сходу на богов.

Бескрылость исчерпав до донца,
Познав учёность как талиб,
Икар летел бы не на Солнце,
А — камикадзой на Олимп.

Притом, как плоть от плоти класса,
Что лихо простаков дурил,
Не деревяшку, а - Пегаса
Он бы троянцам подарил.

Увы, на нём - Антикорона,
Хоть и Сократ его учил...

...Рукой подать до Цицерона,
А этот - побольней мочил!

Зоил-2

Не моя ль похвальна мания:
Только правду я пишу
До последнего дыхания —
Тех,
кого... зело душу!

Иблис*

Коль во грехе вы,
сударь или мисс,
А вместо чресел —
щука-барракуда,
Покайтесь, если вы уже Иблис,
И — сожалейте, если нет покуда.

* *Иблис* - в мусульманской традиции —
шайтан, дьявол.

Икар

1.

Дурить богов — смешно и плоско,
Прочти в разделе «Итого»:
Когда хоть часть тебя — из воска,
Выходит — весь ты из него.

2.

Морали внемли — горькой и простой:
Не путай расстоянье — с высотой.

3.

Ужель Икар — «Гиннесу» бросил вызов,
Летя, как Руст — в мишень своих капризов?
Ужель — желал изжить забвенья тлен,
Меж тем, как с батей покидал он плен?

Иов

Дом сгорел ли... На панели ль мать..
Ваххабит глядится из туманов...
Но — приказ:

последнее снимать —

Надо благодарно принимать,
Как учил товарищ Э. Рязанов.

Иона

«Успех и беды, знамо — суета,
Но то в моей судьбе достойно месс,
Что счастливо успел вступить в Кита,
А мог бы ведь, пардон, — в КПСС».

О, Гименей! Откуда взяться ладу,
Коль, не устав доверию кадить,
Богиня Гера может без доклада
К супругу распалённому входить?

Придумать ли нелепее капута —
Накрыться —

Боги! -

собственной женой?!

«Прости, родная!.. Видно, бес попутал...

Спьяна подумал — это ты со мной!»

Ио дрожала, прячась в тонком пледе —

(Его б — да в шубу превратил Кио!..)

Свирепый взгляд Олимпа Первой Леди

Не обещал хорошего Ио.

Экс-девственницу раздирали муки.

Зевс — муж чужой...

Но — как бы и жених...

А что же он?

Умыл, похоже, руки.

(Хотя начать бы надобно не с них...)

Прознав измену, мстительная Гера —

(Как не понять Эриниям того?..)-

В одно мгновенье изучила меры

К вопросу о свержении Ио.

Склони, девчонка, перед Роком выю,

Увянет страсть, сползёт краса с ланит,

Коль клиторо-(простите!)—эктомию

По-над тобой Асклепий учинит!

А после —

это тоже будет к месту —

Хоть сюр такой не снился и Годо —

Каррарский мрамор взять велеть Гефесту,

И вглубь Ио замуровать дилдо!..

«О, как мне быть?! — Ио шептала, плача —

«Вина, я знаю, на меня падёт...»

Но подмигнул Олимпа первый мачо:

«Кончай скулить! Я так тебя упрячу —

Не то что Гера—папа не найдёт!»

И что же?

Луннолику, черноброву,

Каких вовек не щупали в ЦК,

Свой подвиг вспомнив в облике быка,

Зевс мигом превратил Ио — в корову.

Как не взгрустнуть? —
Спортсменку, грексомолку,
Злой рок несправедливо огорчил:
Иметь желая молодую тёлку,
В итоге Зевс... её и получил.

Ах, в пароксизме пламенной мутовки
Супруги фактор — грозный сопромат...
А смена очертаний у плутовки —
Изменит и свиданий их формат.

Концепцию супружьей жизни новой
Искала Гера,
 вновь тряся бельё.
...Вдруг доложили: сделалась коровой —
Счастливая соперница её.

Но, базу данных приняв за основу —
Задумалась в печали и тоске:
Оно понятно —
 дуешь на корову,
Обжёгшись на Зевеса молоке.

Судьбу писать решила без помарок...
И приступила ночью к муженьку:
«Отдай-ка, милый, тёлку мне в подарок -
Их слишком много на твоём веку!»

Знать, в сфере чести не менялась эра,
Коль вновь пример История даёт:
И нынче, и тогда
 ночная Гера —
Ио дневную вмиг перепоёт.

Их диалог я выведу за рамки —
Мне не по нраву с *прайвиси* шутить...

Но что же Зевс?..
И где борьба за самку...
И — где уменье даму защитить?

Увы, времянка лишь — любви служенье,
А вот Жена — лет прожитых карго!..
Иокорова! Ты — в распоряженьи
Супружницы бойфренда своего!

Теперь я не устану Геру славить:
Смирила гнев,

и в пункте «Итого» —
За всё про всё — велит она приставить
Секьюрити к нашкодившей Ио.
И мерою избрав щадящий ракурс,
Аи плеснула в дрогнувший стакан:
«Пускай постережёт телушку Аргус —
Стоглазый неусыпа-великан.

И в точь как Зевс покрыт законной славой,
Глазищами сей великан покрыт:
Пора следить за юной и шалавой
Любимицей и Зевса, и Харит».

Спокойствие с любого бы слетело,
Лечил бы всякий панику вином,
Когда б узрел в сплошных глазищах тело,
Где семь зрачков — на фаллосе одном!

Когда б такое — да и нам досталось —
Со склада от Аргуса ХОЗу!
Увы, всю жизнь влачишь рутинный фаллос -
И тот, признаться, — ни в одном глазу...

Вы ль, Казановы, не мечтали с детства,
Сквозь скукотищу через долга нудь —
Серьёзнее к любимой приглядеться,
И каждый дроле в душу заглянуть?

И автор Похищения Европы
Алкал видеоискатели давно...
Увы-увы, но чудо-перископы
Приобрести покуда не дано.

Давно б по раритету отхватили —
Охочие до глаз не по годам,
Когда бы Еву с Аргусом скрестили,
Покуда кушал яблоки Адам.

Отныне Зевс желанием изыдет —
К девице, на которую запал:
Ведь Аргус — он и тех прекрасно видит,
Кто даже в поле зренья не попал.

Смекнёт и дурень, истребляя ужин,
И даже от восторга завизжит:
Вовеки пояс верности не нужен,
Когда супругу Аргус сторожит.

Генетика! Ты — чудо, а не трата,
Пуškai в тебя вложения летят:
Клонируйте скорей Большого Брата,
Зело ревнивцы — Аргуса хотят.

Но, господа, — тоскливо и жестоко
Желанием безбрачия несёт,
Когда Её невидящее око —
Аж сотня глаз недреманных пасёт.

...Тоскует Зевс: в гормонах — та же эра,
Но ум его смутил не Буридан.

Роскошной тёлки ты лишила, Гера —
Супруга, что в быки тебе лишь дан.

А как без рандеву уйти от стресса,
Ужели век — в тестикулах копить?!
В разъяре приказал Зевес — Гермесу:
«Охранника — убить иль усыпить!..»

От Зевса выйдя, наш Гермес заплакал,
Сандалии закинув на кровать.
Что делать, боги! Он ведь — не Геракл,
Чтоб запросто любого убивать!

Гермес — он по профессии не киллер,
Не силовик и даже не шпион.
Он — матюгальник, рупор, почтальон,
Купец, гипнотизёр, местами — хилер.

Доволен и портфелем он, и креслом,
Рад поле брани — Марсу уступить.
Зато своим весьма волшебным жезлом -
Любого вмиг сумеет усыпить.

Простой проект Гермес отринул сразу,
Сообразил, обувкой хлопнув в лоб:
Успеешь ослепить не боле глаза...
Выходит, Аргус — сотню раз циклоп!

Найдя решение, он вскочил с постели...
Крылата обувь... Сердце просит петь...
И — жезлом, плюс — игрою на свирели
Он Аргуса заставил захрапеть.

Опишут ли все сущие Гомеры
Смятенье Зевса, что в сердцах узрел —

Наличие, увы, супруги Геры
Близ схрона, где он Аргуса уел?

Зевс полагал вернуть себе малину...
Ай, моська-Гера, знать, она сильна:
Всю сотню глаз —

На перышки Павлина
От Аргуса перенесла она!

Хвост распушив, в котором мало толку -
Помимо глаз — с дизайном на века
Павлин сурово охраняет тёлку,
Ио уже не светит час Быка.
Поняв: угасла роль на этой сцене,
Сложил либидо Главный наш мальчиш:
«Ты — не Павлин... Собака ты на сене,
Хоть не грызешь, не лаешь, не летишь!»

...Живут Ио, желаньями палимы,
Но помня Геру — от всего бегут:
В гаремах знойных пышные Павлины
На них не лают... Просто — стерегут.

Иначе бы судьбина повернулась
У всех девиц с желаньями Ио —
Когда б той ночью Гера не проснулась,
И с гневом не увидела всего.

Коль я у Музы выйду из доверья,
И стукачи ей темечко клюют —
Пусть стерегут не Аргусы, но — Перья,
И изменить бумаге не дают.

Такое натворить посмеет,
Топча фамилию отца,
Что — и века спустя —
 евреи
Прощать не станут шельмеца.
Проснулась в ужасе безмерном,
Шепнула Симону: "беда!..
...А срок пришёл,
 и сына скверны —
В корзине понесла вода.
В себе сомнения рассея,
Ципора плакалась, поди:
"Плыви, подобно Моисею,
И в руки Рексов* попади!..
Заместо сына — лучше б бели,
Иль — повитухи в матке шмон,
Иль — придушила б в колыбели,
Что из осины сбил Симон...
Молить богов — мамаш забота,
Ципоры глас помог сынку...

* *Rex* — царь (лат.)

2.

...В тот день царица Кариота
На бреге веяла тоску.
Попыткам подводя итоги,
Она рыдала не шутя:
Увы, не даровали боги
Царице и царю дитя.
Страна наследника хотела,
Но честно надобно сказать:—
Государя ль, ребята, дело —
Из вагины не вылезать?
С лица не сходит скорби маска,
Гримаса — будто нерв заел:
Ведь что ни коитус — фиаско,
А петтинг — вусмерть надоел.
Полна царица обаянья,
И — лакомый для Рекса фрукт,
Но петтинг — инструмент желанья,
А — не на выходе продукт.

Вновь генерируя зиготы,
Царь тянет властные бразды:
(В стране имеются заботы —
Не токмо в области... жены).

Кляня судьбу на момэ-лошн,
Могуч... Фертилен... Чисто — КрАЗ..
Супруге им не жребий брошен,
А нужный месседж... И — не раз!
Прочь, двор: сочувствием уели —
За пасть бы каждого схватил...
Ну ты козёл, Макиавелли:
Не те нам позы осветил.
Мозгами, Николаша, двигай,
Спеша монархам рассказать —
Не как командовать интригой,
А — как ребёнка завязать.
Царю ж — важней жены, короны,
Интриг, предательств, оборон —
Задолго до утраты трона —
Забить вакансию на трон!..
Купи хоть куклу в магазине,
Пей до забвения ль вина...

3.

...Но видит вдруг:
 плывёт в корзине —
То, что давно ждала она.
Ах, у младенца ясны очи,
А губки — просто умереть!..
Спасибо, боги:
 в Кариоте
Отныне трону не истлеть!
Вмиг — пир горой...
 Гремит посуда...
(Жди экспонаты, Яд-Вашем!..
И нарекли сынка — Иудой,
То бишь — "Хвала тебе, Хашем!"
Забавит всё его и манит
В роскошном царевом дому.
Мальчонка резво губки тянет —
Всегда... Везде... И — ко всему.
Барчук царицею балуем,
(Царю ж за всем не углядеть...) —
Легко покажет поцелуем,
Чем ему хочется владеть.
До лести слух царицы падох,
И Рекса сердце — не скала...
Берёт губами — словно взяток
С цветка — медвяная пчела.
Герой годин тех пасторальных
Всё брал губами без труда...

(Пожалуй, Моника Оральных —
Пониже классом, господа!)

Иуда рос... Вовсю лизался,
Имея нахес до икот.
Едва губами не добрался
Малец — до трона Кариот.

Катался парень сыром в пицце,
Покуда —
 скорбного числа
Вразнос понёсшая царица —
Родного сына принесла!

Душа отчаяньем объята,
Аорту мне дерёт маца...
Убил... Убил Иуда брата —
(Ну как ещё назвать мальчика?!.)
Взъярился киллер неслучайно,
В неравном победив бою —
Поскольку знал корзины тайну,
И тайну, стало быть, свою.

...Поклав мальчика в корзину-гробик,
(А царь корзину ту — ховал...)
Он братца неродного —
 в лобик
Клещами губ поцеловал.

Не время для базар-вокзала,
Но не пойму я, мужики:
Зачем царица рассказала
Что он, Иуда — от реки?!.
Содеяв Каина работу —
Вспорыв наследнику живот,
Бежал барчук из Кариота —
Иудою из Кариот...

4.

Вот так на горе всем евреям,
Раскаянием не палим —
Пополз сыночек Ципореи
Представьте — в Иерусалим.

По мне — так невообразимо,
И «Маарив» не осветил:

Пилат — абсорбции корзиной
Иуду плотно охватил.
Посыпались на парня гранты,
А — не законная хула.
Древнееврейская машканта
Путёвку в жизнь ему дала.

Страх разомкнул стальные латы,
Позволив ворону кружить —
Поскольку Понтию Пилату
Готов он Берией служить.

Иуды взгляды шефу любви —
(При нём он — чисто Кобы зять...)
И тянет мысленно он губы —
Пилату руки лобызать.

Блудит... Блаженствует... Не тужит...
Барашком балует живот-
Ему при Понтии не хуже,
Чем при монархе Кариот.

Он — и кремлёвскому грузину
Служил бы в качестве козла,
Когда бы Времени Корзина
Его в Россию привезла.

Корзина — не доставки средство,
Коль не противиться волнам...
За счастья юности и детства —
Спасибо мамочкиным снам!

...Жизнь — только утоление жажды,
Но власть толкнёт на беспредел...

5.

...Роскошный сад чужой
однажды
Пилат в оконце углядел.

До фиг чужих — как мне до Кубы,
Но до аншлюса — пара строк:
Ведь нежно потянул он губы -
Как бы гешефт лобзая впрок.
С клыком, достойным барракуды,
В лобзанье душу он вложил —

Как будто губы у Иуды
Лишь на минутку одолжил.
Послав к ветвям
 в гиюре Фёклу,
Он (в мыслях!) голоден и смел —
Уже глотал хмельную смокву,
И семиренку в рот имел.

Пилату ль следовать закону —
(Тому свидетель — Вечный Жид...)
Узнал:
 Какому-то Симону
Сей дивный сад принадлежит.

Прошли века — свежо преданье:
Нет власти удержу и сбруй...
Иуде — важное заданье:
"Апорт на пробу наворуй!"
Спасите, слухи, наши уши —
Чур, я на сплетнях не женат...

...Пошли за яблоками — груши,
А следом — киви и гранат.
Вот так — за эру до Хатиквы,
Старшой практически раввин
Отдал приказ —
 доставить тыкву:
"Даёшь аидиш-Хеллоуин!"
"Для Хеллоуина?.."
 Что такое:
Не тыква — Страха Институт,
Когда Иуда под рукою,
Когда Варавва — тут как тут!..

Ещё б и брызгался мочою
С идеологией такой:
Смешно пугать народ бахчою,
Когда есть люди под рукой.

Остапу не помогут ляхи...
Чеченцы не сдадут Бамут...
Вот так же и простые страхи
Вовек в народе не поймут.
Пустяк — он не для чести флага,
А страх — как для чулок пажи:
Народу дай шматок Гулага,
Малюту массам откажи!
А после — стопаря для гнева,

Сапог под рёбра — и не вой!
...И чтоб не мысль текла по древу,
А кровь — Печорой и Невой.
Вы, иудеевы колена,
Пустились в вечный каботаж.
Дай волю трусам —
 тот же Ленин
Швырнул бы тыкву в Эрмитаж!

Коль вождь хромает головою —
В неё сначала и пали:
Пли баклажаном, Носовое!..
Анальное,
 Арбузом — пли!..

...Ах, тыква! Всё-таки мила ты —
Для поцелуя... Для ночи...
Для верных линии Пилата
В вопросе взятия бахчи.

Заданье ль — тыква — для пирата,
Страх и сомненье — руки прочь:
Когда ты отнял жизнь у брата —
Проблема ль тыкву уволочь?

А тыква ль — за карьеру плата —
Любой Малюта вмиг смекнёт.
Ведь, если надо —
 для Пилата
Он и Симона умыкнёт.

Увы, но кончилось позором:
В назначенное время Ч
Симон, идя ночным дозором —
Застукал татя на бахче.

Ужель — нелепая расплата?..
...И в страхе думает олим:
"Борьбой за тыкву в три обхвата
Разбудим Иерусалим!"

Чего бы не спалось тетере
Вблизи супружьего лица?!.
Позор... Тоска... Абзац карьере —
О, жалкий жребий гордеца!

Иуда, силой равный роте,
(Прав Джотто, верный лик нашив!..)

Тут вспомнил подвиг в Кариоте,
Симона... мигом порешив.

Ведь знают и Москва, и Мекка,
Что для решения дилемм —
Есть лемма:

 "Нету человека —
И нету, стало быть, проблем."

Нет в этой формуле проталин:
Еврей — и в Греции еврей,
А Коба — он повсюду Сталин,
Не только в Джорджии своей.

Засим душа Пилата рада,
Что ликвидирован Симон:
Снята последняя преграда,
Финальный рухнул бастион.

Схватив бесхозный сад за цевье
На чисто Сталинский манер —
Иуде поручил деревья,
И весь божественный пленэр.

Заране радовалась гузка —
О, аппетит!.. О, времена:
Курируй, дорогой, закуску —
Как будто бы твоя она!

Но как погасишь слухи... споры?..
Пилат — и Кобе б преподал:
Вдову Симонову —
 Ципору
Иуде в жёны передал.

Свежа вдова... И не толстуха..
И не дырява как сукка...
Тут есть Пилату всё для брюха,
Ему ж — для бейсmenta пупка.

Такой джигит — Ципоре душка,
И петтингует — до икот...

6.

Недолго пелосся старушке
В хорах расчисленных зигот.

Однажды,
 посреди анала
(Не утвержденного в ЦК!) —
Ципора в муже опознала
Навек уплывшего сынка.

Встав как бы на анализ кальца,
Что здесь зовется doggy style,
Узрела родинку на пальце —
Знать, в памяти хранился файл.

"Сыночек, что же ты содеял,
Капут вам, радость и уют
Большие сроки в Иудее
За сыноложество дают!.."

Иуда сам — в глубокой драме,
Представив гогот сытых хайл...
Конечно, он грустил о маме,
Но не в связи же с doggy style!

Злодейка ты, судьба-зараза,
Когда в разрезе вот таком —
Рыдают аж в четыре глаза
Ципора с сыном-муженьком.

Ужели ты была разиней,
Забыв, что карма — *lupus est**,
Когда, пустив в заплыв корзину,
Себе отправила — инцест?

Позор-тоска супруге-маме,
Застыла Ципа как скала.
Ах, пораскинь, сынок, мозгами,
Покуда голова цела.

Трясётся головы кадило,
Куроча дьявола пути:
В Иуды планы не входило —
В мамашу по уши войти.

Мутит его от *water-melon***
В отцовы кущи — глуп поход.
Ведь и папашу не хотел он
Пускать — для прибыли — в расход.

Кругом пред Богом виноватый:
В дебюте — умертвил мальчика.

Потом для чрева П. Пилата —
Взял за фук душеньку отца.
И заварив такую кашу,
Греша безмерно пред Творцом —
В цугцванге завалил мамашу,
Едва не став сестре — отцом!
С законом сделались врагами,
И значит — снова быть в бегах...

...Так пораскинувши мозгами,
Остановил их — на ногах.
Он стал оседлым — видят боги,
И хоть в мечтах — герань... гамак -
Пора Иуде делать ноги,
Пока не сделали форшмак.
Прощай, мамаша!..

Чёрта злее,
Из дна Эдиповых оков
Рвануть решил он в Галилею —
Укрыться между рыбаков,
И там — забыть свою лав-стори
На Галилейской широте...

Да он в толпе — как щука в море,
Как нож — у братца в животе!

* Волк по сути (лат.)

** Арбуз (англ.)

7.

...Хоть опасались кары выи,
Но меж комбедных от сохи —
Шептались:

"Истинный Мессия
Прощенье дарит за грехи."

И как потом профессор Лосев
Очертит мудростью строки —
Иные, невода забросив,
Спешат к Нему в ученики.

Всем — от Якутска до Магриба
Жующим хека, язя, плов —
Зачем ловить всего лишь рыбу,
Коль есть рентабельней улов?

Традицию добычи руша,
Отставив сети и ножи —
Ловите человечесьи души,
Покамест юны и свежи!

Судьба бы их не покарала,
Но магией Его руки
Они с восторгом —
на орала
Перековать спешат крючки.

(То не давление минуты,
А повод — главное схватить,
Чтоб боевые парашюты —
В момент на лифчики пустить.
Ловись же, пацифизма рыба —
Взамен воинственных химер:
Ну чем не бомба для талиба —
Десятый, Господи, размер?!.)

Лишь тех, кому не до поживы,
Сумеет Вечности сберечь —
Его походная ешива,
Его целительная речь.

О пастве преданной радеет
При патронаже на дому:
Христос ведь — Made in Иудея,
Выходит, он — земляк ему!

Забыв гешефты и обиды,
От Иоанна до Луки —
За Ним толпой идут мюриды:
Апостолы, ученики.

...Так, чудом избежавши дыбы,
С душой, которой — век кровить,
Иуда тоже —
вместо рыбы —
Готов спасение ловить.
Иуды поиски итожит
Штурмец сугубо мозговой:
Не заграница мне поможет,
А индультент — до боли свой!..

И скорчив скорбную харизму,
Спешит он, губы теребя —

Спасти на базе трайбализма,
Вовсю лоббируя себя.

Готовит он Христу уздечку,
Чтобы направить по пути —
Радеть родному человечку:
Иуду, стало быть, спасти.

8.

Он боль чужую принимает,
И проповедует добро...
Засим Иуда и мечтает
Войти в состав Болитбюро.

Быть в первой дюжине — непросто,
Удача в ключья сердце рвет:
Ура, свершилось: он — Апостол,
Он вновь в Корзине,
и — плывёт!

Ужель спасён?.. Спасибо, чудо:
Знать, скоро груз грехов падёт.
Считай, уже и не Иуда,
А — Иудеятель идёт!

Велик Христос!
Он зорко судит,
И в душах видит этажи.
Но — мнит Иуда —
нужен людям
Какой-нибудь детектор лжи.

Сейчас он всем — и друг, и братик,
И страсть к лобзаньям не избыл.
А дайте некий аппаратик —
Где б он, Иуда, нынче был?

Взмыл бы с Диего-де-Гарсия
С а-гройсэ* бомбою пилот,
Когда бы вычислил Мессия
Who is — апостол с Кариот.

* Огромная (идиш).

9.

Любви ли поле?.. Нива ль брани
Мостили той эпохи суть,
Когда б увиделось заране,
Чьи губы — на Голгофу путь?

Всесильны прошлого интриги,
Мир не мешал...

Но — не забыл,
Как во саду Симона —
 фиги
Ночами метко он бомбил.

Мир согласился: он — апостол,
Хоть и грешил, кровавый крот —
Когда не с Пастырем, а — под стол
Ходил к монарху Кариот.

Но не увиделись угрозы —
Беды, разбухшей в парне всласть-
Похоже, Виа-Долорозе
С его корзинки началась, —
Когда Ципоровой рукою
Ковчежек дерева гофэр —
Был спущен...

 И пополз рекою,
Где пил и плавал Агасфер.

В такой корзине, корабелы,
Не в Царства надо бы спешить...

10.

А ведь Ципора — в колыбели
Могла б Голгофу задушить,
Когда б её не умиляло
Спасенье, данное рекой...

Чья?.. Чья Десница управляла
В тот день — Ципоровой рукой?
Длань Вельзевула ль?.. Глас Геенны?
Рука Москвы?.. Горгоны ль взор —
Толкнул спасать родные гены,
Сбив с толку джуиш-Госнадзор?

Лишь задним ходом мы умелы,
Когда уже — вопи иль блей...
... И все ль евреи — корабелы,
Спускаемая не со стапелей?
Беды не возглашали трубы,
Выходит, снова Зло — балуй?..

Рука судьбы спасала... губы,
А в них — Грядущий Поцелуй.
Корзину вороша былую,
К тому тебя, читатель, гнал,
Что Институту Поцелуя
В тот день положен был финал.

Знать, реченька впадала в Сциллу,
А на царицыном плече
Те губы набирали силу —
К минуте Икс и к часу Ч.

11.

...Зря агнцев пастырских отару,
Наш переводюжинник не рад.
В кринице раббиева Дара
Симонов виден ему сад.

В нём — спелость фиг,
и обаянье,
И — мыслей чистая роса.
К Христу текут галилеяне,
И Пастырь дарит чудеса:
Обидчику он молвит: Sorry...
Встречает падших по уму.
Он босиком идёт по морю,
И бури ластьются к нему.

Ослицей едет, а не кэбом,
Заставит мёртвого вставать,
И учит —
не единым хлебом
На белом свете пребывать.
Он не из тех, кто рушит Трои,
Не станет душу живу гнуть.
Зато Масличною горою
Горазд и горы скovyрнуть.

12.

Плывёт дымца с холма Сиона -
Туда, где вор деревья гнул...
И как когда-то в сад Симона —
К Христу Иуда заглянул.

Гордыня завистью объята —
К предтече Чумаков и Джун...
Украсть бы что-то для Пилата,
А остальное — в свой хурджун!..

Когда бы он, с наукой споря —
Мог акву* обратить в вино!..
Когда бы хаживал по морю —
Колхиды б плакало руно!

Жжёт душу невообразимо
Неутолённая фарца:
Его абсорбции корзина —
Бедней желаний гордеца.
Враг иудейскому Емеле —
Звездою вспыхнувший раввин:
"Христу, счастливику-земеле
Пора устроить Хеллоуин!.."

Рекою детства,
Тою миквой —
Отмыт он к дерзости любой:
Готов пугать уже не тыквой —
Не вырезанной в ней губой.

Промеж апостолов —
влюблённых
В дела и помысла Его,
Иуда — пятая колонна
В составе таки-одного.

Христу Иуда не прощает —
Влюблённые глаза толпы,
И — что блудница умащает
Уставшие Его стопы,
Торговцев,
Храму не угодных,
Чей раж — святилищу не мил,
И — чудо! — тысячи голодных,
Что Он буханкой накормил.

Вступив с гордынею в сношенья
Окреп он, только и всего...

Искал Иисуса он прощенье?.. —
Христос — поищет у него!

С душою, забранною в латы,
Готовый петь — звончей Сирен,
Скользнул Иуда в дом Пилата:
"Я здесь... Вы звали, сюзерен?.." —
"Ах, это ты, отцеубийца!..
Привет... Вздремнул маленько я.
Поведай, братец: что за птица
Смушает мирные края?"

...Синедриона Деда — грубы,
Иуде не дадут руки,
А на Иисуса дробят зубы
И — римлян острые штыки.

"...Небесной карою страшает —
Младенцев, юных и отцов,
И мирный демос отвращает
От правой веры и жрецов."

Иуда сообщает вести,
Он — правдолюбец, не фискал...
Ура: он снова в нужном месте,
И время нужное сыскал!
Но нетерпению нет предела,
И рад интриге он вполне:
Содействую успеху дела,
Но — что положите вы мне?..

* *Aqua* - вода (лат.)

13.

Вопрос — смешон, ответ — несложен,
Кошель пал в шуйцу кирпичом:
Тридцатник был ему положен —
С учётом чаевых причём.

Пора спешить... Развязка — скоро...
Отныне он — судья Судьбе...

Ах, поняла ли ты, Ципора,
Что это серебро — тебе?
Усвоила, ума заплата,
Что мир запомнит на века:
В его руках — Ципоре плата
За... сбережённого сынка.
За — смерти маточные трубы,
За речку... За — в саду кусты...
За указательные губы,
Что всем покажут — *who is* ты.

14.

Пасхальной ноченьке — осанна!..
Ушли заботы и жара.
Спокоен садик Гефсимана,
Тиха Масличная гора
Кипит Вечеря... Кубок вспоен...
Мацою полнится живот-
Один Мессия неспокоен,
Учитель знает наперед —
Что будет...
 Дом казённый даже...
Отца вердикт... В крови уста...
Иуды роль... Явленье стражи...
И - тяжесть доли и креста,
Свой терренкур... Тоску Гекубы..
Иуду, что рванёт в Торгсин...
И всюду —
губы...
 губы...
 губы...
И — горечь трепетных осин.

Понять ли, Правый Отче, люду
Концепты, промыслы-дела:
Ты ль мимо не пронёс Иуду,
И тёрн ли не сорвал с чела?

Ты — Сыном суть веков измерил,
Таранят душу боль и зной.
Зато Иуду ты доверил —
Осине...
 Но не ей одной:
Вздыхают люди — человеки,
Узрев —
 нависшие плоды-

Монеты... Ночь... Корзины... Реки...
Вдов... И осины... И сады...
Ещё —
 когда готовы зубы
С ветвей бесхозное урвать
И нервно вздрагивают губы —
Любовь желая целовать.

15.

Той речки Ципы — смолкли струи,
В металл вернулся звон монет...

Но нет доверья поцелую,
Когда и стражи рядом нет...

Пока тебя не топчет Боинг,
А башни — стражей в голове —

Признайся: был ли ты спокоен,
Когда женился на вдове?

Возможно, вздрагиваю все,
Узрев горячие уста...

Скажи, когда тебя целуют,
В себе не знаешь ты Христа?

Но коль ты — вождь, иль просто ратник,
Иль — раб, что трудно извинить —
Ты просишь плату изменить,
Когда суют тебе... тридцатник?

Иуда-2

Иуда - он и ассассин,
И - ас осин!

Калигула

Цари энд императоры,
 простите —
Мой жанр...
 Не я советы эти гну:
Коль вы в Сенат коня ввести хотите,
Попробуйте сперва — хотя б жену.

К чему навоз — в грядущем члене НАТО,
Да и указы сложно обонять.
Увы, на все Авгиевы Сенаты —
Ни речек, ни Гераклов не нанять.

История, напрасно ты угрюма,
Не всё и на Калигулу вали:
Ведь кой-кого, признаться, даже в Думу —
Куда парнокопытнее ввели!

Пардон, Сенат... Однако, ты — жестокий,
Когда б ты знал, какие *тут* вруны...
Ведь конь не создавал в Сенате блоки,
И не сбивал партийцев в табуны.

Нет, Рим — не политическое ретро:
Кольнули там — в Саратове болит...
Конь, знамо, испускал порою ветры,
Но — не закон, который — инвалид!
Шипит Сенат... Раздавлена корона...
Но твой урок усвоили века:
Не держит круговую оборону
Державный конь, что не с себя, а — с трона
Свалить способен горе-седока.

Коль вы — Клио* нотациям послушны,
Не городите в Думах огород:
Вводите!..

Но — сенатора в конюшню,
А вовсе, братцы, не наоборот.

* *Клио* - муза **Истории**.

Кариатида

Взглянуть на леди жалко —
От холода дрожит.
Зато она — весталка,
Поскольку только балка
На девушке лежит.

Кассандра

1.

Гадайте при наличии мозгов -
По внутренностям жертвенных врагов.

2.

В молчание уста умеете вперить,
Когда друзья решили - вам не верить.

3.

Пустое - дурака учить порою:
Еленю Парис прихлопнет Трою.

Кентавр Хирон

Имел бы имидж и найкраше,
И даже попу — в масть с лицом,
Когда бы не возлёт папаша
К дурёхе мамке —
жеребцом...

Невольно выглядишь беднягой,
Когда,
даря для жизни сок —
Отец прикинется конягой,
А мать — и вовсе лбом в песок.

Но подарила карма — бонус,
В судьбы седло и он вскочил,
Когда препылкий батька Кронос
Любовью нимфу замичил.

В себе любовь к наукам сея,
Он в хедер греческий ходил,
И мудрость передал Тесею,
Да и Ясону угодил.

И коновалам дав по лапам —
Всей силой, что сгустилась в нём,
Стал меж коней он — Эскулапом,
И главным меж врачей — конём.

Тащил больных, в трудах потея,
А — не кобыл на сеновал,
И за свободу Прометея
Своё бессмертье отдавал.

Сказал бы Пушкин, право слово,
(Хоть и другой развёл огонь...) —
«Похож на графа Воронцова:
Полу-мудрец и полу-конь...»

Не граф, но — конь...

И — дам венец —
Бывал он полным *на конец!*

Клеопатра

На Тору взгляд почтения бросив,
Сюжетец походя скроим —
Мол, мог визирем быть Иосиф,
Когда Египет был — твоим!

Сюжетец умывает ручки —
(Едва взопрел — и был таков...)
Ему годишься ты во внучки,
А Императору — в альков.

Великим мачо и ковбоем,
Аж с Ойкуменой под пятой
Ты ловко овладела с боем,
Фехтуя токмо красотой.

Меж кесарей неотразима,
Когда ловила счастья миг,
В ответ имела ты — корзину
С абсорбцией змеи меж фиг.

Ну, жизнь!.. Хоть налысо побриться,
Хоть сунуть в анус лук-порей...

...Ах, лучше б ты была царицей,
Когда визирем был — еврей!

Крез

Сей муж урок оставил горький,
В чём постараюсь убедить:
Необходимо в поговорки,
Лишь ноги вытерев — входить.
Когда ты царь — будь лев, не серна...
Но Крез был особью иной,
Владея Лидией безмерно —
Но не бабёнкой, а — страной.

Имея жадность препоганью,
Душманов ход не угадал,
И Лидию — на поруганье
Он Киру трезвому отдал.

В безмерной роскоши купался,
Блевал, от золота хмельной,
А суперкапитал достался —
Лишь поговорке...
Ей одной.

Кронос

Сын Урана,
сияясь стать столпом,
Дабы власть отца — ему досталась,
Пошептался с мамкой,
и серпом —
Снял с повестки Августейший фаллос.
Тьфу: титан, а, как мальчишка, бит,
С виду — дуб, а треснул как тростинка.
Вся проблема — зверски плодовит,
Вот и заказала мужа жинка.

У мамыши с сыном — не сердца,
А — во власть ползущая машина...

Бог, когда и ты свалил отца —
Будь готов иметь убийцу-сына.

Русь — и та загнулась от татар,
На столетья улеглась на шконку.
Погоди — и ты шагнёшь в Тартар,
Дай лишь Зевсу нагулять силёнку.

Но подсказал: коня не трогать —
Мол, в нём какой-нибудь антракс.

«Не верь ему! — взревели хоры. —
Тащи подарок... Не дрожи...»
А из коня — как смерти споры —
Полезли Греции мужи.

Понятно — кровь в колчанах стынет,
Похерен оборонный ГОСТ:
Держалась десять лет твердыня,
И лишь за ночь — коню под хвост.

Чего добился ты, Учитель?..
Глянь в пасть, что дышит у лица:
То не питончик-искуситель,
То — *искусатель* для жреца.

Погибли глупо эти трое
Во цвете мудрости и лет... -
Уж коли нет пророка в Трое,
То и Отечества в ней нет.

Вот прикуп вам для сводной сметы,
Точна ли — вам о том судить:
Давая дуракам советы,
Не след детишек заводить.

И кто в Аид его низринул —
К Харону в тягостный полон?
Представьте: мудрая Афина,
Плюс — обаяшка Аполлон.

Увы, доказано веками,
Хоть пнёт Куняев нас пятой:
Добро должно быть с *кунаками*,
А зло — о боги! — с красотой.

...Прокляв коня,
себя втащил —
В Историю, где был невесел...

О чём позднее сообщил
Знаток его печалей — Лессинг.

Лисистрата

*"А мы им не дадимся, мы воздержимся.
Тут, знаю я, тотчас они помирятся."
Аристофан*

Акыны твердят и аэды,
Что в мудрости древней сильны:
Солдату нужны для победы
Вечерние ножны жены.

Потуги Аресовы ложны,
И — жертвою быть палачу,
Покуда в заветные ножны
Дорожка закрыта мечу.

Поступит жена не сурово,
Коль, вето поклав на кровать —
Замолвит заветное слово:
"Даёшь — драчунам не давать!"

Во браке военно-дорожном —
Амуру ли таксы плачу,
Коль нет утоления ножнам,
И нету разрядки мечу?

Роскошное средство от сечи
Получит болезный супруг,
Поняв Лисистратовы речи...
И — словно погоны —
на плечи
Улягутся ножны подруг...

Лета

Что б стало с нашей долей света
В желаньи кульпу* искупить,
Когда могла бы речка Лета
Водицы собственной испить?

* *Mea Culpa* - "Моя вина..." (лат.).
Каноническая формула покаяния.

Лот

1.

Счастлив муж, однако, не любой —
Застолбить супругу за собой.

2.

Не знали в жёнах радости Отцы...
Ну что с того, что воду пил с лица:
Ведь ожидал — засолит огурцы,
А что увидел вместо огурца?!

Меркурий

Меркурий — бог,
что лиценс метит —
И эксклюзиву, и дерьму.
Лишь Зевсу за базар ответит,
А брокеры - уже ему.

Его сандалии — крылаты,
Надёжны — как гараж при ТАСС,
При этом сделаны из золота —
Как будто сглазил их Мидас.

Когда у вас крылаты ноги,
Считай — в порядке вы вполне:
Для вас всегда в продаже боги,
И — не по рыночной цене.

Да сам Гусинский —
в комсомоле
Впустую дни б свои пожог,
Когда б не двигатель торговли —
Товарно-денежный божок.

Меркурий, обучи уменью —
Разумно шекели копить,
Коль продаётся вдохновенье —
Со скидкой Родину купить.

И демос от него в восторге:
Титан прилавка!.. Милый... Свой...
В трудах и днях — извечно в Торге:
Ушёл на базу с головой.
Кристален он — без лжи и люфта,

(А продавцам — хоть в глаз vloми!..)
Зато он — гайка, болт и муфта —
Между богами и людьми.

Бессонно небеса утюжит,
А в сумерках, на склонах дней —
В Аиде волонтером служит
У заблудившихся теней.

Пасёт восхищенных могилой,
Там гида лавры он вкусил...

(Однажды точно так Вергилий
По Аду с Дантом колесил.)

В искусствах — как мулла в Аллахе,
Он Аполлона не подвёл,
Когда на базе черепахи,
Представьте — лиру изобрел.

Купец и гид!.. Муз нежных пастырь,
Придумал душам забытьё:
Семь струн, натянутых на панцирь,
Звучат как семь Мирей Матье!

Вблизи него не видно гурий,
Не слышно клёкота зигот...
Кому оставишь дар, Меркурий?
Куда пристроишь генокод?

Даёшь наследника, о гений —
Чтоб и преемник мог парить.

(Не продается вдохновенье,
Но — можно сперму подарить.)

Подобный жест - достоин Бога,
Ну хоть на пять секунд вспотей!..
Ты б месседж мог списать с налога
На неналичие детей.

От Бога всё — светло и свято.
Пахоугодные дела?.. —
За порцию *эвакуата*
Любая б мужа отдала.

Торговли Бог!
Народы жаждут...

И потому — в проблему влазь:
Ты б снял сандалии однажды —
Близ той, чья муза заждалась!

Приняв мольбу,
в минутном раже,
Меркант, прислушайся к гурьбе,
Чтобы всегда была в продаже —
Любовь к торговле и к тебе.

Марс

«В моей душе, поверьте — пыл иной,
Когда я мирно бряцаю войной!»

Мойры-Парки

Они не только Мойры,
Поверь, они и Твойры.
Ах, не имеем дар мы
Уйти от ножен кармы,
Что режут для порядку,
Увы, не правду-матку.
Деньки бы стали яркие
У Хаима и Двойры,
Когда б на шейку Мойры
Ножи точили Парки.

Клеймить Улисса ли стихами,
Коль Гименей всему виной:
Мошонкою и потрохами
Он предан Итаке родной.
Отец и дочь — в великом горе,
Отчаянья не описать...
Дары нашкодившего моря
Как после этого — спасать?

Не заключая пакты в Осло,
Пустив надежды их ко дну,
Наш Одиссей намылил вёсла,
Имея Кыблою* — жену.

Рыданьем демос привлекая,
Свалив щеку на грудь отцу,
Зарёванная Навсикая
Платочком машет пришлецу.

В бочонке горя — ложка смака...
Чти celibat и век молись...
...Но вскоре — сына Телемака
Прислал принцессушке Улисс.

Восстав с зарёванного ложа,
Зрит Навсикая без труда:
И та же стать... И гульффик схожий..
Короче, парень — хоть куда!

Подайте ж рюмку Гименею,
Что дал гистории конец:
Принц, от невестушки хренея,
Ведёт принцессу под минет-с!

...Готовясь к свадебному танцу,
Запомни, дева, на века:
Спасая папу-иностранца,
Захомутаешь и сынка.

Звенит сюжетец — только тронь-ка,
А поглядим-ка изнутри:
Всего делов — нагнись легонько,
И трупик Счастья подбери.

Игриво юбками виляя,
Усвойте Истины мацу:
И псевдотрупы оживляя,
Себя приблизите к венцу.

По Навсикаям мы вздыхаем...
Услышь же, мир, ещё не раз —
И древнегреческий «Ле-Хаим!»,
И — эвоэ, и — неги глас!

*** Кыбла — в исламе единственно верное
направление лика молящегося в сторону святыни.**

Нарцисс

Оракул молвил, радуя отца:
«Любовь — сыночка сердце не ужалит,
Причём, ничто Нарцисса не состарит,
Коль не увидит... своего лица».

Оставив мигом прочие дела,
С нахрапом, близким ярости Мамаю,
Пророчеству мудрёному внимая, —
Отец из дома вынес зеркала.

В своё ли дело личный нос сую,
Следя, как он — со скоростью кометы —
Раздал стране блестящие предметы,
Оставив только лысину свою?

Теперь Нарциссик всех живых — живей,
Прелестнее и дамы, и девчонки...
Макропулос, завидуй-ка мальчонке,
И даже Дориан, который — Грей!

Заполучивши юность в стиле блиц,
Он — лично Клеопатре вставил клизму:
Ведь и она могла беречь харизму —
Лишь в молочишке сотенки ослиц.

Он — луннолик... Прекрасен... И — ничей...
Он девушек вокруг себя не видит...
Он сам себе — и слово, и эпитет...

Но Мойра точит на него — ручей!

Однажды после дождичка в четверг,
Хоть эгоисту дождик — не помеха —
Либидо воспылавшей нимфы Эхо
Нарцисс с негодованием отверг.
«Любить нимфетку?.. Не было забот!
Ах, хороша?.. Подумаешь — невеста...

По барабану мне кошачье место,
Не говоря об области *G-spot*.*
Его ль забота — нимфу утолять?..
Ложитесь с колбасою язычковой —
Нарцисс не в силах каждой местечковой
Внимание и время уделять.

О, как он чёрств! Мне от него горчит!
Бедняжка-Эхо:
от подобной встречи —
Усох *G-spot* и прочие местечки.
Исчезла нимфа —
голос лишь звучит.

Теперь за разум, Эхо, ухватись:
Коль ты незрима —
подтвердят богини —
Ты можешь сэкономить на бикини,
И даже без юбчонки обойтись.

Пора в мозгах пошибче почесать:
Коль не нужны тебе отныне юбки —
Ты можешь указать и факт покупки,
Да и с налогов драхмища списать.

Нарцисс! Грядёт Возмездие само, —
Что не по силам и для толстой кожи —
Готовься: группа женской молодёжи
В Минюст Олимпа гневно шьёт письмо.

Не вечно душам девичьим кровить,
Да видано ль: имеющий мудя — и...
Пора поставить крест на негодяе,
Пора, Олимп, его остановить!
Придумано!
И кары нет горчей...

Однажды, волей Немезиды строгой,
Нарцисс с охоты брёл лесной дорогой...
Вдруг траверз заступил ему — ручей.

Беглец журчал, меж камешков струя,
В лесной тиши вызванивая соло,
И он, что пил одну «Олимпо-колу» —
Взор обратил к источнику питья.
Ликуйте, подписантки: вот плоды!..
В ошипе — вас обидевший тупица,
Что, позабыв желание напиться,

Себя увидел в зеркале воды.
Вмиг в его сердце вспучилась кила —
Нарцисса боль ответная карает:
Он над ручьём нелепо умирает —
От жажды — пить красавца из горла.
И — ни помочь, и ни совета дать...
А промедленье — жизни может стоить,
(Онан лишь знает, как нам обустроить —
Желание собою обладать).

От всех красоток равноудалён,
Живёт безводно и безалкогольно.
Надеюсь, Эхо, ты теперь довольна,
Что не в другую по уши влюблён?

Спешу скорей из памяти стереть —
Того, кто страсти равнодушно факал,
Ведь давешний исполнился оракул:
Себя увидев, начал он стареть.
Спроси, что скажут древние евреи,
Таких, как он — Танахом сокруша:
«И в нём да-авненько высохла душа,
И он — лишь эхо высохшей Психеи».

Теперь Нарцисс — лишь повод для гитар,
На женщине он мухи не обидит.
Пойми: Нарцисс — он сам себя не видит,
Пойми: Нарцисс — он ажно с детства стар.

Он как компьютер — над ручьём завис,
И умер от любви, увы — не мисс...
Но по весне — в границах урожая,
Растёт цветок по имени Нарцисс —
Уже ничьим сердцам не угрожая.

Нарцисс пригож и в вазе, и в руке,
Хорош и на пленэре он бывает,
И только девы зло на нём срывают,
Коль мстят за Эхо в вечном далеке.

Как был бобыль — так и живёт на свете,
А приглядеться — вылитый нацист:

Сам по себе хорош цветок нарцисс,
Но люто ненавидит жить в букете.

Превечны — юность, нимфы и гроза,
И давних греков дивные страницы.

И всё-таки, склоняясь над криницей,
Зажмуривайте, мальчики, глаза!

*** Магический эпицентр дамской сексуальности
в трех сантиметрах от парадного входа в Рай...**

Немезида

Её всегда найдёшь на месте,
Поскольку до излёта дней —
Не вместе, господа,
а — *в мести*
Мы вдвое... Вчетверо сильнее.

Прицельный взгляд извечно зорок,
И не состарили года —
Богиню мести и разборок
И даже — «стрелок» иногда.

При ней всегда в избытке снасти —
Весы и плеть, чтоб обмирал...
Вмиг резанёт серпом — по счастью,
Что у другого ты украл.

Допустим, вы в чужой квартире,
Иль влезли в кассу общака —
Готовьтесь — вскорости в сортире
И вы замочитесь слегка.

...Допустим, вы пошли на дело,
И сшибли кассу — на века! —
Готовьтесь живо к переделу
Уж поделённого мирка.

Желая в три желудка лопать,
Купили клаку без помех? —
Сумеет крыльями захлопать,
Коль слишком громок ваш успех.
Воришек и тиранов важных
Что под себя подмяли строй —
Она метелит без присяжных,
Да и без Кодекса порой.

Возмездие глаза ей застит,
Но всё же кипу не сниму:
Она не любит, если счастье
Валит помногу — одному.

Среди удачливых — ей скушно,
Но к олигархам есть рычаг:
Коль и закону вы послушны —
Верните лишнее в общак!

Её грифонов грозный клёкот —
Из тигров делает котят.
Не потому ль — верхи не могут,
А кто пониже — не хотят?

Всем — и патрициям, и плебсу —
Велит в смятении неметь.

И только хитровану-Зевсу
Себя позволила иметь!

Покуда Авгия загоны
Опасно лопались в торце,
Он под себя подмял законы —
В её фригиднейшем лице.

Укрыться тщась средь юрт и скиний
От супер-мачо меж повес —
Вмиг обернулася гусыней,
Но — в Лебеда шагнул Зевес.

Не увильнуть от обобщений,
Ату, генетик — в фактик влазь:
Пора межвидовых скрещений —
Аж на Олимпе началась!

Но правдолюбам грусть-кручина
Напрасно стала бы горчить:
Богам ведь поменять личину -
Что пару крыльев обмочить.

Вот так-то честь она сложила,
Ей Лебедь сделался — кацо,
И бич богиня отложила,
И — ... полновесное яйцо.

О, Зевсы... Лебеди... Мессии... -
Своё у каждого лицо.
Но — в мифологии впервые! —
Имеет Лебедь от России —
Губернию, а не яйцо.

А под вечер — жажду света утолить:
Как светильник, Рим покорный запалить.

Эта скромная Неронова свеча —
Полигончик для Нерона-Ильича.

Что — История...
 Нам шкура говорит:
Третий Рим — не хуже первого горит.

Рим и судьбы в грозный порох перетёр —
Недоцезарь, недобард, недоактер.

Человечище !..
 Скажите — кто иной
Недостачи превращает в перегной?

...Лопнул клоун, и актёра проклял зал,
И -
 «Не верю!» —
 Станиславский не сказал.

А пример его — не знает похорон...

Ах ты, сукин сын, камаринский Нерон!

Нике

Победа — не дороже злата
Коль не успел упрятать в клеть:
Виктория — она крылата,
И значит, может... улететь.

Ной

В диком мире, пороком объят,
Строя куры заплывам и бегу,
Постарайся пристать к Арарату,
Но сначала, конечно — к Ковчегу.

Нимфа Калипсо

Её Гомер — другим наука,
Науке ж —
эры и века:
Не знать ли дамам — что за мука
Иметь чужого мужика?

Стыд и позор герою-предку!..
Куда, пардон, партком глядел:
С ней отпахал он семилетку,
Вогнав адюльтер в беспредел.

Но кто, о Нимфы, разберёт,
Куда глядит их хитрый херец,
Пока не молвят:
«Я твой грот
Оставляю — ради ехать в Эрец!»

Итака — свет его бровей...
А ты, седея и лысея,
Скулишь с квадригой сыновей —
От глупости и Одиссея.

Мчит к Пенелопе... Той, кого ты
Забыла в патоке грехов...
Тебе б сейчас её заботы,
Тебе б — хоть этих женихов!

Обол*

Монетка языком прижата,
Турист — безмолвен и разут...
Текут —
И речка, и деньжата,
И тени *тенежки* везут.

Неутомимый сборщик *money*,
Харон ли с главным не знаком
Всё, что у нищего в кармане,
У Креза — лишь под языком.

Года даруют только стрессы,
А стоило ли нервы драть:
Куют мошну трудяги-Крезы,
Чтоб... на обол насобирать.

По Стиксу ли пловец скучает,
Гребя от будущей вдовы,
Коль —

до обола —

Жизнь сгущает
Всё, что в неё вместили вы?

Ответьте, господа и леди,
И ты, мудрейший царь Давид:
Зачем нужна поставка меди —
В Аид?

Текут... И нет движений встречных,
Харон дорогу накатал,
Он чёрно-белую превечность
Меняет на цветной металл.

Аиду ни к чему деньжища —
Они и тут, и там — вода-
Обол — сырьё,
*а плавят тыщи,
Чтоб работяги-лодки днище
Не протекало никогда.*

* *Обол* - мелкая медная монета, которую кладут
умершему под язык, дабы Харон извлёк её как плату
за перевоз в царство мёртвых - Аид.

Одиссей

«Жизнь миновала... И уже не скрою
Вердикта строки явственно видны:
Дуря конём взбесившуюся Трюю,
Водил я за нос — молодость жены.

Всю Ойкумену вволюшку истопав,
Не знал я ласки тысячи ночей:
Сверх-хитроумно ослепив Циклопа —
Гноил в истоме свет моих очей.

Меж женихов, что чудом не успели...-
Больное сердце, вопль души рассей:
Зачем, Сирены, шлягер вы не спели:
«Скорей плыви до хаты, Одиссей!..»

Одиссей-2

Мужи, что до хаты вернулись,
Спокойны до клича: «По коням!...» —
Ведь брак Одиссеям —
лишь... Улисс
С движением односторонним.

Онан

«Любой бы выиграл за любовь сраженье,
К искомой Фудзияме воспарил,
Когда б себе он сделал предложенье,
И сам себя с трудом уговорил.»

Орфей и Эвридика

Орфей в Элладе — Эдисона вроде,
И тоже — в ноу-хау корифей:
Не бушевала музыка в природе,
Пока не изобрёл её Орфей.

Заполнил ниши, залатал лакуны,
Придумал счастье — только и всего.
Цунами, ураганы и тайфуны —
Верны диктату музыки его.

Конечно, Зевс — и прочих помогуче,
Зато Орфей легко пленял сердца:
Его рулады разгоняют тучи,
И льнут кусты к фортиссимо певца.

Иную карму разгадай поди-ка,
Когда и Кашпировский не прознал...

Увидела Судьбу в нём Эвридика,
«Мисс-Фракию» он в деве опознал.
Изменчиво оно — людское счастье,
А — подлый рок! Кому он не грозил?..

Орфею не внимал подлюга-аспид,
И — в ногу Эвридику поразил...

Сгинь, парадигма «Свадьба-похороны»,
Беда, коль сердце музыки — гноит...
Ладья неумолимого Харона
Везёт его «Мисс-Фракию» в Аид.

Пандора

1.

Ни в ком не знающий протеста,
Не Зевс ли бучу развязал,
Когда кудеснику Гефесту,
Взъярясь, Пандору заказал?

Взревел, от ярости потея —
(Проснулся в Зевсе чисто бес):
Украла чернь огонь с небес —
Трудами Зорге-Прометея!..

По факту — верно, в сути — ложь..
Ужели мозг уели тромбы:
Огонь — есть жизнь, а не чертёж -
Какой-нибудь нейтронной бомбы.
Какие чёрствые сердца,
Зла и бездушия фиеста:
Ведь без огня —
и холодца

Не сварят даже три Гефеста!
А если гости на порог —
Вопросы вмиг поболее резки:
Как без огня сварганить грог,
И ту же шуку по-еврейски?..

2.

Не в силах псевдо-грех простить
(Что: кулебяку и варенье?!.) —
И дабы людям отомстить,
Велел — Пандоре дать рожденье.
(Ужель, огня Олимпу мало,
Коль, о народе не скорбя,
Нас — как Пандору —
гнут к штурвалу —
Занозить Боингом себя?)

Слепив чертёж на руку скору,
Послал Гефеста на труды,
Велев ему — сварить Пандору
На базе праха и воды.

Держа во лбу миллионы формул,
В громах, что зычно источал,
Земельно-водную реформу
В Элладе лично Зевс зачал.

Вина убийцы — девять граммов,
Прав, молвив, ассассин-дебил:
Я — Зевса выполнял программу,
Ему и отошлите билл.

Стройна, воспитана, умна,
В науках - *VENI. VIDI. VICI* -
Вполне могла тянуть она
На пост Тургеневской девицы.

Дары богов всюду питали
Для Подзевесной сей трофей:
Была Пандора, чисто Сталин —
Всего на свете корифей.

Что распрекрасна — нечем крыть,
Но — не тождественна заданью:
В урочный час — сундук открыть
Со всякой, извиняюсь, дрянью?

Издревле имиджем дурна,
Достойна разве что Гулага...
Ах, если б ведала она,
Что открывала, бедолага!

Аж тошно далее писать,
В себе услышав голос фронды:
А как назад дерьмо всосать,
Где помпы?.. Кадры?.. Те же фонды?..

И это, братцы — дар небес,
Желанье жить с народом в мире:
И корь, и оспа, и люэс,
И даже язва из Сибири?!

Вообрази — в годину кою,
Могучий интриган и фат,
Творил беду чужой рукою...
(Да он — Олимпа Арафат!)

Не тьявкой пред Олимпом, шавка,
Спеши в свою конурку влезть:
Что Зевсу — Первая Поправка,
Когда он сам — Закон и есть.

В момент бы лоер боевой
С обидчиками расквитался,

Когда б... горою правовой
Олимп хоть капельку считался.

3.

Вот и родился в том году —
Наказ, шлифованный веками:
Умей врагам своим беду
Чужими приносить руками.

Царили вне и изнутри
Не с тех ли дней — до рвоты часто
Девизик: "Разделяй и властвуй",
Слоган: "Открой и умори"?

Поступков, гэгов и суждений
Нелепей не было и нет:
Доставить худшие из бед —
Из самых лучших побуждений.

Богов — и Зевс не разберёт,
Вооружась хотя б и Торой...

В руках Пилата — сам народ
Был Коллективной Пандорой.

Ловчить уменье — сущий клад,
Что волен Зевс — запаadlo равву:
Ведь поступил он, как Пилат,
Что вовсе нам не для услад,
Как споры, выпустил Варавву.

В сетях искусственного мора,
В горниле ужасов и зверств —
Как разобраться — кто Пандора,
Кто только Демос, кто тут — Зевс?

Уволь нас от таких гонцов,
Тебя, Зевес, понять не смею:
Ужель, и в Штатах —
"Близнецов"
Свалили волею твоею?

Вопросов сотню я скопил —
К Зевесу...
Да хотя бы к заму:
"Выходит, ваш Гефест слепил —
Того ж Ладена Бен Усаму?.."

(Жую по CNNу пищу —
Картинка дьявольски чиста:
Глядится —
 будто плащаницы
Обманный негатив Христа.

И тот же — шарм... И тоже — глыба
Но — антикротостью беда:
Способна замочить талиба —
Лишь Иорданова вода.

Согласно схемам беспардонным,
По небу ангел ли ступал,
Когда рукою бен Пандоры
Антракс в Сенате рассыпал?

Заразой — импортной ли, местной
Травить сограждан не резон.
О, вы достойны Подзевесной,
Антракс Ладеныч Пандорзон!)

Беда... Но по её ль вине,
И ей ли надрывать одежды?..
У русских — Сатины на дне,
Зато у эллинов — Надежды.

За то, Земля, её прости,
Что, зло узрев такого рода —
Надежду лишь смогла спасти
От... заражённого народа.

Занозят обвиненья уши,
Клокочет яростью страна.
Но вровень Масловой Катюше
Невиноватая она!

В бесчестьи - хуже, чем в тюрьме,
Вот и кати сквозь эту призму —
Мол, подорвали реноме,
А также — имидж и харизму.

Но вот — подсказ не завиральный:
Печаль в сортире ли мочить,
Когда — с Олимпа получить
Могла б и за ущерб моральный?

Какую барышню — на дно!..
Какую душу водят за нос...

Ведь это, о Зевес —
одно,
Что дергать зубы через анус.

4.

Так, получивши, аки Греф,
Наипаскудную работку —
Опомнилась, на дне узрев —
Надежду... Голую сиротку.

В конвертах находяше споры,
Поймешь и без канала FOX:
Уже затем любой — Пандора,
Что ключ вонзает в P. O. BOX.
Зачем же к приговорам скорым
Мчим —

как либидо по росе?
На белом свете все — Пандоры,
Но ведь и Зевсы — тоже все.

Поклавши глаз — задайте дёру.
Опасна девушка-мечта:
Она в девичестве — Пандора,
А сразу после — Никита.

Прав и Гомер — опасны девы,
И Торе не устать кровить:
Программу ль заложили в Еву —
Адама сексом отравить?

Взирают с Леты берегов,
И никогда не точит лыжи —
Пандора...
Свет очей богов...
И — тьма... И тьма... И тьма — пониже.

Выходит, что и мы в опале,
И той же яблони плоды,
И нас зачем-то ведь ваяли —
Резцами глины и воды.

Ужель объявлен будет крайним
От Альбиона до Курил —
Всяк, кто без умысла, случайно
У вас чего-нибудь открыл?

Ужели, разжигая споры,
Что зрели в колбе головы,
Из той же ёмкости Пандоры
Опасно вылетите Вы?

5.

Когда ты — раб, а не заказчик,
Повесь над памятью топор:
Не выпускай на волю ящик,
Когда у ящика — запор.

Пасифая

1.

Владыки! Истина сурова,
Но ждать иную — нелегко:
Жена, когда она — корова,
Даёт, увы, не молоко...

Грущу, гекзаметры кропя,
Меж тем — загадкою влеком:
Тореадор ли — Пасифая,
Коль рвётся встретиться с Быком?

Простёр над девой Эрос длани,
Велев запретное вкусить.
В груди — коррид огонь:
Желанье —
Себя буй-туром погасить.

Либи́до — хлеще, чем коррида,
Тому свидетели — века:
Охота и царице Крита
Побыть рабынею быка.

Обры́дло из-под мужа править...
И ВОТ,
покуда не карга,
Царю торопится наставить —
Копыта бычьи и рога.

В веках сокрыты тайны вагин,
Их не раскроют — ни «Моссад»,
Ни Кашпировский, ни Шпильгаген,
Ни Казакова, ни Де-Сад.

Готовься всяк упасть со стула,
Узнав, куда ведёт строка:
Она — царю бы подмахнула,
Супругой будучи — ...Быка.

Запретный бублик — слаще кекса,
Что видим мы в ея лице:
С царём царице — нету секса,
Как нету секса во дворце.

2.

...Корова — из бревна...
А вместо ... —
Чтоб в скважину спускать курки.
Виват, ремесло Гефеста,
Искусный клон его руки!

Отважно скинуты покровы,
Пора бурёнку подкатить:
Оскалом вагины коровы —
И бычий впору укротить.

И на заре, когда светало,
А демос в хатах трескал шти —
Лебёдушка не раком стала,
Считай — бурёнушкой почти.

Пресыщен стадом, дроля — с ленью
Мнёт деревянные бока.
Зато царице — разговенье:
Час не рутины, а — Быка!

Ты ж, Аргус слеп, не годен к бою,
Утратил тайны ремесла,
Поскольку должного числа —
Малютку с бычьей головою
Царю супруга принесла.

Вне риз и царственных величий,
Достойна плюхи и пинка —
В себя загнавши месседж бычий,
Загнала в Лабиринт сынка.

Урок Истории суровый —
Мудрей корявого курка:
Считая жёнушку коровой,
Разбудишь в мухе — Час Быка.

Пускай ты — кесарь...

I am sorry...

Муж Талий, Пасифай иль Хлой -
Держи супругу на запоре,
Не том, что лечится свеклой.

Тащи её из залы — к схрону,
И — дабы жерло залатать,
Ко всем чертям сорвав корону,
Умей быком искомым стать.

3.

Так победив —
(в науку влез-то?!.) —
Кобылок в Царстве оценя,
В урочный час — вели Гефесту,
Построить для себя — ...Коня!

Парис

О том, братан, веду и речь-то,
Что не сберёшь костей своих,
Когда архикрасотки —
нечто
Соображают на троих.

Парки

«Судьба у нас, признаться, хуже пытки:
Разоблачить подшефного до нитки.»

Первосвященник Каиафа

К лицу ль жрецу и ажно Перворавву
Пред демосом лоббировать Варавву?
Чего он - жрец, когда ему к лицу -
Спасенье дать вору и подлецу?

Пегас

Не в сказке выдумать:
Горгона,
Чьи взгляды терпит лишь скала,
От генофонда Посейдона
Коня Пегаса родила!

Но знайте, США, и ты, Рассея —
Всю правду...
(Лупит пульс в висок...):
Пегас наш — от меча Персея,
Что даме голову отсёк.
Конь, в ком сплели святое Музы,
В ком гигабайт любви струит —
Из капель кровушки Медузы,
Когда намылилась в Аид.
...Горгоне он — любовник, враг ли?.,
Но Посейдон — ни взять, ни дать -
Помог мадам те клоны-капли
К посмертным родам подгадать.

Вообрази змеюги тело...
Представь Его девятый вал...
Пойми, куда она глядела,
Когда её он ... проплывал.

Тут у меня прозрений масса,
Я б их в Сенат и в Думу внёс:
Горгона понесла Пегаса,
Пегас же — Пушкина понёс!

Сто раз спасибо, что — не к маме,
А в Петербург — для счастья масс...

***Глядите, барды, кто под вами,
Когда несёт, простите, вас!***

Ша! Где генетики законы,
Олимп, куда глядел ЦК:
Как можно, будучи Горгоной —
Родить подобного сынка?

Сюда б — кремлёвского менгрела,
Чтоб изучить повестку дня:
"Куда генетика смотрела
В момент концепции коня?"

Спрошу, ступивши в ярость масс,
Что служат сексу и мамоне:
Ужели, господа, Пегас —
Достойный памятник ... Горгоне?

Она — мамаша... Факт не тронь,
Сколь гнев бы ваш не распалялся:
Мол, рядом с этакой — и конь
Не ржал, не прядал, не валялся.

Всем лженаукам он угроза,
А парадоксам — брат и друг.
Вот так-то, Чезаре Ломброзо,
И — корифей всея наук!

Пигмалион и Галатей

Товарищ Зодчий, всё в твоих руках,
И с Глорией тебе не разминуться,
Когда, велев резцу застыть в веках
Позволишь ране... камушку очнуться.

Помпеи

Я изумляюсь, мыслью спея
О горькой истине трюизма:
Всегда Последний день Помпеи —
Лишь первый день её Туризма.

Приап*

Нас ждали бы завидные этапы,
И лавры олигархов или бонз,
Когда бы в Штатах —
в точь как у Приапа —
Не падал —
ну хотя бы Доу-Джонс!

* *Приапизм* — трагическая неспособность супер-мачо хотя бы на секунду утратить сокрушительную эрекцию.

Посейдон

Ему послушны волны и туманы,
Русалки, щуки, Китежа сады...
Он, Посейдон — начальник Океана,
Верней, Верховный бог Всея Воды.

Купаться не любил товарищ с детства,
Причём, в сортире лишь глаза мочил.
А час пробил —
 при дележе наследства
Всю воду — Посейдоша получил!

Ему бы посоветоваться с ребе —
(И у богов порой в мозгах троит...)
Зевс отхватил себе буханку неба,
Зато подземку схлопотал Аид.

Не громовержец...
 Но — отменный мачо,
В русалках счастлив — Улиссу назло.
Вот и выходит: в среднем — он удачлив,
Вот и выходит: в среднем — повезло.

Пред ним открылась яркая страница,
Где он — и царь, и бог, и пионер,
Где заодно возможно и помыться —
Курируя подводный свой пленэр.

Он — сексапилен, статен и державен,
Подвижен — как в Иваново челнок.
Его трезубец подвигами славен,
И — однозуб с пропиской между ног.

Плывёт направо — встретит экстрადеву,
С Деметрою он нежен и речист.
Кадрит Медузу — лишь шмыгнёт налево
Сей океанский Левый Уклонист.
Наяривая тонно-километры,
Силен и свеж.

 В нём мачо не угас:
Есть кое-что у бога от Деметры,
А от Медузы, братцы — аж... Пегас!

Вот — гений и злодейство!..
 Пляска генов...
На гроб Сальери с Менделем — венок...

Но если вы, пардон, владыка моря —
Не гадыте во владение своё!

Увы, великих не понять порою -
Вожжа ль под хвост?.. Или - типун вскочил:
Чудовище наслал наш бог на Троию,
Улисса — в три шпангоута мочил!..

Знать, корифеям не остепениться,
Хоть принимайте валидол иль бром...

Летит в волнах золотая колесница,
Рыхлят копыта водный ипподром.

Лишь Посейдонов вывезет кривая —
И ныне, и в грядущие века...

Тебя ль, читатель, хочет Пасифая,
Когда ты и не в облике быка?

А ты — рядись в быка назло препонам,
Помогут и либидо, и среда.

Хотя б порою — будьте Посейдоном:
Пегасиков рождайте иногда!

** Екатерина Вторая (так императрица
поименовала себя на "Медном всаднике").*

Прокруст

Он лютовал на старте демократий,
Которую Эллада родила —
Лихой Прокруст...
Бандит с большой кровати.
(Но у него и малая была!)

Давно он утром не молился Богу,
Забыв, где верховодит главный Бог.
Шёл парень на Афинскую дорогу,
И — на... кровати путников волок.

От ужаса любой наложит в гетры,
Узнав, что ноги вживу унесёт,
Когда при росте в двести сантиметров
Уляжется впритирку на... трёхсот.

И не Борей — изгонит в страхе ветры,
Поняв, что легче голову сложить,
Чем долгие семнадцать дециметров —
В каких-то десять ловко уложить.

Короткого — растянет аж до Ада,
А дылду — по колено порешит...
Спроси маркиза-
 изверга Де Сада —
Ужели он такое совершит?

Сие — на инквизицию похоже —
В сапог испанский жизнь свою совать:
Швырнёт ли на коротенькое ложе,
Применит ли контрольную кровать?

Он лютовал, беду и смерти сея,
Тянул и резал, и судьбу сминал,
Покуда меч карателя-Тесея
Его на мини-ложе не загнал.

Сожмись, бандит, пока не лопнет кожа,
Не то — помогут, лишнее рубя...

Ну что, Прокруст: удобно ли на ложе —
На оттоманке имени себя?

Иное б описал в романе горе —
Француз-Бальзак, чьё перышко зудит,

Когда бы знал блистательный Оноре,
Как кончил дни шагреновый бандит.

В чужие ложа неча лик совати,
Но и глаза не надо закрывать —
На то, что и погибнет от кровати,
Поднявший на прохожего кровать.

Гордыне или логике внимаем,
Сумев Прокруста начисто забыть,
Когда себя до одури сжимаем,
Когда хотим — судьбы длиннее быть?

Случается похуже: трусость влупим,
Спеша ещё до ложа онеметь,
И тем скорей нелишнее мы рубим,
Чем больше его хочется иметь.

Прометей

Геолог, над рельефом употей,
Служа для блага брюха и народа,
И ты легко поймёшь, что Прометей -
Невероятно скальная порода!

Историю слагает не кума,
Не надо понимать Титана узко:
Мол, Прометей — и пища для ума,
И для орла — подённая закуска.

Ещё мне нашептал знакомый мент,
Что тут дела совсем иного рода —
Мол, Прометей — раздвоенный агент
На службе у Олимпа и народа.
Есть в мифах — реализм без берегов,
Но в русло правды — главное налипло:
И Зевсу помогал крушить врагов,
И людям — огонёк принёс с Олимпа.

Самсон и Далила

Эякулируя слова
Во ушки девушки соседней,
Узнал Самсон:
Тора права —
Героя первая глава
Порой становится последней.

Язык держите на макушке,
Когда Далилы на подушке,
Иль — выдавайте по старинке
Секреты токмо от ширинки.

Засим — во имя сверхзадач —
Власы теряючи в угаре,
Израиль, плачь!..
Израиль, плачь!..
Но ясно: не по Матам Хари.

Сапфо

Истлела плоть... Музеем стала bedroom..
Могилу греет верхнее быльё..
Сапфо богатства прирастают метром —
Застенчивой поэзии её.

Утоплена... Но не Эгейским Стенькой,
Плетёт в веках волнение в крови.
Сапфо богатства прирастают стенкой,
Стыдливо скрывшей гадости любви.

Жива в легендах — греческою Евой,
С фигурой — будто собранной в КБ.
Сапфо богатства прирастают девой,
Которая досталась не тебе.

Красавица, и — девам душегрейка,
Лишь Лесбосу сцедит она строку.
Сапфо богатства прирастают шейкой,
Которую лобзать — не мужику.

Се — остров, что Поэзию питает,
В мир простирая страсти нежный крюк.
Богатства наши — им ли прирастают,
Когда увидят нашенинских подруг?

Один Орфей —

их мимо —

смело топал,

И, ритмы выбивая на губе,

Глушил их — как «Свободную Европу»

Умелые Орфеи КГБ.

Эллада, плачь!

И вы, ахейцы, плачьте,

Мысль проступает — как на скалах гной:

Не мы ль —

себя привязываем к мачте,

В народе именуемой — женой?

Пусть жёны и угрюмы, и смиренны,

И каждая пирог тебе печёт —

В ушах поют внебрачные Сирены,

Когда порой на скалы нас влечёт.

Сизиф

Гроза людей, что шли беспечно мимо,

Сынок царя,

и это не смешки —

Закатывал валун на пилигримов,

Выдавливая драхмы и кишки.

Хвала Зевесу:

рок захлопнул ставни...

Эриния, погромщика — громи:

Теперь его судьба — работать с камнем,

Как некогда работал он с людьми.

Его награда — всем заслугам впору,

В Аид понижен — наказанья для.

Дела его идут сугубо в гору,

Хоть начинается каждый раз — с нуля.

Не в голову и думать о погроме,

Повоевал — себя же и сразив...

Отныне его бизнес — на подъёме,

Чему, увы, не рад один Сизиф.

Пуста его работа — нету спору,

Но подвиг сей немало люду спас:

Когда Сизифы катят камень в гору,

Им недосуг катить его на вас.

Но на дорогах —
вновь неумолимых,
И не всегда в Элладе, как вчера,
Царевичи встречают пилигримов,
И выдают Сизифов на-гора.

Пыхтит гора: её тошнит от мифов,
Горе — беда, покуда нам — смешки...

История, катила б ты Сизифов,
Пока из гор не вылезли кишки!

Сизиф-2

Коль вечному мифу
Приходит пора,
Олимпы —
Сизифов
Дают на-гора.

Сократ

«Примат Вопроса возлюбя,
Зря в оба по два — аки Янус —
Познайте самого себя,
Причём, желательно — не в анус.

Цикута, знамо — не вино,
Но Басарей* — блаженней сна ли?..
И знайте радостно одно:
Вы никогда себя не знали.

Об этом я не раз певал...
Копили гнев Эллады боссы...

...Ах, чем я юных растлевал? —
Искусством задавать вопросы!

Но трон опасно задевать,
В одном любая власть едина:
Цель — не вопросы задавать,
А — сено кляче Господина.
Серьёзней закаляйте нос,
Чтоб зарубить на нём не гэги:
В ответе главное — вопрос,
Он — ствол. Лишь он струит побеги.

Льстецов гоните, коль поют,
Лия слезу, топорща гузку:
Они ж цикуты и нальют —
С куском поганки на закуску.

Цикуту ль в Вечное берём,
Минутным следуя указам?..

Ищите Солнце — с фонарём,
Причем — в руке, а не под глазом.

Но вопрошать умеете — сметь,
Коль наша жизнь — короче клипа...»

...А что цикуте не сметь —
Умело довершит Ксантиппа!

* *Басарей* — одно из имён бога вина.

Сфинкс

Лишь на Эдипе рок остепенился,
Все достиженья взлётные забыв:
Сей раб судьбы — на мамочке женился,
Папашу упредительно убив.

Уж лучше б дал Оракулу на лапу,
Вдрызг заваливши в Дельфах важный тест,
Чем рисковать —
лишить житухи папу,
И с мамочкою вляпаться в инцест!

И вот он в Фивах...
(Жизнь — поярче клипа,
Покуда не исчерпана до дна...)
Увы, не голова вела Эдипа,
А — предков коллективная вина.

От Сфинкса — Диоген нырлял за кадку,
Но не к таким народ пальбу несёт:
Решивший Сфинкса пошлую загадку —
Фиванцев от чудовища спасёт.
Душа туристов славные порывы,
Пристал он к царству, аки к псу — репей:
Кайфует на скале у входа в Фивы,
И жрёт любого, кто — его тупей.
Но вот к скале Эдип наладил ноги,

Поскольку Сфинкс —
Пархатый piece of shit —
Пообещал свалить с Большой Дороги,
Коль тот его загадку порешит.

"Ответь, Эдип, коли по шапке — Сенька,
И если — не текущий пустобрёх:
Кто утром семенит на четвереньках,
Днём — на двоих, а вечером — на трёх?.."

"...И эта чушь — Фиванских бед причина?!".
Ответ струит — как портвешок в стакан:
Младенец — в детстве,
в зрелости — мужчина,
На склоне лет — с клюкою старикан...

Виктория!.. Низложено засилье,
И в пропасть с шумом ухнуло мяско —
Не помогли ни когти и ни крылья,
Ни гада-Сфинкса девичье лицо.

Теперь он —Царь!
В народе — ликованье,
Его признал и паупер, и знать...
Но ждут Эдипа сцены узнаванья —
Того, чего бы лучше и не знать.

Есть ли мораль в побасенке античной?..
О-кей, Замок —
держи свои ключи:
Когда ты Лай — веди себя прилично,
Когда Эдип — папашу не мочи.
Разбей кирпич, что будет лишним в кладке,
И не захлопни дверь в своей судьбе:
Когда ты — Сфинкс — забудь свои загадки,
И пропасть не приблизится к тебе.

Но не загадки шьют во мне тревогу,
Увы, не спички — сыновья огня:
В краю, где Сфинксы стерегут Дорогу,
Не Сфинкс, но Царь — загадка для меня.
Мне не в чем упрекнуть зануду-Сфинкса:
Ревизии Приказ не подлежит...
Но там, где царь с чужой загадкой свыкся,
Разгадке — только Демос подлежит.

Талант*

Как ни блестящи, ни галантны
Творцы иного ремесла —
Есть эксклюзивные таланты,
И — несть поклонникам числа.

Горды —
 обеими руками
Эфир овацией рубить,
Спеша к талантам с кошельками,
Чтобы... потуже их набить.

В них не клокочет и мыслишки,
И даже рифма не смердит —
Почти два пуда золотишка
В таланте издревле сидит.

Будь ты политик иль повеса,
Лишь нумизматика горда:
Талант любому — мера веса
Его кармана, господа!

Вот тут я выделю чернила
Под козырной мыслишки туз:
Таланты Греция ценила —
Задолго до рождения Муз.

Их обаяние и силу
Не описать в одной строке —
Она их на руках носила,
А также, ясно — в кошельке.

Он — бог страховок и гарантий,
Его — важней жены иметь.
Прекрасно золото в таланте,
Класс — серебро, терпимо — медь.
Вмиг ощутит себя Атлантом,
Мошну умеющим ковать, —
Всяк, обладающий талантом —
Талантами повелевать.
Он и аэдами поётся,
И любит власть, и лесть, и — лезть,
Талант тогда не продаётся,
Когда он — денежки и есть.

Не суетись: схлопочешь грыжу,
И утлый чум вдали от трасс,

Желая семь талантов выжать —
Понятно, таки — сорок раз.

В них — круг Вергилиев и Дантов,
Когда подлянку жизнь рулит,
Когда в подруге — семь талантов,
Из них четыре — ...целлюлит!

А это в даме — хуже пыток,
И мук сторон не описать.
Талантов девичьих избыток —
Поторопитесь отсосать.

...Слышь, Конституции Гаранты,
Чтоб в топи блат не пала гать —
Пробейтесь к тонущим:
Талантам —
Талантом надо помогать.

Супругу нежа близ камина,
Пойми, влача её в кровать:
Сидят в любом таланте — мины**.
Без мин таланту не бывать.

Глянь на века: кранты Гаранту —
Взлетит, и некому поднять,
Когда позволит он талантам
Себя на мины разменять.

Коль царь-мужик не уступает,
А гром уже грозит росе,
Талант лишь мины покупает —
На все...

* **Талант** (лат.) — Сумма прописью и мера веса, описывающая стоимостное содержание 26,2 кг золота, серебра или меди. Состоит из 60 мин. Взлётная купюра древлян.

** **Мой читатель, надеюсь, не забыл, что талант состоит из 60-ти мин.**

Талия

Топча гудрон без отдыха и сна,
Никейвы, шма!..

Пошире уши, гейши:
Из сойма Муз для нас наиважнейшей
Является, подруженьки, - Она.
Во имя чувств и вечных, и благих —
Перчатку бросьте обнаглевшим пузам,
Иначе муж уйдёт не к прочим музам,
А к этой же —
в составе у других.

Тантал

Его заскок — другим царям наука,
Хотя владык — примером не сломить...

Сей самодур у трона —
Зевса внука
Пытался небожителям... скормить.

Куда смешнее выглядит картина,
Когда копнёшь маленько —
Who is who:
Тантал и сам являлся Зевсу — сыном,
Которых — тьма в божественном паху.

Подобный триллер всем ломает ночку,
Мне лично — сон на месяц сокрушил.
Каков подлец: кровиночку-сыночка —
На барбекю богам пустить решил!

Богат — что Крез...
В отарах зреет мясо..
Поля... Сады... Стерлядка... Караси...
Увы, сей древнегреческий Бокасса —
Почище Салтычихи на Руси.

К Олимпу — зван...
Отцом любим и признан...
Приближен к тайнам,
к внутренним кругам...
И вот — зазвал богов.
Но — лишь на тризну,
И — чтобы трупа труп скормить богам.
Похоже, он в Элладе — первый олух:
Ведро ль мочи скатилось по уму,

Иль просто древнегреческий уролог
Ударил крепко в голову ему?

К чему сей падишах пришёл в итоге,
Зазвав к столу всея Олимпа знать?..
Замыслил тест: всеведущи ли боги —
Способны ли подмену распознать?

Лишь голове, где мозг подсижен сальцем,
Чертоги Неба кажутся гумном...
Да и богам ли спутать нечто — с пальцем,
Тем более — барашка с пацаном?

Тестируйте Дорогу, а не Ноги,
А буде сыном — дорожи отцом...

На Громовержца поглядели боги:
«Решай, Зевес, — что делать с гордецом...»

Гримасу Зевса исказила мука,
Был фронт работ стремителен и лих:
Во-первых, оживил он кроху-внука,
И в памяти порылся, во-вторых.
Покуда в громах жизнь его мотала,
Трепали нервы дамы и месье —
Был терпелив Олимп.

Но на Тантала
Скопилось пресолидное досье.

Не веруя в небесных демократов,
Лихой —

по сотням девочек —

ХОДОК,

И он бессмертных опасался катов:
У Зевса — свой Малюта был Скуратов,
Свой Торквемада... Берия... Видок...

Зевс лишь вчера,
промеж проблем несметных,
Украл Европу под плащом быка,
Но он отставил финиш нег заветных,
И пухлый сборник файлов сверхсекретных
Ему открыл глазища на сынка.

«И грекам, и евреям, и татарам —
Болтал, что на богов не уповал...»
«Украл с небес амброзию с нектаром,
И демосу со смехом продавал...»

«Сим смертным он нашёптывает басню
Без покраснений в области лица —
Его, Тантала, жребий, мол — прекрасней
Удела Зевса... Стало быть — отца...»

Под честного все эти годы косит,
Хотя пора б и хлопнуть по рогам:
По Ойкумене тайны он разносит,
Известные лишь избранным богам...
«Его простить — поверить вхолостую
Усилилась Танталова вина:
Таит в хлеву Собаку Золотую,
Украденную в Храме Пахана...»

Зевс сжал кулак, набычивая драку —
(Дразнить Отца не надо, мужики...)

«Зачем, собака, прятал ты Собаку,
Имея золотые рудники?»

Пылает гнев... Растут масштабы тола,
Немудрено — велик вины завал:
«...И закусон с небесного престола —
Почто, сынок, ты быдлу раздавал?»
Во гневе Зевс — зело, признаться, шумный,
А тут — вошла под молнии шлея:
«... И если ты такой, сынуля, умный,
То отчего же Зевс — не ты, а я?!»

Но за увечья, что доставил внуку,
(За прочее — поставил бы на вид!..) —
Вкусишь покрепче Сталина ты муку —
Не в Туруханск ссылаю, а — в Аид.

Поскольку на нектар тебя попёрло —
И стой в воде...

Но не хочу топить:

Водичка будет — чуть повыше горла,
Но рухнет долу — лишь захочешь пить.
А вот за то, что разживался кешем —
С амвросии...

А совесть — не мутит,
Над головой твоей плоды повешу,
Но — не достанет груши аппетит...»

Окончен суд. Зевс умывает руки,
Резвится внук — улыбчивый малец...

...Но ждут его Танталовые муки,
Когда узнает *who is who* — отец.

Иль, генов раб —

Указ богов нарушит:

Оживший сын, сразив обид туман —
Подаст папаше финики и груши,
И пару яблок затолкнёт в карман?
И даже, с риском потерять свободу,
Хоть мог иные страсти утолить,
Черпнув ладошкой, даст Танталу воду,
Не труся — деда вусмерть обозлить?
Вдруг — вздрогнулось...
И мысль вошла без стука,
И хрустнула как спелая маца:
«А может, Зевс тестирует и внука,
Желая знать — забудет ли отца?»

Долги... Долги...

Порою ваше бремя

На раны и законные — рычит...
Возможно, было... Но - в другое время,
И миф о том — томительно молчит.

Считающий — мол, я на парня взъелся,
Глянь в интернетском сайте —
«www.gorle.com» —
Насмешку горькую обманутого Зевса
Над проболтавшимся сынком.

Троянский конь

Который век тирадою площадной
Её чехвостят зря-почём кляня.
Ужель, была ты, Троя, безлошадной,
Коль отдалась лишь образу коня?

Тут не помогут ни мольбы, ни мантра,
Учить растяп — пустопорожний звон.
Впустую рвала волосы Кассандра,
Напрасно глотку драл Лаокоон.

Подставился — в Аду, приятель, грейся,
Опасна ночка, преданная днём,
Впуская в город заодно с конём —
Замедленного действия ахейцев.

Ища везде завесы дымовой,
Безбедно заскользишь на всякой бровке.
Конь тоже ведь бывает дармовой,
Подобно сыру — только в... Троеловке.

Вмиг разъяснит тебе Верховный Босс —
(Когда не знаешь — апеллируй к Богу...):
Когда коня вам дарят неживого —
Подумайте: не вы ль — его навоз?

Троянской пораскинув головой,
Собрав до кучи утлых мыслей струйки —
Сломали что ли б транспорт гужевой,
Чтобы топить зимой свои буржуйки.

Топча Кассандру, допустили брак,
А с колуном — пошла б иная фаза.
Вот тут и обналичился бы враг —
В лице внутриконяжьего спецназа!

Увы, подарков жажду — нечем крыть,
И не были таким хотя бы раз вы?
Но вот зачем врагам коня дарить,
Не пряча в нём хотя б сибирской язвы?

Прошли века...

А тема — только тронь!..

Она, как анероид - кажет ясно:
Когда твоя судьба — Троянский конь,
Ой, на дрова пускать её опасно.

Фэтон

Шалопая станем ли хвалить —
За желанье Солнцем порулить?
Впрочем, и светилам не к лицу -
Доверяться псевдоудальцу.
Вот пример, что может искусить -
Тьму готовых Солнце погасить.

Феникс*

Товарищ Феникс — редкостный кутила,
В его стихиях не летал Кусто...
И пятисот ему ведь не хватило,
Я — поскромнее: мне бы — два по сто.

Он — парадокс... Мир надвое расколот...
О нём бренчат и лира, и ситар...
Одни твердят, мол, Феникс — вечно молод,
Уверены другие: вечно стар.

Всегда движений лишних избегая,
Он ране срока жизнь не обрывал,
И сам себя рачительно сжигает,
Чтоб топлива народ не воровал.

Пусть вы уязвлены судьбиной злою,
Закончите со мною этот стих:
Как Феникс — прибирайте за собою,
Как Феникс — оставайтесь при своих.

* Неутомимый Феникс живёт 500 лет и, сжигая себя
в рамках программы Recycle — восстаёт из пепла
для последующей полутысячи годков.

Харибда и Сцилла

Когда ты вусмерть горд своею милой,
А жёнушку считаешь совершенством —
Ты таешь между Счастьем и Блаженством,
Как Улисс - меж Харибдою и Сциллой.

Хариты

Господа! Оставьте ваши цацки,
Обратитесь важным ликом к Криту —
Ведь недаром сам товарищ Чацкий
Воскликнул: "Хариту мне!.. Хариту!.."

Видно, славно девам в пене мылось,
Есть-пошла от Зевса супер-каста:
Озаренье, Доброта и Милость —
Это, брат, и в Греции нечасто.

Коли припечёт судьбина злая -
К Грациям спешу — с Аи и с тортом...

Ефросинья... Талия... Аглая —
Вот с кем, Чацкий, — счастье быть четвёртым!

Патриот,
 прожектами виляю:
Как бы гурий заманить в Россию:
Чтоб, держа за Талию — Аглаю,
От обеих — ... прятать Ефросинью.

Харон

Торопись на лодочку, Народ,
Перевозчик потеснится даже:
Лишь один обол Харон берёт,
Смерть — на сейле,
жизнь — на распродаже!

Век суя бакшиш и валидол,
Потерявши свойство прядать бровью,
Суньте под язык один обол —
За доставку к вечному здоровью.

Бизнес сей ничто не запретит,
Но пойми и ты безумье Гида,
Если даже лодку воротит
От — душехранилища Аида.

Пусть не станет пассажир бузить,
Пусть — не крикуны, не голосисты...
Что за радость — жмуриков возить,
Лучше б ты, Харон, рванул в таксисты.

Ты б решился, и — веслом о пол—
 То бишь — борт...
И — в вальс пустился венский...
Только вновь — обол... обол... обол...
Часом, ты, Харон — не Оболенский?

Но не зная ни жары, ни стуж,
Не прельщаясь сочностью красоты,
Бдит Харон на вахте нетто душ,
Нетто душ — верхом на брутто лодки.

Ждёт Аид... Легко ладья ползёт.
Лодочник кемарит по старинке...
Если ж душу ... лодка изгрызёт —
Кто твою, Харон, перевезёт,
Коли твой шофёр истлел в ширинке?

Цезарь

В просторах Понтия Пилата,
Где, знай — лишь Кесарей свергай,
Родился в стане демократов
Вполне к судьбе пригодный Гай.

Готовясь стать веков иконой,
Стране — отец, богам — вассал,
Перебегал он Рубиконы,
И жребий, как матрон — бросал.

Вот так, собой являя эру,
Надев венки, как бутсу — фалл...
Он даже славу Искандера,
Сказать по правде — Буцефал...

Тибр ярости излив на карту,
В сражениях и страсти крут,
Забыл спросить он Клеопатру:
«Ужель, и ты, родная — Брут?»

Собой Империю опутав,
Врагов в сортирах замочив,
Прохлопал он в Сенате смуту,
Импичмент в печень получив.

Утратил трон на лобном месте,
Умчал в Историю *so boy*...
Погиб казак — невольник мести,
Пал, завоёванный... собой.

Цербер

Ужели Сфинкс сообразит —
Где справедливость, где коварство:
Иль Цербер сторожит Аид,
Пасёт его ли — мёртвых царство?

Он правомерно держит пост,
Но как понять Ехидны сына:
Змея ль свирепо скалит хвост,
Иль — коброю виляет псина?

(Знавал и я одну наяду,
Но — зван на нежные бои —
Был отрезвлён собачьим взглядом,
Венчавшим *жалости* змеи.)

Чудак-Аид!.. Мордасти-страсти...
А что взамен?.. Кого громить?..
Когда ж у вас, пардон, три пасти -
Вас трижды надобно кормить.

Три пасти — это ж метастаза!..
Кормите, сударь, коль не лень,
Зато бесчувственную тень
Порвёт ваш выкормыш — три раза.

С тенями жалкими во мраке
В три пасти
 он ведет бои.

Змея ль венчает зад собаки,
Иль — пёсье тело у змеи?

Раб караульного устава,
Грызёт фантомы бывших тел —
Такого, блин, фашистодава
И Карацупа бы хотел.

Всем любы нежные трофеи,
Хоть Эвридика — не с руки...
Но ведь затем поют Орфеи,
Чтоб Цербер прищемил клыки.

Покуда злоба не иссякла,
Он не устанет зло прудить.
...Но бицепсы даны Гераклам,
Чтоб пса до ветру проводить.

Он грозный страж...
О, да — стращает,
И тени стережёт века...
Но и Аид он защищает
От камикадзе-чужака.

Его ль харизму мы нарушим,
Вдруг прекративши пса марасть:
В Аиде —
 Грозной части суши
Гуманно стережёт он души,
Чтоб смертным... вновь не умирать.

Чур — нас... Пойдём тропой иною -
Бегом от греческой халвы...
(Ужели, Цербер создан мною,
Коль в моей книге — *три главы?..*)

Циклоп Полифем

Сын Посейдона, а не Мао,
Он кровь народа не сосёт:
На древнегреческих джайляу
Он — Авель — козочек пасёт.

Пастух... И демосу не враг,
Поскольку... (Это *must be read!*):
Он -
 как Тевье-молочник —
 творог
В своей пещере мастерит.

Кто плохо видит — славно слышит,
Зато не лодырь, не сачок.
А что с того, что ростом вышел? —
Билл Клинтон — тоже не сморчок.

Стадами — не рабами — правил,
Свой, по Вольтеру, сад ковал.
Был Полифем — сугубо Авель,
И вовсе Каина не звал.

Добился в твороге прогресса,
И улучшал состав мочи,
Пока другие —
 для Зевеса
Ковали молнии в ночи.

И он — циклоп, в нём — то же тесто,
Но — в кузне раздувать меха?!.

Не двинул Полифем к Гефесту,
Избрал карьеру пастуха.

Не ждал от греков он сюрприза,
Жил на виду Гондваны всей...
Но въехал в дом его — без визы
Хитроэлладый Одиссей.

Владеть чужим — оно не вредно...
Улисс бы срок себе скостил,
Когда хотя бы субаренду
Он у лендлорда попросил.

Но что пригодно в нашу эру —
Легко презреть, закон свалив...

И сей Ермак привёл в пещеру
Товарищей трудов своих.

Сомлел, узрев подобный метод
Коллега Тевье —

наш циклоп.

Один лишь глаз. Но вмиг и этот —
От изумленья влез на лоб.

Но — по законам человечьим
Платил за творог старый лис.
И выжжен глаз... И глянуть нечем
На то, что сотворил Улисс.

Брань на виду у всей Европы
В разгаре золотых веков!..
Вмиг озверев, Циклоша слопал
Пакет Улиссовых дружков.

Что древний грек для этой глыбы:
И — аппетит не разбудил...
Ты, хитрован, скажи спасибо,
Что сам на зуб не угодил...

Се — не кошерно, я не спорю,
(Так позже поступал Камо...)
Чем оправдать? Да тем, что с горя
И не такое съешь дерьмо!

С трудом далось циклопу это,
Ведь греки — жёсткие харчи,
И вмиг нарушилась диета,
И полетел состав мочи.

Израиль, Шма!

И — Шма, Рассея!

Вопили б вы: «Мерси боку!»,
Сожрав в охотку Одиссея,
Из Купидона ж — барбекью?

Вдрызг Полифему карму рушат...
Улисс виновен — видит Бог —

За то, что взял тот грех на душу,
И — свору греков на зубок.

Вот так без глаза и остался —
В раздумьях — али в суд подать?

Ах, да: он скалами кидался...

А вы бы стали *что* кидать?

Тут озвереешь, право слово,
И купишь в Сирии наган.
Драчун известный Казанова
Кидал бы тоже не слоган!
Когда б — законом Моисея -
На мечь лицензию купил,
Сей дуэлянт — и Одиссею
Не в очи б ясные влупил.

Возможно, у Гомера — враки,
А если нет, то ясно мне,
Что компенсацию с Итаки
Он мог бы получать вполне.

Улисс — в Итаке.

Грекам дорог,
И ног не кажет за порог,
И преспокойно гложет тв~~орог~~
(Ведь он и в Греции — тв~~орог~~).

Эдип и Лай

1.

Смогу ли молвить гневу: «Не пылай!»
У ярости — отнять посмею ль пищу,
Узнав, как в Фивах раздавался

Лай -

Царёк... Не царь, и вовсе — не царище?

Громила Лай был честью — в два вершка...

Не подавив дурной крови галопа,
Украл сыночка у царя Пелопа,
Содеяв из мальчонки — «петушка».

Но Ангел Света гневно вострубил,
И Аполлон пообещал дебилу:
«За то, что ты чужого погубил —
Твой первенец столкнёт тебя в могилу!...»

Беда народу, коль над ним — царёк,
Что,
предсказанью грозному поверя , —
Вцепился в трон, и первенца обрёк —
Стать пищевой добавкою для зверя.
Будь ФБР — нашло б, где наследил,
В запарке Лай улик оставил — тыщу:

Булавкой сухожилья перебил,
Чтобы помочь зверью настигнуть пищу.
Врал Иокасте : женушка слаба —
Умолкла за подарками... За данью...
В живых оставил верного раба,
Что получил секретное задание.

Хвала рабу: не выполнил приказ,
Не оборвал судьбы царёва сына:
Отдал мальчонку чабану, что пас —
Царя Коринфа тучную скотину.

Мешочек драхм чабан не прозевал -
Знал, **что** царю не даровали боги...

2.

Эдипом царь найдёныша назвал.
Перевести? О-кей: «*Опухлоногий...*»

Бегут года, мужает генотип,
И вот однажды на излёте лета
Сподобился послушать наш Эдип
Оракула Дельфийского советы.

Услышанное разобьёт сердца —
Любые... И Эдиповы, и ваши:
О, горе — вскоре ты убьёшь отца,
И женишься на собственной мамаше!..

Подкорку жалит чёрных мыслей рой:
Такое ли простить сумеют боги?!

За голову схватился наш герой,
И тотчас из Коринфа сделал ноги.

Теперь он знает:
нет назад пути,
Испей дорогу с ним, красотка-Геба...

3.

Лишь из Коринфа в силах мы уйти,
Но как уйти от Мойры и от неба?
Судьба всегда трубить готова в рог,
И возвестить явленье зла иль дива...

4.

...На перекрёстке четырёх дорог
Эдип узрел табличку: «Царство Фивы».

«Пойду...» — решил, ничуть не трепеща,
Но тропку заступила колесница,
И он увидел — в озвереньи лица,
Не тронутые... «Лигою Плюща.»

Меж них — вельможа, что Медузы злей -
Взревел, срывая голос свой до сипа:
«Катись с дороги, юный дуралей!» —
И скипетром заехал в лоб Эдипу.

Он — сын и муж...

И он — убил отца...

Что делать разнесчастной Иокасте?

И у владык с мозгами — дефицит,

Коль выход ищут в сумасшедшей давке.

Решила Иокаста: суицид...

Решил Эдип: пронзить глаза булавкой...

И, острие пожарче прокалив —

Ослеп Эдип... Скатился на парашу:

Был прав Оракул, грозно посулив —

Рукой Эдипа порешить папашу.

Убийца!.. Счастья собственного кат...

Стыд и позор античных демократий...

Оно конечно, Лай — отменный гад,

Но мало ль подлецов — помимо бати?

7.

...А я бы две истории связал:

Ведь Рок, свои наяривая круги —

Иуде тоже папу заказал,

А мамочку-вдову отдал в супруги.

Сполз с ложа... В страхе лезу под кровать.,

И там — мораль накрыла, как цунами:

Не нужно, дети, папу убивать,

Иначе — точно женитесь на маме!

И вот — дрожу до кончиков бровей,

Ревёт цунами... Катится по кругу:

Отцы, не обижайте сыновей,

Иначе — отобьют у вас супругу!

Такого — и врагу не пожелай...

А чтоб молчал всеведущий Оракул,

Хотя бы иногда — проснись и лай!

(Не в смысле — царь...

А в смысле — как собака...)

Эзоп

В иных пиитах то пленяет,
Что не узилище, но — трап.
Не рабство басни сочиняет,
Когда свободой пышет раб.

Эскулап

Несчётных привилегий поголовье
Зело велит недоуменью тлеть:
Зачем, пардон, Олимпу Бог здоровья,
Когда богам не свойственно болеть?

Эхо

Любой болтливости венец -
Держаться за чужой конец.

Эринии

В глухую старину, и ныне,
Боеспособные вполне —
И день, и ночь пучки Эриний
Кишат у Зевса в колчане.

Я одного понять не смею:
Какого материнства для —
Их родила не Смерть, а — Гея,
Простите, Мать-сыра-земля.

Похоже, Гея в заморочке
Трясла любовную кровать:
Ну что за блажь — дремучей дочке
Грудь в пасть кровавую совать?

Бродя Стигийским берегами,
И только их лелея в снах,
Они явились в мир каргами,
И мига юности не знав.

Неукротимы ярость бестий,
И зуд костей, клыков и жал.
Зачем они — богини мести,
Коль их никто не обижал?

Кипят пассионарий лица,
Кровь запекая на губе,
Богов наёмные убийцы —
Цепной Олимпа КГБ.

Их жуткий дар — всегда в продаже,
Готовы щедро яд сочить.
И — налету — стоят на страже
Чужой готовности — мочить...

Зачем чумная образина
АВАКСом над любым парит?..

Спросите лучше у бензина —
С какою целью он горит.

Дослав в вопрос патрончик водки,
Калибра этак два по сто —
Пальну:

«Послушайте, уродки —
Кому вы мстите и за что?»
Отмщенья чистого идеей
Их заразил Верховный Грек.
Что незнакомец им содеял,
Чем плюнул в душу Имярек?

Вовек не станут извиняться —
За гной, и кровь, и яд в грудях,
И — то ли волосы змеятся,
Или — гюрзы на бигудях.

На Громовержца я в обиде.
Зевс — самогонщик, честь имей —
Знакомься: Мщенье в чистом виде
Тройной возгонки рта и змей!

Яблоко раздора

Во многая девахх — много вздора:
Коль в три ствола лорнирует чувак,
Легко способен яблоком раздора
Явиться —
жрущий яблочко червяк.

Бей самцов, на всё чужое падких!.. —
(Тут Паллада твёрдою была) —
Дева зуд почуяла в лопатках,
Вслед за чем — прорезались крыла!

Корониде нынче — в небо виза —
Чудный оборотный капитал.
Нападавший очутился снизу,
Между тем как — оседлать мечтал.

Посейдон расстроен был заметно —
(Зряшно в плавках била жизнь ключом)...
Понимая: чувство безответно,
По тому, чем дотянуться тщетно —
Рубанул он рыбою-мечом.

Нимфоманкам о таком икалось:
Моря Бог, стихий отец и плод —
Ей вослед швырнул прицельный фаллос,
Но и тут случился недолёт.
Хоть святых из моря уноси:
Из начальства бьёт фонтаном жажда —
Хочется ему дойти до каждой,
Как парткому позже на Руси.

Безутешный, эксклюзивным соло
Аж под Небо Посейдон копал...
(Много позже — Муциус Сцевола
В этой сцене мужество черпал!)

Мигом всё разворотив в квартире,
Засверкав — как в молодости Таль —
Он тайфуны замочил в сортире,
Раков познакомил с *doggy-style*.

Титулом и статью — впору Трону,
От богов готовая рожать,
Обратилась девица в ворону,
Дабы лап похабных избежать.

Вот как дама ветреного Феба,
О какой не нам с тобой мечтать —
Встала на крыло и взмыла в небо,
Где и барракудой не достать.

Будь ты раб, иль прислонился к трону,
В мире, где приличья сожжены —

Береги, мужик, свою Ворону,
Что покамест — в облике жены.
Стань, мужик, подруге— обороной,
Иль постигнет, мыслями гребя:
В эре той и синхрофазотронной,
Дескать, лучше в небе быть вороной,
Где — ни Посейдона, ни... тебя.

* Дочь царя и мама Эскулапа — бога здравоохранения.

Паралипоменон*

Плутарха пухлый отложив дневник,
Сравню героев старых, ушлых книг —
Сложу, не претендуя на канон,
Коротенький Паралипоменон...

Покуда Пётр рубил с кайлом в руке,
Дала Европа дёру на быке.
Пока Харон оболы собирал,
Предпочитал Нерон иной *oral...*

Лаокоону дочек бог не дал,
Асклепий ж — Гигиену соблюдал.

Покуда от Данаи Зевс рожал,
Иосиф жён чужих не обижал.

Пока Гипнос в две дырочки сопел,
Эрот — в других похвально преуспел...

Пока орлёнок печень выедал,
Нам Прометей аж Карла Маркса дал!

Пока едал на золоте Мидас,
Гермеса нёс сусальный "Адидас".

Покуда Авгий лошадей гноил,
Товар похожий выдавил Зоил.

Жена зело Гефесту дорога,
Вот и накинул сетку на... рога.

Геракла в смету взяв — не употей:
Лауреат бесчисленных смертей.

В кого ни ткни — глянь, фабула трубит:
Герой героем свален иль убит.

"Заказан" всяк, иль выдавлен в Аид,
Иль у богов "на счётчике" стоит.
Но хуже — дамам...

Смолкни, славы медь:
Любой любую вправе поиметь,
Прикинувшись дождём или быком...

Такое мог — лишь Партии Обком.

...Вот тем-то миф и славен:

кинешь *Net* —

Любой любому равен.

Или — нет.

Все мифы — братья...

(Если в сеть их брать.)

И — "тятя-тятя!.." —

незачем орать.

* Сравнительные жизнеописания.

БРИФИНГ МИФОВ*

(Научный аппарат лирики)

** Имена и явления, выделенные курсивом, обладают и собственным уютным гнёздышком в этом шорт-листе "Who is who".*

АВГИЙ. Сей несчастный кесарь эллинского племени эгеев, обладая всем на свете (на серебре и золоте едал!..), имея царство и гигантское стадо, в историю прочно вошёл лишь невообразимой горой навоза. Полное собрание которого, бережно складированного Авгием на протяжении тридцати лет, в мгновение ока стёр с лица царства герой-ассенизатор *Геракл* (подвиг № 7). Для этого гениальный золотарь древности направил на конюшни Авгия русло реки Алфеи, беспощадно инфицировав воду воистину лошадиной дозой бактерий, гельминтов и амбрэ. Вот и не верь после этого гераклу поэзии Маяковскому, указавшему по схожему поводу — де, бессмертие канцеляриста состоит лишь в том, что Пиит соизволил однажды лягнуть в своих стихах ничтожество, либо — обезнавозить богатства его посредством подвига.

АВГУРЫ. Уникальная древнеримская коллегия жрецов. Входившие в неё братки промышляли мудрёными гаданиями по полёту, щебету, граю, цвирканью и гуано пернатых. А это — много примитивнее усилий матёрых пентагоновских авгуров, гадающих по барражированию самолёта-разведчика "Предатор"... Кстати, авторитеты Коллегии авгуров назначались аж Сенатом!

АВЕЛЬ. Сын *Адама и Евы* был убит своим братом Каином, которому сие злодеяние заказала Зависть: Бог благосклонно принял дары пастыря овец Авеля, а не сочные детища садово-огородного товарищества Каина. Так в мир пришло Убийство...

АВРОРА. Богиня утренней побудки, иногда нежно дарующая своё имя водоплавающим завоевателям Зимних Дворцов.

АГАСФЕР. Древнееврейский жлоб, отказавший Иисусу Христу в искомом им кратком привале во время пути на Голгофу под бременем креста. За сие бессердечие Агасфер наказан... бессмертием: он обречён бесконечно скитаться (Вечный Жид) в мечтах о могиле, которую давно готов посчитать пятизвёздочным курортом мирового значения. Но, увы, по нём плачет Дорога, и этого горбатого исправят только терренкур и променад.

АДАМ. Чудак, клюнувший в Раю на сочное подношение с Древа добра и зла — по наущению Змия-искусителя. По итогам древнего закусона, потомки прародителей обитают в том раю, который посылает им умение вертеться.

АИД. Прошу не путать с евреями, идишеязычные господа хорошие! Ибо Аид — владыка царства мёртвых у земляков *Гомера*. Да и само царство жмуриков... Одна радость у царя Аида: лапушка-жёнущка Персефона. Между прочим — дочь *Зевса*. Правда, Аид не сватал супругу, а банально слямзил, похитив среди бела Олимпа, даже не предложив и символического калыма бате. Между нами говоря, Аид, к тому же — родной брат *Зевса*. Увы, в тёмную древнегреческую пору Аид ничего не знал о гемофилии как печальном следствии кровнородственного секса.

АМАЗОНКИ. Воинственное племя женщин, оперативно мочивших в пра-сортире и ненавистных мужиков, и мальчуганов, рождённых от пленённых на ночку-другую сексапильных чужеземцев. Дамы имели милый обычай — выжигать левую грудь, дабы нежная возвышенность не мешала более важному — ловкому управлению оружием массового поражения фаллоносцев.

АНТЕЙ. Историческая правда — жутко обидна для одноимённого метательного аппарата. Ибо сей могучий великан был неуязвим лишь до поры, пока стоял на земле. Но стоило хитровану-Гераклу оторвать Антея от земли, как богатырь тотчас позорно сник и дал задушить себя, как воробья. Право, уж лучше бы сходу назвали крылатый ангар — Гераклом. Ну что за "качок", который, по определению, в воздухе — ноль без палочки?..

АПОЛЛОН. Олимпийский красавец-мужчина, заведующий складом многочисленных талантов, покровитель искусства и по совместительству — бог. Культ Аполлона в Греции много превышал современный культ Киркорова в попсе.

АРЕС. Бог войны ради войны: рубака-парень. В Риме прятался под псевдонимом *Марс*, а в Афинах — под одеялом у *Афродиты* Зевсовны, пошло наставляя рога Гефесту, что однажды привело преступную клику любовников к *гомерическому хохоту*

олимпийцев — больших охотников заглядывать в волнующие щёлки спален и богинь.

АРИАДНА. Сердобольная и влюбчивая дочурка критского царя, однажды сия дивчина вручила узнику жуткого Лабиринта богатырю Тесею клубок спасительной нити, которая и охранила его от Минотавра — пожирателя человеческой плоти. Пообещав Ариадне жениться на ней в качестве бартера за спасение, Тесей подло покинул девушку — сладко спящую после квалифицированного петтинга. И — сделал ноги в Афины, славившиеся как рынок невест на выданье ... Минотавру. Вот в каком интересном положении могут оставить доверчивую девушку отдельные национальные герои. Эх, правы дамы: все мужчины — ... Тесеи!

АРТЕМИДА. Богиня охоты и куратор Луны, плюс "государево око" своего отца *Зевса* — в части присмотра за устоями олимпийцев. Для успешного отправления сей планиды она до зубов вооружена сворой злющих псов с приданными этому подразделению луку со стрелами самой дрессировщицы.

АТИЛЛА. Предводитель гуннов (5 век н.э.), умудрившийся силою союза диковатых племён сотворить мировую сенсацию — поставить на колени ажно Рим!

АТЛАНТ. Титан, силу которого взявшие верх враги использовали в качестве контрибуции — для удерживания небесного свода. Словом, первый контрфорс. Верно сказано: все под небом ходим. Но некоторые — ещё и мешают ему упасть. Такой нелёгкий урок получил богатырь от врагов. Впрочем, известно: я — начальник, ты — Титан, ты — начальник, я — Титан...

АТЛАНТИДА. Автор сей будоражащей умы историко-географической смуты — великий Платон, упомянувший в диалогах "Тимей" и "Критий" о некогда существовавшем в Атлантическом океане гигантском острове, поглощенном водами вследствие аморального поведения жителей, что привело к умопомрачительному землетрясению в качестве меры пресечения непотребства.

АФИНА. Дочь *Зевса*, богиня мудрости и справедливой войны. Уникальна история её появления на свет, драма пренатального периода новорожденной... Разгневанный (подробности повода опускаем) Зевс проглотил беременную супругу, и вскоре стал страдать от жуткой мигрени. Светило медицины Эскулап оказался бессилён помочь патрону, и тогда Зевс попросил своего сына Гефеста о маленьком одолжении: взять в

руки топор и расколоть папе пухнущую от боли голову. Слово папы — закон божий, и посему топор тотчас взмыл спасительной таблеткой, круша череп страдальца.. Но ведь у богов всё не так как у людей: из головы Зевса... появилась дочь Афина — в доспехах и с боевым кличем: "Ура! Бей неверных — спасай Олимп!" Между прочим, это первые и единственные роды с помощью кесарева сечения черепной коробки! Вот что случается с отцами, головы которых забиты дочерьми. Случай Зевса — урок смертным: не желаете вносить вклад в акушерство и гинекологию — не берите в голову жену, а лучше и вовсе не грызите её.

И ещё об Афине. В отличие от взбалмошной Старухи, Афина твёрдо знала, что ей нужно, заявив киллеру *Персею*: "Не хочу быть владычицей морскою, а хочу головой *горгоны Медузы* инкрустировать мой боевой щит!" И — заимела голову мамы *Пегаса*, что поэты многократно поставили Афине в заслугу.

АФРОДИТА. Богиня любви, браков и разрешения от бремени, научно доказавшая своим появлением на свет на берегу Кипра, что из пены рождается не только благосостояние отдельных алчных продавца бочкового пива, но и такие вот славные дивчины.

АХИЛЛ. Если бы не злополучная пятка, за которую держала сего героя его мамаша — морская богиня Фетида, судьбоносно купая сына в спецводах Стикса, Ахилл-таки не утратил бы бессмертия. Увы: в Ахиллесову пятку-то и угодила злодейка-стрела, отнявшая жизнь у героя Троянской войны, помешав ему нагромоздить гору встречных трупов на базе живой силы противника.

БАБА-ЯГА. Лесная людоедка, которую — пиццей не корми — но дай от пуза отведать беф-строганофф из детишек, ставших жертвой киднеппинга. Владелец избушки на ножках Буша и костяной ноги, каковая так ни разу и не попала в поле зрения мастеров-косторезов, умудрившихся, в ходе отправления своего искусства, извести стада безвинных мамонтов и слонов — вместо того, чтобы обратить свои ножи на реальную сырьевую базу (костяная нога), безусловно, подлежащую изъятию из биоценоза. В отличие от своего жилища, Баба Яга ни разу так и не становилась к лесу передом, а это однажды неизбежно навело бы её на счастливую мысль — ещё и немножко нагнуться, что, возможно, помогло бы ей озарить светом, теплом и кобелём незавидную женскую долю.

БАХУС. Один из псевдонимов бога виноделия и плодородия. Культ Бахуса (Вакха) подарил жуирам и гедонистам радость вакханалий — запойных эротических оргий в законе.

БЕЛЛЕРОФОНТ. Буквально — убийца Беллеры).
Весёленькие дела: порешив обывателя Беллеру, герой одел на себя его имя, которое по сей день "не жмёт" его славе. Прославился полётами на крылатом *Пегасе* и готовностью отнимать жизнь у супостатов — по заказу сильных неба сего.

ВАЛТАСАР. Ох, и отлились ему слезами священные сосуды, захваченные в Иерусалимском Храме и приспособленные кравчими сего Вавилонского царя для поглощения спиртного! В разгар пира таинственно самоначертались и зловеще засверкали пугающие слова: "Мене, текел, фарес", каковые пообещали кранты и царству, и Валтасару — от руки персов.

ВАЛААМ. Волхв и маг, приглашённый царём моавитян для возглашения проклятья народу Израиля. Дорогу заказному колдуну заступил Ангел, какового, впрочем, не узрел на тропе слепоглухой душою Валаам, но — увидела его зоркая и богато одарённая тонкой душой ослица. По сему случаю ослица тотчас обрела дар речи, что позволило славному четвероногому заявить тупому седоку всё, что она думает из-под него о его мизерном ай-кью, то бишь — интеллекте.

ВАРАВВА. Древнееврейский вор, душегуб и баловень судьбы. Когда прокуратор Иудеи хитрован Понтий Пилат призвал обывателей продемонстрировать свободу воли и назвать имя счастливого, подлежащего немедленной амнистии (а к распятью были приговорены Иисус Христос и Варавва), толпа самозабвенно отдалась Варавве. Что это — работа гнусной клаки? Возможно. Но звать эту Клаку — Извечное Отсутствие Пророка в своём отечестве.

ВЕСТА. Богиня священного очага всякого дома, хранительница его (не путать с мезузой!) Жрицы Весты (весталки) были обязаны сохранять девственность в течение 30 лет. Нарушение базового условия сурового нравственного моргиджа вело к замуровыванию грешницы живьём. Мечта отдельных кобелей: "Каждому — по весталке!" нашла частичную реализацию в том, что каждый дом ныне имеет уголок, посвящённый Весте — *вестибюль*.

Многие весталщики и его сохраняют в неприкосновенности до 30 лет. Но некоторые — хотя бы красят. Ничто так не красит вестибюль, как... его наличие!

ГАРГАНТЮА. Герой искромётного романа Франсуа Рабле "Гаргантюа и Пантагрюэль". Символ неуёмного обжорства и жизнелюбия. Съел собаку на умении быть притчей во языцех, как Казанова — во яйцах.

ГЕКТОР. Легендарный защитник Трои, убитый Ахиллом незадолго до того, как в пятку последнего угодила смертоносная стрела.

ГЕКУБА. Царица Трои, мать *Гектора* и ещё восемнадцати сыновей плюс дочек типа прорицательница *Кассандра*. Будучи на вершине успеха, стала символом безумия на почве неподъёмного горя: потеряв многих детей, в припадке ярости и сама убила детей врага, а вдобавок выколола ему глаза, за что была превращена богами в собаку, дабы... под маской четвероногого друга спасти обезумевшую даму от справедливого гнева народных масс.

ГЕРА. Сестро-жена *Зевса*. Психика богини была искалечена ещё в младенчестве — задолго до замужества за собственным братом, когда её папаша *Кронос* сначала походя проглотил её живьём, но потом вновь благополучно выблевал дочурку в Большую Жизнь. Лично подвергла брата секс-харазменту в период первоначального накопления гиперсексуальности. Ревнивая до безумия, она сломала жизнь *Зевсовой* зазнобы *Ио*, превращённой в корову и коротающей неутолённую плоть под присмотром бодигарда *Аргуса*.

ГЕРАКЛ. Сын *Зевса*, содеявший прорву эксклюзивных подвигов, почти каждый из которых приводил к трупам плохих парней, выступавших в облике экстремальной фауны — типа гидра *Лернейская*.

ГЕРМАФРОДИТ. Отпрыск *Гермеса* и *Афродиты*, и стало быть — писанный красавчик. Отверг любовь нимфы *Салмакиды*. В ответ оскорблённая девица ходатайствовала перед богами о содействии жгучему либидо, невзирая на методы воздействия на объект страсти. Боги вняли, и наспех слили нимфу и *Гермафродита* в одно двуполое существо, каковое, по справедливости, следовало бы с той поры именовать — *Гермафросалмакида*, не так ли? Вот кто — все свои носит с собой!

ГЕРМЕС. Ещё один сын *Зевса*, занявший на Олимпе позицию почтальона особого назначения. Легко опознать по крылышкам (не путать с "Тампексом") у щиколоток или золотым сандалиям. По совместительству он — ещё и проводник душ умерших в царство *Аида*.

ГИППОКРАТ. Отец одноимённой медицинской клятвы, Горбачёв и даже Пётр Великий античной медицины, каковую кардинально перестроил, ускорил и реформировал, впервые введя в строй действующих понятия об анамнезе, темпераменте, прогнозе и медицинской этике. Никогда не курил фимиам тиранам, не пил по чёрному и не спал с женщинами лёгкого, поражённого силикозом

или чахоткой. Прорубил окно в дверь, распаивающуюся в иллюзию о возможной бесконечности живой плоти.

ГИМЕНЕЙ. Божество брака на почве любви. Изображался с крыльями и фюзеляжем, несущим в руках факел и фату. Но злые языки приписали ему пресловутые цепи, влачить которые скорее подобает каторжникам, нежели — брачующимся с целью досконально разобраться с гименом, как единственным серьёзным оборонительным рубежом невесты на пути к слиянию душ.

ГИППОКРЕНА. Родник вдохновения, который есть-пошёл от креативного удара копыта лихого коня Пегаса на горе Геликон, арендованной музами. Супер-джакузи небожителей.

ГОЛЕМ. Франкенштейн был пошлым эпигоном, создавая своего жалкого монстрика тысячи лет спустя после ввода каббалистами в строй действующих Голема — глиняного великана, орудовавшего как робот и зомби в одной упаковке.

ГОМЕР. Великий автор "Илиады" и "Одиссеи", которому, кроме сих эпохальных шедевров, молва приписывает ещё и врождённую слепоту, что, несомненно, является злостным поклёпом на создателя самых зрелищных и красочных словесных картин в истории вербальной живописи. Увы, но не было и нет истинно зрячего в любом Фатерланде!

ГОРГОНА МЕДУЗА. Одна из трёх страшных сестёр. Основательно покрыта *Посейдоном* и чешуёй. Крылата и клыкаста, вместо волос — ядовитые земноводные. А главное — взор! Зрак, превращающий в камень всё живое. Зато (не поверите!) из крови Медузы восстал кроткий жеребец Поэзии — *Пегас*, как сочный плод торопливых утех Медузы и Посейдоши. Кровиночка её крылатая!.. История биотехнологии упорно ищет ответа на вопрос: на что именно у *Посейдона* грозно поглядела Медуза, дабы себе на радость навсегда превратить в несокрушимый бастион любви субъект стыдливого девичьего взора горгонушки. Славная вышла из них любовная пара, результативная. Почище чем Тристан и Изольда, а также Фархад и его Ширинка.

ГОМЕРИЧЕСКИЙ ХОХОТ. Вы будете смеяться, но когда богу огня, кузнецов, наковален, клещей и молотков *Гефесту* настучали, где врукопашную блудит с богом войны *Аресом* его жёнушка *Афродита*, сей выдающийся хэндимен во гневе выковал прочную золотую сетку и, выследив блудодеёв, накинул невод на незадачливых любовников. Весь Олимп сбежался и слетелся хохотать, наказав позже *Гомеру* оприходовать сей смех по статье — "Былое и думы аэда".

Это ведь не смешно, когда сам попадешься, а так — и богам не запахло исхохотаться над чужой бедой. Каковое низкопробное коллективное отправление и имело местона Олимпщине.

ДАМОКЛОВ МЕЧ. Алчно завидуя кесарю Сиракуз Дионисию Старшему, приближённый тираном его любимец Дамокл страстно мечтал вкусить — почём фунт царского трона. Загоревшись либерализмом, венценосный патрон во время пира любезно усадил тронострадальца Дамокла на своё место, где, не успев и возликовать толком, завистник с трепетом узрел над головой огромный острый меч, висевший лишь на конском волосе. Господа, *sic* бесследно *transit* уверенность в завтрашнем дне, а взамен приходит осознание непрочности любого сиюминутного благополучия.

ДАНАЯ. Дочери царя Аргосского выпало испытать два типа дождей — золотой и кислотный. Кислотный — это в "Эрмитаже", где изувер-живописец фоб геростратова колена плеснул на томно развалившуюся рембрандтову красотку (изрядно к тому времени беременуватую!) — ядовитую жидкость, убивающую краску. Золотой же дождь обеспечил Данае, заточённой в медной башне, лично Зевс, от осадков какового узница и родила столь изобретательно! И не кого-нибудь родила, а грядущего героя Персея — будущего ассассина *Горгоны*.

"ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ!" Подтверждаю: те обстоятельства, которые имел в виду автор сей максимы император Веспасиан, и нынче не пахнут. Ибо лично стоял близ того исторического гальяна на прорву посадочных мест и мест для действий навскидку, что был сооружён в славном граде Помпеи. И где экскурсоводша, тыча пальчиком в каменное дно древнющего сортира, доходчиво объясняла туристской братии, что каждое очко исправно приносило здесь по указу императора хорошие выделения в казну. И зря, выходит, сын кесаря молокосос-Тит пытался усостить папашу, дескать, подобная забота о благе народном — слегка пованивает. Малой больно напоролся на афоризм истинного гос-мужа, знающего толк в том, как богатеет государство, имеющее неиссякающий простой продукт в лице рвущегося на волю дерьма и примкнувшего к нему журчания.

ДЕДАЛ. Сему славному афинянину принадлежат патенты на столярные инструменты и куча ноу-хау в области архитектуры. Корбюзье древности, он построил на Крите Лабиринт для чуда-юда Минотавра. Увы, революция с аппетитом пожирает своих отцов и детей: царь Крита вскоре заключил в Лабиринт и Дедала вместе с сыночком *Икаром*. Вот тут они и сцапали у Фортуны свои 15 минут славы. Смастерив крылья на базе перьев и воска, они сделали ноги из плена. Правда, мальчонка, явно хромавший по сопромату, не

рассчитал правильную альтитуду, солнце растопило воск, и Икар, потерпев крыльекрушение, рухнул в море.

ЕВА. Ребро жёсткости *Адама*. Придана первочеловеку в качестве санитара "природы самца", иначе мужик, пребывая в невинности, так и прозябал бы в земном раю, не подозревая об альтернативном формате бытия.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ. Спартанская царица была столь хороша собой, что славные мужи эпохи то и дело норовили устроить из неё почётный приз — Переходящую Красную Деву. Елену исправно похищали из отчего дома, добывали по жребию, или — аки Парис — крали из-под носа у мужа, который, борясь за своё двуногое имущество, тотчас прощал измену возвращённой в стойло кобылице. Красота — страшный аргумент, господа! Не про нас будь сказано, — как говаривал Менахем Мендл...

ЕВРОПА. Единственная в истории дама, переплывшая море верхом на быке. Правда, сим белым быком был *Зевс*, легко прикинувшийся парнокопытным по случаю ярко вспыхнувшего в нём либидо. Заплыв Евро-Быка закончился на Крите, где славная пара оперативно наводнила остров тройней. Наш царь Пётр прорубил окно уже в другую *Европу*.

ЕЛ-ДА. Вовсе не то, что продвинутые русскоязычные справедливо подумали, а — синоним *Аида*. Легитимный владыка царства мёртвых, ставший таковым на основе свободных выборов, проведённых в своё время древними ингушами и чеченцами, кооптировавшими мудреца Ел-ду в формат бога с соответствующими властными полномочиями.

ЗЕВС. Председатель Совета Богов. В детстве едва не был проглочен своим батей *Кроносом*, который всерьёз струхнул, узнав от прорицательницы, что однажды его свалит отпрыск. Зевс упредительно бежал и, сотворив кучу подвигов (в образе быка похитил красотку Европу) — таки низложил папашу и оседлал его трон. Пересчитать его любовные интрижки и число сотворённых бастардов невозможно даже силами честнейшей Счётной палаты Российской Федерации. Подзевесная по сей день полна ими.

ЗОИЛ. Сей златоуст 4 века до н.э. умудрился положить живот свой на создание девятикнижия "Против поэзии Гомера". Герострата из него не вышло: величественные поэтические храмы *Гомера* он таки и не спалил, зато себя смешал с... тем, что позже дало основание уже императору Веспасиану справедливо заключить: «*Деньги не пахнут!*»

ИБЛИС. Ради всего святого не пытайтесь подумать, будто это, напоминающее глагол прошедшего времени, слово — ответ на извечный русский вопрос: "Что делали?" На самом деле Иблис — это тот же дьявол, бес, шайтан. Так что, если подумать — не очень и ошиблись те, сходу подумавшие...

ИКАР. Сын *Дедала*. Бесславно рухнул в море, когда солнечный жар растопил воск, скреплявший его крылья, с помощью которых... (остальные нудные подробности смотри выше — у *Дедала*).

ИОВ. (от древнееврейского — *ijjob*). Безвинно страдающий праведник, бесконечно испытываемый Сатаной (*Иблисом*) с дозволения Яхве. Гибнут его ослы, овцы, верблюды, пастухи и наконец — дети. Тело Иова поражает проказа, но он смиренно соскребает гной, нашёптывая: "Бог дал — бог взял..." Смиритесь, господа, — и обретёте: *Ионе*, за отсутствием состава преступления, были возвращены стада и сила, позволившая осуществить *recycle* отпрысков. Прожив ещё 140 лет, *Иона* породил десяток детей нового урожая. Вот так-то он, бедолага, знатно и жил, *ijjob!*

ИОНА. Член партии ветхозаветных пророков, он получил однажды от Яхве важное партийное поручение, уклонившись от которого стал причиной жуткой бури, и, волею разгневанного Креатора, оказался в чреве кита, каковое рентовал аж трое суток, после чего был в целостности бережно выbleван на сушу, где услышал от миротворца — Яхве модификацию бессмертного: "Ребята, давайте жить дружно!.."

ИО и АРГУС. Роскошная тёлка (*Ио*) *Зевса*, ранее пребывавшая в облике и стати дочери аргосского царя. Положив на *Ио* глаз, *Зевс*, увы, не ограничился глазом, вследствие чего *Гера* — ревнивая его супруга — разгадав, кого прячет кобелино под личиной тёлки, реквизировала ставшую четвероногой и однохвостой дурёху- *Ио*. К *Ио* был приставлен стоглазый соглядатай *Аргус*. Но *Зевс*, лишённый утех, подослал к *Аргусу* киллера — *Гермеса*, и вскоре вернул *Ио* девичий облик. А глаза *Аргуса*, едва не потухшие вместе с холодеющим трупом хозяина, неумная *Гера* перенесла на перья *Павлина*. То-то он пялил потом свои взороточивые перья на лунноликих узниц гаремов!..

ИСКАНДЕР ДВУРОГИЙ. Фурманов прав: Македонский табуреток не ломал, поскольку ломал только чужие царства и хребты их владык. Зато, по легенде, приказал похоронить себя в стиле "открытого финала" — так, чтобы из могилы... торчала пустая рука покорителя земшара, ушедшего на покой ни с чем. Кроме талантливо убитых им жертв его нашествий.

ИУДА из КАРИОТ. Один из первоапостолов. Ключевое слово в определении сего злодея — Поцелуй. Именно губами Иуда указал стражникам и ищущей зрелищ толпе на Иисуса Христа, помогая схватить возмутителя "спокойствия" Иерусалима. По логике вещей, надо бы взять и отменить институт поцелуя, как дискредитировавший себя акт. АН нет! Талдычим по поводу и без о тридцати сребренниках и... напропалую целуемся. В том числе с теми, кого не предаём. Тайные вечера с последующими катаклизмами по-прежнему вершатся не только в недрах народа Книги. И как и встарь, не всё то преданность, что — поцелуй.

КАЛИГУЛА. Арафат Капитолийского холма с 37 по 41 гг. н.э. Мастерски насадил в Эрец-Риме террористический режим, но продержался на императорском троне лишь четыре года. Осыпал милостью спецслужбы, душил демос налогами, кооптировал любимого коня в состав Сената — с правом решающего ржания, и наконец — экспроприировал наличность сенаторов и нуворишей седой старины. За это и был убит и препровождён в Тартар согласно справедливому гневу кого только не...

КАРИАТИДА. Это вам не девушка с веслом и даже не желдор-леди с отбойным молотком на трицепсе. Ибо она — сперва жрица храма *Артемиды*, а впоследствии — опора, несущая конструкцию здания. Легко держит на голове такие пустяки, как крышу. Впрочем, в моём родном Туркестане местные кариатиды под паранджой и без грациозно плыли по улочкам, держа на голове гигантские тазы и корзины с лепёшками, пловом и прочими филигранными творениями восточной кулинарной архитектуры.

КАССАНДРА. Обладая даром пророчицы, дочь царя Трои сдуру отвергла большое, трепетное и в целом светлое чувство *Аполлона*, домогавшегося физической близости к объекту обожания. Получив отлуп, а не от пуза, не состоявшись в качестве куратора её души, тела и прорицаний, Аполлон во гневе (простата в голову ударила!) содеял так, что клиенты перестали верить сей архипрозорливой Ванге и Нострадамусихе древности. Даже алчные троянцы с хохотом отвергли её заклинания — не вкатывать в город-герой Трои исполинского деревянного коня, брюхатого диверсантами-ахейцами. Юноше и девушке, обдумывающим житьё, скажу не задумываясь: не делайте её с товарища Кассандры!.. Кстати, археолог Шлиман, раскопав Троию, нашёл несколько предсказаний Кассандры, так и оставшихся не востребованными.

КЕНТАВР ХИРОН. Сексуальные лавры весельчака *Зевса*, прикидывавшегося ради утех то дождём (см. "*Даная*"), то быком (зыркни — "*Европа*"), не давали покоя ненасытному папаше *Зевса* — *Кроносу*. Однажды, обернувшись конём, по самую гриву налитым либидо тройной возгонки, Кронос осчастливил по формуле "жеребец-стайл" зазевавшуюся океаниду Филиру, что привело к рождению полуконя-получеловека Хирона Кроносовича. В качестве компенсации из Греции, Хирон получил бездонную мудрость и талант воспитателя, что позволило ему ввести в строй действующих врачевателя *Эскулана*, пестовать *Ахилла*, сформировать нравственный облик *Геракла*, передав герою пакет знаний о природе вещей. Будучи тяжело больным, Хирон предложил Олимпу бартер: личное бессмертие — в обмен на освобождение вечного диссидента и правозащитника Прометея. А это вам не хулигана менять на Луиса Корвалана...

КЛЕОПАТРА. Последняя (но не по красоте!) царица династии Птолемеев. Аккурат в год рождения автора этой книги (47), но — до нашей эры, Клеопатра мастерски окрутила Юлия *Цезаря*, подарив ему сына. Подлец Брут, влившись в заговор, отнял у Клеопатры счастье первого призыва. Скрадывая одиночество, царица открыла доступ к телу теперь уже Марку Антонию, а после гибели очередника с упоением отдалась ядовитой змее, дабы, по верованиям египтян, обрести бессмертие — подобно шахиду, и наслаждаться в Раю в объятиях 72-х девственников мужского полу разом. А это вам не примитивное ресторанное — сорок раз по разу...

КРЕЗ. До неприличия богатый царь Лидии, он первым начал чеканить золотые монеты. И чеканил материальную базу до тех пор, пока не вошёл в поговорку.

КРОНОС. Император Боккасса банально пожирал нерасторопную челядь и надоевших гостей, а сей душегуб лакомился собственными детишками, глотая их живьём. Дабы лишить отца (*Уран*) неуёмной плодовитости, Кронос ещё в юности, по наущению мамыши и в стиле будущей американки Лорены Боббит, посредством серпа отхватил у родителя архифертильный фаллос, после чего принялся пожирать собственных детей. (О времена, о боги!..) Спасённый мамочкой от безумного чадоглотателя, малютка-*Зевс* бросил отцу перчатку, и после дуэли, длившейся всего лишь... десять лет, низринул Кроноса в места не столь живые... После чего принялся без разбора и безгливости неистово заполнять собою всякую попавшую в поле его зрения пригожую вагину, успевая в свободное от либидо время повелевать молниями, а не только Иокуляцией (см. *Ио*).

КУПИДОН. Лук, стрелы, завидная меткость при стрельбе в сердца по-македонски, ангельский облик мальчугана, и всё это — в одной упаковке. Божество любви, понимаешь...

ЛАОКООН. Хрестоматийная жертва бескорыстной готовности сеять РДВ (разумное, доброе, вечное). Прорицатель милостью божьей, как и *Кассандра*, он заклинал земляков — не вкатывать в город подозрительного деревянного коня, оставленного ахейцами близ ворот Трои. По итогам краха его стремления дарить людям РДВ (см. выше) создана мраморная композиция "Гибель Лаокоона и сыновей". Мрамор правдиво цитирует суровое былое: приплывшие по морю змеи растерзали Лаокоона и его детей, после чего уползли передохнуть в Храм Афины. А глупые троянцы поняли это как наказание Небес болтуну - Лаокоону, и, возликовав, поволокли в город смертоносного коня. Финал сего деяния запечатлён не в мраморе, а в отчёте Шлимана о раскопках несчастной Трои.

ЛИСИСТРАТА. В переводе с греческого — "Распускающая войско", что, по силе говорящего потенциала кликухи, соответствует нашему Скалозубу. Правда, с точностью до наоборот... Героиня комедии Аристофана. Ловко положила конец (в том числе — мужа) нудной войне Афин со Спартой. Лекарство от войны Лисистрата нашла не в поэме Овидия, а непосредственно в тестостероне воинов, пребывавших по совместительству ещё и в статусе мужей и женихов. Стоило Лисистрате бросить дамам боевой клич в духе Остапа Бендера: "Утром конец войне — вечером ночь любви..." — и вскорости мечи улеглись в соответствующие ножны. Равно как и ставшие неподъёмными жадные пики самих воинов... Тут и смазке конец!..

ЛЕТА. Испив водицы этой речки в царстве мёртвых, души усопших стирают из памяти былую жизнь свою и открывают оперативный простор для записи новых файлов, причем, не защищённых от вируса "Дежа вю".

ЛОТ. Эксклюзивный праведник греховодного города Содома — побратима Гоморры. Щедро награждён за свой духовный подвиг тем, что жена его, оглянувшись на горящий город, обратилась в соляной столп. Но и этим дело не кончилось. Девственные дочери Лота, опоив высококонравственного и редко берущего в рот отца, овладели образцами его генофонда, дабы продолжить род, высоко понеся от отца знамя еврейской и мировой эволюции.

МЕРКУРИЙ. Бог всея торговли Рима и окрестностей. Его хобби — успешное отыскание кладов. Основоположник ситуации, позволившей видному экономисту Пушкину зорко и научно обоснованно подметить: "Всё куплю!" — сказало золото..."

МАРС. Старейший бог Италии, давший своё славное имя месяцу марту. Поначалу мирно курировал Плодородие и Дикую природу, но затем посерьёзней и завладел портфелем бога войны. Дал жизнь Ромулу, и сынок, вспоенный сладкомлечным бюстом волчицы, налился сил и, раззудив плечо, основал первую Москву — то бишь славный город Рим, оставив за скромнягой-Москвой право — стать со временем третьим Римом. Неплохие, однако, цитадели иногда создают молокососы!..

МОЙРЫ-ПАРКИ. В пьесе Чехова "Три сестры" выведены вовсе не богини судьбы, хотя — тоже единоутробные девицы. Мойры (Греция) и Парки (Рим) похожи на супругу Одиссея Пенелопу уже тем, что сутки напролёт предаются прядению. Но они прядут и обрезают нити чьих-то жизней. Хорошо, друзья, что славные ивановские ткачихи учились уже не у Мойр!

МИДАС. Царь Фригии, пожелавший славы Креза. Однажды бог пьянки Дионис предложил ему загадать желание, и Мидас возмечтал, чтобы всё, к чему он прикоснётся, превращалось в золото. Не прошло и суток, как он вплотную приблизился к голодной смерти, ибо еда и питьё тоже послушно становились золотыми. Свой кретинизм Мидас продемонстрировал и будучи по случаю — председателем жюри, оценивавшего некое эпохальное музыкальное ристалище, что отражено зубоскалом в известной филиппике: "Ерунда-с!" — заметил Мидас, игру *Аполлона* прослушав. За это ему, согласно уму, достались ослиные уши..."

НАВСИКАЯ. Дочь царя феаков, однажды она обнаружила на морском берегу бездыханного красавца-мужчину (настоящий полковник!), нежно и заботливо вышвырнутого бурей. Несостоявшийся утопленник очнулся, честно назвал царём Итаки Одиссеем и был приведён принцессой к своему отцу Алкиною. Алкиной, не будь дураком — сходу ходатайствовал перед высоким гостем: "Будьте моим зятем!" Но Одиссей согласился стать лишь свёкром, отбыл на родину, а вскоре прислал Навсикае бесхозного сыночка своего Телемака, быстро поставленного принцессой на баланс в местном ЗАГСе.

НАРЦИСС. Редчайшей красоты глупышка!.. Его любви тщетно добивались сонмы женской молодёжи и дамы гомеровского возраста с характером из пенопласта и терпением из гранита. Каплю выдержки в море женского горя переполнило разбитое сердце нимфы Эхо. Отвергнутая Нарциссом девушка Эхо

высохла от отчаяния, и только её звонкий голос не попал в гербарий, а остался вечно живым. И тогда богиня правосудия и исправительных заведений *Немезида*, идя навстречу пожеланиям разгневанной женской половины обитаемого мира, жестоко наказала Нарцисса. Заглянув в родник, юноша узрел прелестное своё личико, по уши втрескался в себя, и из любви к своему отражению покинул сей бренный мир. А у родничка вырос цветок, названный Нарциссом — в назидание последующим гордецам и задавакам.

НЕМЕЗИДА. Богиня мести, справедливого воздаяния за базар. Смотрящая и разводящая, перелетающая со стрелки на стрелку...

НЕРОН. Кошмар Рима, его император с 54 по 68 годы н.э. В ранней юности брал уроки у великого Сенеки, но, похоже — либо прогуливал, либо не вешал ушей на шуруп внимания. В ходе отпущенных ему дней сжёг всё, включая столицу империи; убил многих, включая брата; переспал со всеми, включая мамашу, не говоря уже о жёнах и дочерях сенаторов. Трупы близких и далёких сеял как пшеницу. Оставил далеко позади себя кесаря города Глупова, который всего лишь мелкотравчато упразднил науки и сжёг гимназию, въехав в книгу Щедрина на белом коне. Нерон возомнил себя Михоэлсом своего времени, играя на разрыв аорты и добрых отношений абсолютно со всеми. Брошенный даже телохранителями, покончил с собой на ступенях тридцать первого года жизни. Домашнее задание читателю: ужели всему этому его и научил Сенека?.. Вот и верь в примат воспитания и правильного наставника...

НИКЕ. Сестра Силы, Мощи и Зависти, она — символ Победы. До зубов вооружена... крыльями, как и многие другие олимпийские члены миролюбивого союза перНАТО. *Зевс* и *Афина* держат её при себе -как любимый талисман. И потому — побеждают.

НОЙ. Победитель Всемирного Потопа. Бог подсказал ему своевременные мысли: идею спасительного ковчега. Но, увы, непонятно, почему, добравшись до Арарата, ковчегар Ной выпустил для поиска уверенности в завтрашнем дне именно голубя, лишённого специфических поисковых навыков, а, скажем, не сокола-сапсана. Памятником Потопобору стал сам ковчег, прочно вмороженный в склон Арарата в районе турецкой доли патронажа над горой.

НИМФА КАЛИПСО. Долгих семь лет гноила она странника *Одиссея* на своём курортном острове Огигии, коварно появляясь перед супергреком в прозрачных одеяниях. Но безмерно верный брачным узам (на родной Итаке его ждёт Пенелопа), Одиссей тем не менее дозированно отпускает искательнице его руки и генофонда крупницы семенного фонда с собственного плеча. По итогам семилетки, нимфа остаётся с детьми, а Одиссей — с плотом, который несёт его к истомлённой супруге, уже осаждённой взводом женихов силою до роты.

ОБОЛ. Медная монетка, в шестую долю драхмы, которую клали в рот умершим, дабы перевозчик теней Харон взял её за свои труды по доставке жмурика в царство *Аида*. История не сохранила достоверных сведений о том, что делал с колоссальной вырубкой трудяга-Харон.

ОДИССЕЙ (он же — Улисс). Царь острова Итака, сын камнетолкателя (не дискобола!) *Сизифа*, у которого, к счастью, поднимался не только камень, катить каковой в гору он и был приговорён по совокупности вины перед Олимпом. Но сын за отца ответил сполна, навеки покрыв себя неувядаемым бегством от жены на целых 20 лет в пользу скитаниям и приключениям. Сей хитроумный эдвенчурист, ловкий и практичный, острыми локтями растолкал прорву героев, дабы украсить своим именем обложку эпической поэмы аэда *Гомера*. Несть числа его подвигам, интригам и гисториям. Он и у стен Трои, и в пещере циклопа *Полифема*, и в плену у *нимфы Калипсо*, и... захвачен пением сладкоголосых *Сирен*... Двадцать лет он мотался галопом по Ойкумене, где решал не свои проблемы и валял своего дурака на чужих подушках, едва не доведя брошенную жену до алтаря с одним из женихов, агрессивно претендовавших на руку соломенной вдовы.

ОНАН. Самобытный библейский персонаж, положивший начало сомнительному Движению неприсоединения к лицу противоположного пола. Широко использовал богатые суррогатные возможности личной материальной части. За капельное орошение земли искусственно исторгнутым семенем Онану было строго поставлено на вид с занесением в Священное Писание. Величайший Хэндимэн...

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА. Нерушимый блок влюблённых, разлучённых злодейкой-судьбой и просто невезухой... Изобретя музыку и покоряя её красотой богов, людей и даже дикую, необъезженную природу, Орфей ухитрился игрой на кифаре усмирять цунами и ураганы типа "Эндрюс", а слонов — прыгать в горящий обруч. Женился было на красотке Эвридике, но в вихре сиртаки её прямо на танцплощадке поразила гадюка. Не смирившись с нелепой гибелью любимой на дансинге, Орфей отправился за ней в царство мёртвых, в угрюмых концертных залах

которого сводит с ума своей музыкой и пением властную верхушку *Аида* — владыку царства, первую леди, стража теней пса *Цербера* и *Харона* — паромщика, соединяющего берега. В порядке исключения, Орфею позволяют увести жену в юдоль жизни и любви. Но — о, горе! — вопреки запрету, Орфей оглядывается на оставленные просторы (в точь, как у евреев — недисциплинированная жена *Лота*) и лишается жены уже навсегда. Тут бы Орфею самое время предаться спасительной горилке с перцем, но величайший из клезмеров идёт на нравственный подвиг: даёт зарок — сторониться даров бога возлияний Вакха. За что и был разорван на куски вакханками, озверевшими от такого воинствующего воздержания, аскезы и готовности завязать бурдюк. Нет повести печальнее... Посему запомним: если оглядываться, то только — вперёд!

ПАНАЦЕЯ. Дочь бога врачевания *Эскулапа*. В искусстве исцеления мало уступает именитому папаше. Ясное дело: Панацея от *Эскулапа* недалеко падает в глазах шарлатанов от медицины, способных лишь на демонтаж венца безбрачия и на установку маячка привлекательности.

ПАНДОРА. Буквально — "богато одарённая"... Практически — *Ева* древней Греции. Ибо Пандора — дебютная смертная дама, свёрстанная богами из подручного материала — воды и глины (привет *Адаму*!) До того людей ваял лишь диссидент *Прометей*. *Афина* и прочие боги щедро наделили Пандору умом и красотой. Пандорой и не пахло бы, когда бы не гнев *Зевса*, решившего насрать на род людской — болезни и прочие беды. Боги вручили Пандоре сосуд, рекомендовав даме по случаю поинтересоваться содержимым. Без вины виноватая, Пандора послушно отворила роковой сосуд, оказавшийся на поверку родным братом троянского коняги. В мир тотчас вылетели все сущие недуги, включая болезни грязных рук. Опомнилась было Пандора, торопливо захлопнула крышку, но на дне, увы, осталась лишь... Надежда. Только Надежда и сыграла в ящик, впрочем, и не выходя из него. Вот она — сила автономной системы самообеспечения! И ещё не раз в истории только Надежда и оставалась последней, уже — растерянной, беззубой и беспомощной. Иногда она была — Константиновной. Нет надежды — нет проблем... Верно, кацо?.. Чертовски обидно — входить в историю ногами сторонних интриганов и прослыть злодейкой, вовсе не будучи ею — ни по природе своей, ни по факту поступка. Вот талдычат: "Сосуд Пандоры"... А по справедливости, надо бы наотмашь рубить: "Пандора Зевса".

ПАСИФАЯ. Мать честная: седина в волосы, бык — в ребро!.. Это — аккурат о мужней жене Пасифае. Да и супруг у неё — не водопроводчик какой, а уважаемый меж прочих мировых

падишахов царь Крита... И вот эта самая Пасифая, пресытившись всем на свете и в алькове, захотела отведать красавца-быка, прибившегося к царёву стаду. Отведать-то можно, когда бы — только ртом. Но распалённой зоофильскими фантазиями дамочке приспичило от пуза усладить рот да не тот. Всё могут короли и королевы. Но как же подвигнуть на лавбище с двуногой консервативного дурачину-быка, явно не продвинутого в вопросах пола, а заикленного на схеме — "Бери больше — кидай дальше"? Пораскинула Пасифая в том числе мозгами, и вышла-таки на остроумное ноу-хау! Любовь творит чудеса и в области изобретательских задач. Повелела царица корифею всех ремёсел Гефесту соорудить деревянную корову, да на рельсы её поставить — на манер тележки с кинооператором. Для наезда, отъезда и всего такого прочего... Внутри, значит, бурёнка должна быть поляя, а под хвостом от настоящей коровы — скважина, что по высоте — заподлицо с феерическим мужским достоинством облюбованного царицей рогатого зазнобы. Сработала схема разделки чувств! Бык простодушно догнал "ускользающую" (по рельсам!) телушку и... пробил для Пасифай час "эвоэ" и гласа неги... Потом быка, как водится, сожрали, а Пасифая родила Минотавра — жуткого быкочеловека, имевшего редкое хобби: пожирать греческое племя младое, незнакомое. Вот чего стоил Элладе час быка!

ПАРИС. Ещё тот провокатор, даром что красавчик... Не упев родиться, уже наводил ужас силою до шухера. Сперва — на мамашу свою *Гекубу*. Приснилось, тяжелой уже, царице, будто родила она не дитя, а факел, от которого дружно занялась и сгорела Троя... Малец Парис вырос, и однажды, будучи гостем спартанского царя Менелая, охмурил и похитил его красавицу-жену Елену. В чём ему охотно помогла известная плутовка и сводня *Афродита*, подкупленная тем, что Парис, впрок лоббируя её благосклонность, присудил пеннорожденной пресловутое яблоко раздора — как генеральной красотке Олимпа. Чем, ясное дело, вызвал ярость прочих ослепительных дам. Между прочим, Парис по-фригийски означает — "борец". Парис — борись... Интересно, знает ли об этом созвучии первый боец России президент Путин? Любопытно: а кому из трёх богинь присудил бы яблоко он, рискуя тем, что две остальные во гневе легко замочат в сортире любого легитимного избранника народа?

ПЕРВОСВЯЩЕННИК КАИАФА. Босс разъярённых и ревнивых иудейских жрецов, взалкавших предать набирающего авторитет в народе рабби Иисуса Христа — суду синедриона (конгресс старейшин). Задумано сие, дабы выдать затем неопорока римским властям с ходатайством о казни смутьяна: только оккупационные власти имели лиценс на право приговаривать узников к изъятию из жизни. Чего не замыслишь ради недопущения передела уже поделённой власти...

ПИФАГОР. Для начала — решительно опустим штаны!.. В смысле — двустигшие, передразнивающее хрестоматийную теорему гения, малость не дожившего, в отличие от Арафата, до Нобелевских лавров. Обитал и созидал свои равные на все стороны набедренные повязки и прочие математические ноу-хау в южной Италии аж за 500 лет до н.э. Основал пифагорейский союз, смахивающий на секту. Демократией там пахло в той же степени, как фиалками — на конюшнях *Авгия*. Даже имущество у пифагорейцев было общим. Вот так и раздували огонь коммунизма гении Гипотенузы!..

ПОТИФАРОВА СУПРУГА и ИОСИФ. Вот нам классическое доказательство мудрой посылки: "Не возжелай жены ближнего своего..." Красавчик-Иосиф, будучи дитятей, продан подлыми братьями-евреями в рабство, меж тем как его отцу единоутробные злодеи сообщили, что брательником наспех перекусили голодные дикие звери... Попав в донасеровский Египет, Иосиф оказался в доме богача Потифара, где быстро проявил и закрепил еврейскую сметку, а со временем развил и закалил традиционную для народа Книги пригожесть лица необщего выражения (смотри пронзительные песни "Еврейские глаза", "Аидише момэ", "Купите папе розы!"). Вскоре на Иосифа положила уже египетские глаза похотливая жена Потифара, который к тому времени тесно приблизил толкового юношу и даже даровал ему в своём доме, вместе с ключами, серьёзные властные полномочия — с правом решающего воздержания от принятия решений, могущих повалить вниз кривую Потифарова благосостояния. Безуспешно пытаюсь увлечь в постельку скользкий предмет своей жгучей страсти, блудница заполучила не сам предмет, а лишь сорванные с ускользнувшего Иосифа образцы (не ДНК!) одежды. И — представила мужу эту мануфактуру, как... доказательство коварства Иосифа, якобы посягнувшего на её честь, когда сам Потифар был в очередной творческой командировке у какой-то гейши или гетеры. Иосифа швырнули в узилище, откуда, впрочем, вскоре он был вознесён на пугающие заоблачные вершины египетской властной пирамиды. Но это уже повод для другой сноски, а повода, увы, не будет.

ПОНТИЙ ПИЛАТ. Задолго до "железного Феликса" стремительно вошёл в историю — чистыми руками, каковые имел похвальное обыкновение тщательно умывать для ликвидации на них опасных последствий подсказок холодной головы и стука горячего сердца. Однажды Пилат проделал это, будучи прокуратором покорённой римлянами Иудеи. Утвердив приговор Христу, обрекающий пророка на распятие, Пилат всенародно подверг санитарной обработке верхние конечности, приведя их во взаимодействие с водой. Короче — умыл руки: я, мол, не я, и к

казни никакого отношения не имею. Интересно: выжгла ли гумус ядовитая вода из-под мытых лап его?

ПЕГАС. Уму непостижимо: сие крылатое эфирное создание, предмет вдохновения и ритуального наборматывания его имени сонмами акынов и прочих лириков — родился из капель крови жуткой горгоны *Медузы*. Папа Пегаса — владыка океана *Посейдон*. Однажды мощным ударом копыта Пегас соорудил *Гиппокрену* — эксклюзивное джакузи вдохновения. Короче: искупался — пиши!.. История сооружения несокрушимой и легендарной Гиппокрены мудро учит смыслённейших из поэтов: для создания сантехнической нетленки типа весело бурлящей воды достаточно хорошенько приложить копыто. В нужное время и в нужном месте.

ПИГМАЛИОН и ГАЛАТЕЯ. Прав нашенский Антоша Чехонте: быть можно дельным царём, и — думать о красе женской половины дворца!.. Царь Кипра Пигмалион, свято оберегая своё неприкасаемое мужское достоинство в миру, полном опасностей и женщин, жил анахоретом, ловко избегая грудастых соблазнительниц. Но всей силой нереализованной страсти он предался скульптурному ремеслу, переплавив либидо в талант ваятеля. Однажды он соорудил из слоновой кости чудо-статую девицы на выданье любому галерейщику. И тут случилась чисто фрейдистская сублимация: бессознательное взбрыкнуло в царёвой подкорке, и Пигмалион по уши и даже по седьмую чакру влюбился в дело рук своих и, дабы не быть однажды уличённым в статуеложестве — то бишь в науке побеждать сопротивление материала — он официально ходатайствовал перед *Афродитой* об оживлении статуи путём дачи ей статуса беженки из небытия. Богиня положительно решила вопрос и вдула жизненные функции в будущую царицу Галатею, так и не узнавшую впоследствии, что некогда и она страдала неотразимой слоновостью кости.

ПОМПЕИ. Редкий турист, долетающий хотя бы до середины Италии, рискнёт избежать посещения развалин несчастного города, ушедшего из жизни от руки вулкана Везувия — в августе 79 года н.э. Даже наш великий художник Карл Брюллов, труды и дни которого шли нарасхват, долгими годами путешествуя по вотчине Данте и Цезаря, записал в тогдашнем своём органайзере напоминание самому себе: "В последний день — Помпеи!" Что и вылилось в известный шедевр.

ПРИАП. И вновь развалины Помпеи нахально требуют вспомнить о себе... Именно там тёртый калач туризма, русскоवेशающий экскурсовод Лариса (чисто Галатея после оживляжа!) пугливо предупредила нашу группу при подходе к

лупанарию: "Господа! Сейчас у входа в древний бордель вы увидите нечто страшное, хотя некоторым и понравится. Но если вы воспитаны в строгих и высоких идеях аскезы и целибата или при вас дети — остерегайтесь этого сомнительного объекта. Сомневающиеся — суньте себе валидол..."

Предупреждение оказалось своевременным. Хроническим девственницам не позволило бы здоровье — узреть первый фаллос античности а-натюрель... Между тем, Приап — не божж, а божество. Земляки изгнали его из родных пенат за возмутительный по основным параметрам и техническим характеристикам детородный инструмент, для удерживания которого при хозяине порою требовалась очень сложная (как кустистые ветви власти в развитых демократиях) система сдержек и противовесов. Приап обласкан и рядовыми сексоголичками, и великими поэтами (Вергилий, Катулл, Гораций, Марциал). В честь Приапа освобождённые женщины Востока и других частей тела и света устраивали неистовые сексуальные оргии, сопровождающиеся песнями и плясками стран народных демократий и тираний... Прощаясь с нами уже в Риме, экскурсовод Лариса показала трогательную семейную фотографию. "А вот и мой Приапчик!" — с гордостью ткнула она в перевязочки малыша, доверчиво прильнувшего к её женскому началу в лице бюста. — Сначала мы с мужем хотели назвать его Ванечкой, но потом уточнили..." "Поживём — увидим!" — мелькнуло в пытливых глазах какой-то воительницы с целибатом.

ПОСЕЙДОН. Брат *Зевса*, получивший при дележе наследства *Кроноса* господство над морем. Наплодил прорву детишек от зазевавшихся богинь, нимф, горгон и просто плохо лежавших дамочек. Все его отпрыски, кроме *Пегаса* — тёмные личности с ярко выраженными криминальными склонностями. А человеко-бык Минотавр — плод царицы *Пасифаи* и подставленного мстительным Посейдоном быка. Когда *Пасифая* отказала в утехах лично Посейдону, тот затаил обиду и, гневно сжав желваки, впрок процитировал взлётные строки оптимизма будущего русского классика: "Ты сама под ласками сбросишь свой хитон, Унесу я, пьяную, до утра в затон..."

Посейдон и его потомки получили во владение остров Атлантиду. Казалось бы, живите в своё удовольствие, но и не зарекайтесь от сумы. Эти же — поступили в точь как содомляне, творя народнохозяйственные безобразия и блуд в особо крупных размерах. За это чрезвычайный партхозактив Олимпа и приказал легендарному острову долго жить. Увы, что имеем — не храним...

ПРОКРУСТ. Отец древнегреческого надругательства над человеколюбием и, по совместительству, бандит с большой дороги между Мегарой и Афинами. Тут-то злодей и организовал свой малый криминальный бизнес с ограниченной ответственностью

правительства перед пострадавшими налогоплательщиками. Прокруст, будучи знатной силищи малым, подлавливал путников, а затем маниакально укладывал на ложе имени себя. На большой лежак — коротышек, а на маленький — верзил. Затем коротышек Прокруст растягивал, чтобы стали заподлицо с ложем, а у высоких отпиливал — как фокусники Кио, но всерьёз — "лишние" части тела. Вот так и рыл он ложа другим, покамест и сам не угодил мордой в Аид. Поскольку по совокупности деяний тянул на "вышку".

ПРОМЕТЕЙ. Кузен *Зевса*. Величайший из благодетелей человечества, практически — Карл Маркс древности. Но поскольку Прометей начал раньше Маркса, то он и создал людей из земли и воды, а затем, как Родари, показал им, чем пахнут ремёсла: научил строить дома и корабли, штопать носки, читать, писать и считать; а для сугрева души и тела и ваяния барбекью — доставил с неба огонь. Вот это, последнее, и не простил ему Зевс, распорядившись приковать расхитителя материальных благ Олимпа к угрюмой скале в районе будущей Военно-Грузинской дороги. Зевс милосердно приказал голодному, как собака, орлу ежедневно лакомиться печенью Прометея, но не трогать смежные внутренние органы. Причём, печень к утру регенерировала до канонического объёма, и воркоголик-орёл начинал с нуля свой ежедневный чернорабочий подвиг. Прометей спокоен, ибо ему ведомо древнее предсказание: через тысячи лет сын Зевса, по доброй традиции Олимпа, свернёт шею отцовской власти. Но освобождение приходит много раньше: Геракл убивает орла, а Зевс — своё желание мстить.

САМСОН И ДАЛИЛА. Самсон — успешно практикующий *Геракл* из колен Израилевых. Стал кошмаром для филистимлян. В рамках показательного армрестлинга, легко разрывал пасть льву, одним рывком извлекал из места постоянной дислокации городские ворота вместе с фундаментом и играючи относил их на гору, Используя ослиную челюсть вместо кастета, укладывал три роты филистимлян, проигравших интифаду против героя. Беда пришла от дамы сердца и примкнувшего к нему нетерпеливого органа, явно плохо разбиравшегося в людях и в женщинах. Её звали Далила. Сия ночная кукушка, опоив богатыря поцелуями вперемежку с забродившими дарами виноградников, на базе умело применённых последних достижений науки страсти нежной выведала, что вся сила Самсона — в волосах его. Увы, непобедимый силач пал от ножниц, остригших судьбоносные космы. Такова участь всех простаков, спутавшихся с Матами Харями всех времён и поз. А казалось бы, куда проще: койка — койкой, а информация и пассворды — врозь...

САПФО. Автор текста не слабой песни на музыку к великому циклу Давида Тухманова "По волнам моей памяти". Крупная поэтесса 6 века до н.э. Обитала, творила и любила на острове Лесбос, подарившем соответствующее прозвание женской любви к прекрасному полу. А уж к развитию этого жанра бытия Сапфо приложила не только руку...

СИРЕНЫ. Любая из них у Лаврика Берия живо бы загудела. Но — где Берия, и где — скалы Эллады?! Полуптицы-полудамы, сирены промышляли пением и мясом заслушавшихся их колоратурой навигаторов. Только *Одиссею* удалось безнаказанно ознакомиться с их вокальным репертуаром. Залепив уши сотоварищам, дабы уберечь их от соблазнов, самого себя он повелел привязать к мачте корабля. Так и плыли они мимо острова Сирен: оглохшие — гребли, а стреноженный — безнаказанно ловил ушами кайф. Иная верёвка, господа — полезнее контрамарки. Иной воск — спасительнее войска.

СИЗИФ. Досадив богам бесчисленными аферами и сделкам с совестью прочих нечистых на трудовую копейку негодяев, сын царя эолян Сизиф был образцово-показательно наказан. Для начала его низвергли в *Аид*, и уже там опробовали на нём одну из рабочих моделей перпетуум-мобиле. Сизифу было велено вкатывать в гору гигантский камень, который, добравшись до вершины, подло срывается вниз, открывая, как бойкий контрактор, новый фронт работ... Современные Сизифы России, нашкодив ничуть не меньше античного пращура, тоже нередко толкают камень. Но — не в гору, а — за конвертируемую валюту, каковая после продажи камня (драгоценного или облицовочного), для большей уверенности сизифов в завтрашнем дне — оседает в оффшорах.

СОКРАТ. Не любой из нас, соврет авторитетно заявив, что для него не составит хлопот ознакомиться с трудами Сократа (4 век до н.э.) в оригинале. Философ, увы... не написал ни строчки, излагая своё учение исключительно орально. Зато благодарные ученики (Платон, Ксенофонт, Алкивиад), обладая отменным слухом, верноподданнически донесли до потомков алмазы мудрости учителя. Свидетельствую: гениальный текст Ксенофонта "Сократические сочинения", на мой непросвещённый взгляд — чисто конкретно — пир духа! Сократ далеко обогнал своё время, где великих бегунов и без него было — как нерезаных правд-маток. И потому раньше других добежал... до смертного приговора. За что? За... возвращение молодёжи. Хотя, как известно, журнал "Хастлер" основал вовсе не он. Не говоря уже о "Плейбое". А тут ещё и подоспела оглушившая мир новость о своре американских кардиналов, годами исправно спускавших штанишки юной своей пастве. И что же? Уползла с ковра шатия-братия!.. Ибо, надо

полагать — все они, безусловно, совратители молодёжи, но, к счастью, — не Сократы.

СФИНКС. Кулинар начал бы это место примерно так... Возьмите милую женскую головку, насадите её на тулово присевшего на задний мост четвероного друга из прайда киплинговского Шер-хана, усильте мощными крыльями лопатки этой на глазах оживающей конструкции — и вы получите искомого Сфинкса. К описанной схеме остаётся прибавить милое обыкновение пернатого оригинала нещадно умерщвлять малоэрудированных прохожих, не гораздых сходу расщепить одну и ту же маниакальную загадку Сфинкса: "Кто ходит утром на четырёх ногах, днём на двух, а вечером — на трёх?" Тягомотину эту уложил на лопатки лишь башковитый Эдип, мудро ответив, что герой отгадки — человек: в младенчестве, в зрелости и на склоне лет. Победа над проблемой эпохи принесла Эдипу корону Фиванского царства, а впридачу и вдову-царицу, позже (через 20 лет) идентифицированную как... мамашу самого *Эдипа*. Но мы — о Сфинксе, о нём, болезном... Лишившись в лице нетленной кормилицы-загадки средств к существованию, Сфинкс, как честный человеко-птице-лев, бросился со скалы в объятия энергоинформационного бессмертия. В свидетельстве о смерти Сфинкса нет указания на спичрайтера, сверставшего проект самой загадки. Но доподлинно известно, что сам Сфинкс ушёл со скалы хоть и вечером, но не на троих, а на всех четырёх. То есть — не по-человечески...

ТАЛАНТ. Знаете ли вы, что в старорежимной Греции эпохи олимпийских богов истинный Талант был способен достойно отправить в мир иной ровно 36 000 душ? Ибо, как высшая денежно-счётная единица, Талант состоял ровно из 36 000 обол, а щуплый медный обол, согласно доброй погребальной традиции, родственники усопшего щедро клали ему под язык — как плату *Харону* за перевоз скоропостижного пассажира-первокурсника в царство жмуриков. У пра-семитов Талант был дороже и никогда не раздавался шире жалких 3600 шекелей. Шекель — он и сегодня держит талант в ежовых корзинах абсорбции. Зато римляне, авторитетные поклонники золота, по-настоящему знали цену Таланту, присвоив его имя высшей мере веса благороднейшего из металлов. Талант на родине Цицерона был равен ста ассам. Согласитесь, господа: имея только один ass — шибко не развернёшься. Но если в вашем распоряжении их — сто, то либо вы — командир роты, либо — самовластительный злодей гарема в сто ass. И стало быть, Вы — Талант! И не забывайте народно-хозяйственную мудрость римлян: "Ass — Талант бережёт!"

ТАЛИЯ. Иные плодят отпрысков, потеряв на миг память, самоконтроль или контрацептивы. Талия же вступила в строй действующих девяти Муз в результате обретения Зевсом памяти в лице Мнемозины — богини (догадались?) памяти. Обретал *Зевс* сию плодovitую Память ещё восемь раз, исправно даря Талии сестёр-Муз. Самой Талии был отдан ключевой портфель покровительницы комедии и лёгкой поэзии. Но всё опошлил папаша. Девятикратно обрета крутобёдную Память, он внезапно ощутил в себе желание занять и стройную Талию. В лице дочери, но, увы — в статусе жены. И поимел... Но от сих трудов кобеля-додэфакера Талия, подтверждая правоту генетики, родила лишь демонов. Вот чем порой заканчивается опрометчивая комедия и тяжёлая на подъём голоса протеста лёгкая поэзия... Руки прочь от талии дочерей, господа, извините за выражение — отцы!..

ТАНТАЛ. Древнегреческий основатель излюбленной американцами системы «*doggie-bag*», когда, хронически не доедая в ресторанах, янки трудолюбиво уносят домой недопроглоченное, чтобы наутро вгрызаться в добычу аки дог, пекинес или пномпенис рыкающий. В отличие от янки, Танталу досталась не закуска на опохмел, а большой цурес. Сын *Зевса*, он однажды похитил на пиру у олимпийских богов кастрюлю амвросии и ведро нектара, чтобы раздать, казалось бы, "боги-бэг", голодающим друзьям-обжорам, чьи кишки навеки присохли к тарелке. Разгневанный папаша Тантала, которому стукачи, подсуетившись, оперативно нашептали и о прочих проделках сына (включая нарушение указа *Зевса* о неразглашении закрытых сведений из сферы застольных разговорчиков богов), распорядился отправить неразумного юношу "к *Харонам*" — на вечные муки. Отныне, стоя в воде, Тантал не в силах даже промочить глотку, ибо резвая аква дисциплията, послушная высшей воле лучшего друга гидравлики, убегает прочь из-под пересохших губ Тантала, воздерживаясь удовлетворить естественную потребность последнего хотя бы в символическом глотке — даже без кряка. Дальше — хуже... Ветки с богатыми витаминами дарами земли греческой, дразняще нависшие над головой голодного бедолаги, прыгают как белки, когда изгой-политкаторжанин силится словить хотя бы опытный образец вишенки. *Sic transit ambrosia mundi!* Так проходят, господа, и земные деликатесы...

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ. Нелегко навскидку прикинуть, сколько троянских коней уместилось бы в крепости... непобедимой русской водки. Трое хватило и одного... Долгие десять лет троянцы отбивались от грузно пыхтящих под их стенами ахейцев, щедро сея их разумные, добрые, вечные трупы и выставляя в ответ — встречные свои. Лукавый *Одиссей*, которому давно бы пора вернуть свою супружескую биомассу брошенной им жёнушке Пенелопе, совершив за ночь мозговой штурм ситуации, наутро

патентует идею: "Не лепо ли ны бьшет, братие, — смастерить деревянного комоня, нафаршировать брюхо жеребца бездушно-десантными моджахедами и оставить гигантский сувенир у ворот Трои, а самим инсценировать отступление?.." Очевидная подлянка, явно шибавшая в нос коварством, удалась сполна. Столяр милостью божьей Эпей, первый рубанок ахейцев, тотчас ошетинил двуручную пилу, альтернативную рукоять которой поддержал Одиссей, чем в будущем подал хороший пример носителю исторического бревна на Красной площади, умевшему, в рамках грамотного пиара, сходить в народ. Напрасно видные провидцы региона *Кассандра и Лаокоон* заклинали троянцев не втаскивать в крепость-герой Трои коня с сомнительным прошлым и явно нелегала по статусу. "Нам, троянцам, — лишь бы даром!" — решили горожане, и город был инфицирован конём. Ночью, ясное дело, конь рождает диверсантов, стража перебита, ворота распахнуты войску... смешались в кучу кони, люди... враг вступает в город, пленных не шадя, потому что в Трое не было ума...

Нет в Истории коня — менее живого и более знаменитого, ибо ничто так не врезается в "товарищ Память", как топор предательства и непростительная глупость принимающего на грудь взведённую пружину — под личиной красиво упакованного бесплатного сыра.

ФАЭТОН. Его прогорклый пример — наука лихачам и любителям прокатиться с солнечным ветерком, не имея в кармане драйвер-лиценсы и соответствующей водительской подготовки. Сын Гелиоса (бог Солнца) Фэтон захотел промчать по небесным хайвеям даже не с ветерком, а — с Солнцем на огненной колеснице Гелиоса. И однажды взмолился: "Папа, дай порулить!.." Убедительно просил, трогательно. Батя и сдался... То ли тормоза заклинило, то ли зеркало заднего вида запотело, но вожжи выпали из рук неофита дорожного движения, и горячие кобылицы радостно понесли. Понесли, стало быть, и разродились тем, что помчали колесницу с Солнцем близко к Земле. Загорелись леса, пересохли реки, Земля взмолилась о помощи, и разъярённый Зевс, выбирая из двух зол лучшее, поразил Фэтона молнией. Распалившись до состояния свечения, Фэтон нырнул в реку Эридан, но и её прохлады не хватило, чтобы охладить жар юного водилы. Так закалялось лихачество на заре заката недолгой славы Фэтона. Мера нужна-таки во всём. Даже самогонщики смело гонят всё. Но ведь — не Солнце...

ФЕНИКС. Период обращения сей сказочной птицы — аж 500 лет. Планета Галлея — и та в семь раз шустрее... Став глубоким стариком, Феникс испепеляет себя, и, как Иванушка-дурачок, выпрыгивающий из кипящего молока юнцом, налитым жизненными соками, Феникс, как ни в чём ни летало, возвращается в большую жизнь и в чистое небо невинным

птенчиком. Символ вечности и *perpetuum* молодости, Феникс является идеалом искусства самокритики и автоиронии, умея радостно сказать о собственной угарной жизни: "Да гори она пропадом!" Не потому ли некоторые любят погорячее: жить с огоньком, даже если в их джазе — не только девушки лёгкого контрабаса?..

ХАРИБДА и СЦИЛЛА. Закадычные подруги, не дававшие житья и проплыва морякам. Оседлав по крутой скале, смертоносные дивчины с аппетитом пожирали навигаторов, будучи санитарками моря. Уж на что Одиссей — ушлый мореман, но и тот потерял шестерых однокораблян, экспроприированных на ужин Сциллой и Харибдой: по три на рыло... Между прочим, в анамнезе у дам — всё те же фрейдистские комплексы. К примеру, Сцилла на заре прекрасной юности был красавицей всегреческого значения. Разборчивая невеста, она задрала нос и некоторые другие выдающиеся бамперы и отвергла сонм женихов, в их числе — лично морского бога Главка. Женихи умылись обидой, а вот самодур Главк оскорбления не спустил, и через свои связи в верхах добился превращения красавицы — в чудовище. Да что говорить об Элладе: даже в сталинские времена не было подянки, которую нельзя было схлопотать от какого-нибудь Главка или на худой конец — Совнаркома...

ХАРИТЫ. Корифейки и носительницы всех мыслимых женских достоинств. Римляне называли их Грациями. Мастерами искусств хариты изображались в форме обнажёнки. Хариты — богини красоты, радости, шарма, и всего того, что Шолом-Алейхем, горячий поклонник всего греческого в Афинах, мягко называл — "а шейне мейделе". Вот почему в чеканных и целомудренных пушкинских строках жалобы лирического героя (стихотворение "Ответ") ударение в последнем слове падает сугубо на последний слог: "Здесь нет ни ветренности милой, ни муз, ни Пресни, ни харит."

ХАРОН. Король подземного извоза, биндюжник и балагула главного андеграунда. Его клиентами являются исключительно души умерших. Обладает эксклюзивным медальоном на право переправки усопших на своей ладье до врат Аида, царства мёртвых. Нет достоверных сведений о том, — привела ли научно-техническая революция к появлению электрической тяги у посудины седого паромщика Харона. А Харон так же прилежно соединяет берега царства функционирующих и королевства удалившихся от тел. Разве что, в отличие от вежливых таксистов, Харон не спрашивает пассажиров: "Вам куда?" За *обол* под языком продаётся только один тур. Однообразно, право... Но зато нет и проблемы мучительного выбора.

ЦЕЗАРЬ. Пробившись в полководцы (как позже — и в Клеопатру!), на старте карьеры он женился на дочери своего заклятого политического врага Суллы. Вскоре Сулла торопливо ушёл с политической арены — прямым в *Аид*, и Цезарь рванул в гору, и вскорости обнаружил себя на императорском троне. Затем начались в его жизни и деятельности "американские горки": он перешёл с десятков Рубиконов, бросил дюжину жребиев, хвативших для покорения Галлии, высадки в Британии, хождения по Рейну — аки посуху. Далее началась битва за взятие и передел уже поделённой Клеопатры, для чего потребовалась виктория в Александрийской войне. Нильская сирена — не будь душой! — мужественно развернула против Цезаря свои победоносные передовые части: ослепительные глаза, влекущие губы и сокрушительный бюст. И вскоре — обратила противника в бегство в свою постельку, где тотчас была повенчана им на Египетское царство. Взмыв над Египтом и Цезарем, Клеопатра, в качестве этической компенсации, разрешила любимому заявить: "Пришёл, увидел, уломал!" Последующая модификация этого знатного слогана означала уже рутинную победу над боспорским царём. В рамках реформы календаря, скромняга Юлий Цезарь не забыл присвоить летнему месяцу своё имя, и с тех пор июль греет душу и амбиции каждого, кто тоже желает переписать календарь. Завоевав видимые оком земли, он всеми фибрами меча возжелал лавров пожизненного диктатора и принялся давить сенаторов, будто они — виноградные гроздья сорта саперави. Виноделы отлично знают: если давишь — вскоре жди и брожения... Вот сенаторы и забродили и даже забурлили: оскорблённый государственный муж, как и всякий жареный цыплёнок — тоже хочет жить. И для этого хорошо владеет не только языком, но и холодным оружием массового уважения. Цезарь пал не оклеветанный молвой, а — пронзённый кинжалами. С пониманием отнесясь к наносимым смертельным ударам, Цезарь удивился лишь загадочному одноколчанину Бруту, который на деле доказал, что язык — вовсе не главное оружие низов правящей верхушки. Обтерев окровавленный кинжал, Брут, слывший не только другом кесаря, но ещё и меломаном, говорят, удовлетворённо замурлыкал, в авторизованном переводе на латынь, популярный и много позже шлягер удачливых киллеров: "Раз пошли на дело я и Рабинович..."

ЦЕРБЕР. Первая в истории дочернобыльская жертва мутаций и идейных шараханий генов. Пёс Цербер вынужден носить на шее аж три головы. Но именно это свойство, способное отпугнуть не только уважающую себя суку на выданье, но и работодателя, и привлекло внимание владыки царства мёртвых — *Аида*. С успехом пройдя интервью, Цербер получил престижную позицию привратника царства, куда радушно впускал всех, но уж обратного хода не давал ни одной душе. Кроме, впрочем, жены сладкозвучного Орфея — Эвридики. Но и та сдуру обернулась на

оставленную юдоль печали, и тотчас лишилась права на оживляж. Казалось бы, неглупая, барышня содеяла сию оплошность взамен того, чтобы любить безоглядно...

Цербера однажды снял с хлебной должности (кстати, только "на старт" псу сходу положили таз мозговых косточек) величайший истребитель чудовищ — Геракл. Герой вынес пса из тьмы и сырости Аида на свет божий и засветил, как беззащитную фотоплёнку, сие чудище обло, озорно, трёхзевно и лайй (в своём эпиграфе к диссидентской нетленке Радищева пиит ТрEDIAковский вплотную приблизился к описанию облика-морале Цербера). По итогам засветки, Цербер не смог проявить всерьёз свою силу и экспириенс. Помнится, Муму (тоже — пёс!) удовольствовался только одной главой — что на шее, что в рассказе. Да и Каштанка с Мухтаром были куда поскромнее. Церберу, как видному вратарю андеграунда, понадобились ажно три главы. Вот так, увы, и у некоторых записных анекдотчиков порою — замах на повесть, а выход продукта — на пару куцых абзацев. А такое вынести из пустотелого Аида способен разве что цербероносец Геракл. Даже баснописцы знают: чтобы остепенить зарвавшуюся моську, её нужно за ушко — да на слонушко!

ЦИКЛОП ПОЛИФЕМ. Отпрыск владыки морей *Посейдона*. Родился с одним глазом, да и тот был, увы, не... третьим. Ибо будь верзила-*Полифем* ещё и прозорливым, как захудалый экстрасенс, он живо бы смекнул, что негаданный гость кроха - Одиссей лишит Полифема и единственного его украшения на лбу в лице глаза, навеки ослепив посредством острозаточенного бревна.

...А начинал Полифем почти как Тевье-молочник. Творог с его "лого" славился на все окрестные пещеры, а козы были ухожены, укормлены и удоены. Роковое свидание Одиссея и Полифема в уютной пещере убедительно доказывает правоту лицензированных мудрецов из кожно-венерических диспансеров: следует опасаться случайных встреч. А способ ослепления и вовсе поучает: бревно в собственном глазу надобно разглядеть задолго до того, как оно окажется в руках гостящей в твоей пещере соломинки.

ЭДИП и ЛАЙ. Фиванскому царю Лаю была предсказана смерть от руки сына, и перепуганный владыка приказал бросить вскорости появившегося новорожденного на съедение природным обстоятельствам и окружающей среде... субботы, когда это злодеяние и произошло. Но дитяти сказочно повезло, ибо пастух, в рамках отправления законов "шаббата", не пожелал взять грека на душу и спас ребёнка. Вскоре тот оказался в покоях бездетного соседского царя, назвавшего найдёныша Эдипом (то бишь — имеющим опухшие ножки). Став тинейджером, Эдип однажды

вышел на оракула и схлопотал прорицание, предписывающее ему готовиться... убить отца и жениться на матери. Потеряв от ужаса голову и логические цепи в ней, Эдип в панике покидает приёмную (не зная об этом!) сторонушку и бежит на чужбину (а на самом деле — в вотчину папы с мамой). На перекрёстке дорог в случайной стычке Эдип убивает знатного хама из дорогой колесницы, грубо потребовавшего, чтобы Эдип малость отошёл с колеи и открыл ему фронт движения. Порешив негодяя, посягнувшего на его суверенное право свободы выбора направления следования, Эдип наткнулся на диковинного *Сфинкса*, решает его тошнотворную загадку, взамен становится царём Фив и женится на Иокасте — вдове ушедшего из жизни царя Лая (того самого хама из колесницы). Так исполнилось пророчество, подарившее психотерапии и неврологии звучный термин — "Эдипов комплекс". Ибо, прознав через 20 лет — *who is who*, и наплотив к тому времени в спарке с мамашей четверых детишек (а значит, в их лице — и своих братьев и сестёр!) — Эдип в отчаянии посыпал голову пеплом, вырвал остатки волос и грамотно выколол себе глаза — застёжкой с платья упредительно повесившейся Иокасты. И ведь ничего бы этого не случилось, не подшустри он с долбаной загадкой Сфинкса, которую порешил... вместе с горькою кармою своей.

ЭЗОП. Приходилось ли вам заказывать в ресторане — эзоповский язык. Конечно, да... если, скажем, на просьбу принести вам стакан вульгарной воды из крана, половой, полусогнувшись, доверительно, подобострастно и даже слегка заговорщицки шепнёт: "Только для вас, сударь, постараемся-с, сделаем-с в лучшем виде!.." Что означает в устах гарсона чисто-конкретно эзоповский месседж: "Готовься, братан, отвалить приличные чаевые, не то унесёшь отсель глотку — не жрамши, а мочевого пузырь — не пимши!"

Но лично Эзоп, будучи в должности квалифицированного раба первого разряда, начинал не в ресторанном бизнесе, а на подворье Ксанфа, которого страдальчески призывал: "Пойди и выпей море!" За неимением собственности, Эзоп принялся сочинять басни, достигнув в этом роде невиданных высот, где он был благосклонно замечен поклонниками фиги в кармане, а также — собирателями чужих идей: баснописцами Федром, Бабрием, Лафонтеном и Крыловым, которые цепко подхватили и высоко понесли знамя его сюжетов, моралите и остроумия — по страницам уже своих книг, раздробив на составляющие славу Первоисточника. Между тем, если глянуть на карту древнего мира, Эзоп тоже пребывал недалеко от Капитолийского холма соседнего Рима Ромуловича. Но, увы, близ тамошнего одноимённого холма в ту пору не было Библиотеки Конгресса, где на каждую басенку можно было бы получить копирайт и навсегда избавить своё

наследие от санитаров литературы, радушно предлагающих покойным корифеям свои услуги по присвоению их сюжетов и схем.

ЭСКУЛАП. Бог медицины, не вошедший в "Клятву Гиппократата". Первый и единственный в истории, кто выжил, всерьёз угодив на погребальный костерок. Правда, не один угорел, а — в составе беременной им мамыши, нимфы Корониды. Когда огонь уже коснулся покойницы, обезумевший папаша Эскулапа *Аполлон-красавец*, обаяшка, умничка и душка (см. А. Ширвиндта в молодости) — опомнился и умело извлёк младенца из чрева дружно занявшейся огоньком Корониды. Воспитал будущего бога врачевания кентавр *Хирон*. Наука Хирона позволила Эскулапу оживлять покойников задолго до адекватных опытов вудуистов, а также короля оживляжа россиянина Лонго. Это искусство помогло Эскулапу успешно вернуть в братскую семью народов древней Греции, ветхого Рима и вечнозелёного Олимпа, глупо ушедших из жизни Ипполита, Главка и других высокопоставленных павших. Слух о нём пошёл по всей земле великой, отовсюду потекли, побежали, полетели и поплыли страждущие, а также желающие закрепить за телом уже достигнутые рубежи здоровья. Эскулапу принадлежит честь быть отцом великих и полезных для человечества дочерей — Гигиены и *Панацеи*. Ребята, мойте руки и живите в дружбе с режимом дня!.. Главное забыл: общественно-полезного Эскулапа убил *Зевс*. Чтобы докторишко не зарывался в небо, воскрешая покойников, определённых в этот статус решением начальства. Ибо вопросы смерти — вовсе не прерогатива бога здоровья в штатном расписании насквозь забюрокраченного Олимпа, где кадры решали всё, кроме того, что самолично и решал, и порешал лично Зевс.

ЭХО. Болтливая нимфа, умевшая произносить только концы слов, не уразумев их начала и пропустив между мочек ушей — середину. Нимфа Эхо отлично подошла бы на роль держателя стометрового шлейфа, метущего пол вослед за той, на ком надето сие безразмерное платье. Ведь главное для Эхо — крепко ухватиться за конец!..

Певец науки страсти нежной Овидий, размякнув как-то на биваке после жестокой сечи под знамёнами Венеры, рассказал о печальном конце нимфы Эхо. Вращаясь в кругах, близких к осведомлённым, Овидий прознал, что нимфа Эхо поначалу претендовала на радостный конец самовлюблённого юноши *Нарцисса*. Превратившись, ввиду безответной любви, в человека-невидимку, несчастная нимфа не унесла в загробный мир только голос. Да и тот — лишь повторяет зады чужих слов и несёт шлейфы, увы, не своих восторгов. Одно время кандидатура нимфы Эхо всерьёз рассматривалась в качестве возможного символа и

лого гомосексуализма, как мощного Движения Неприсоединения к лицам прекрасного пола. Ибо кто же лучше неё любит и умеет повторять зады?..

ЭРИНИИ. Неуловимые мстительницы за поруганный фаллос своего отца — бога Урана, оскопленного на крутом взлёте неутомимого либидо. Кровь, пролившаяся при оскоплении папаши, с блеском исполнила обязанности спермиев и успешно оплодотворила биологическую мать Эриний — богиню Земли Гею. Ввиду описанных психологических проблем пренатального и допубертатного периодов, мрачные Эринии были назначены отслеживать несправедливость и давать ей ближний бой. Профессия наложила отпечаток на богинь мести. Все трое — Мегера, Алектто и Тисифона — исключительно замечательны отвратительным обликом. Кровь каплет из пасти каждой дамы, вместо волос — змеи (от ужа — до анаконды!). Хлебом не корми сестричек — дай только им возбудить в ком-либо месть, злобу, безумие и подбить на мокруху. Но лучше всего — на родовую месть, что, кстати, принесло Эриниям популярность среди горячих, гордых и справедливых кавказских джигитов в пору, когда у них музы молчат. Дамочки же справедливо зациклились на родовой мести ввиду конкретно-исторических обстоятельств своего появления на свет (см. кровавое начало их трагической биографии).

ЯБЛОКО РАЗДОРА. Родилось не столько на дереве, сколько в сердце богини раздора Эриды. Однажды среди чьей-то шумной свадьбы, маясь дурью от скукотищи, пошлых тостов и вывешенных простыней из-под новобрачных, Эрида подбросила пирующим яблоко с коварным тиснением — "Прекраснейшей!" То есть, витаминчиком полакомиться должна та, кому впору корона "Мисс-свадьбы", а точнее — "Мисс Олимп". Что тут, готыню Зевс, началось!.. В прекрасный и яростный спор за тот ещё фрукт вступили (после отсева шушеры) — *Афродита, Афина и Гера*. В каждой, понятно, сексапилица — на дивизию! И каждая справедливо считала именно себя претенденткой на высокое звание обладательницы яблока "Прекраснейшей!" А кто из вас, дорогие читательницы — не Афродита или, в крайнем случае — не Афина в смысле яблочко слопать? То-то же... Тут бы надобно дипломата силою до Макиавелли, Талейрана или генерала Лебеда с его ювелирным миротворничеством в Хасавьюрте, и кризис был бы разрешён. Не тут-то было! В дело влез юный дурачок *Парис*, принц Троянский. Не Гамлет, конечно, но тоже сын царя-короля. Парис, гиперсексуальный до корней эпидермы и способный в силу возраста слышать лишь призывное ржание внутреннего голоса гонад, отдал яблоко Афродите. И дело кончилось Троянской войной, гибелью самого Париса, торжеством троянского коня и

триумфом археолога Шлимана, пытавшегося раскопать окаменевший огрызок рокового яблока, но вышедшего на более солидный результат, который позволил цвету мировой археологии присудить именно ему, Шлиману, звание "Прекраснейший!" Вот, яблочко, куда ты котишься...

ЯСОН. По итогам интриг сильных мира сего, правнук бога ветров Эола славный юноша Ясон был командирован в Колхиду за шкурой золотого барашка. Герои всея Эллады устроили мозговой штурм, дабы помочь Ясону справиться с труднейшим уроком. Со стапелей был спущен корабль "Арго", что, по-видимому, означало готовность экипажа — крыть всех встречных почём зря последними словами изящной греческой словесности. Нелёгкая дорога многократно усложнилась непредвиденными работами. Так, на острове Лемнос Ясону пришлось задержаться для освоения островной царицы Гипсипилы, родившей ему парочку сыновей... Но вот и Колхида. Близёхонько руно, а не укусишь: местный царь Ээт тоже имеет претензии к Ясону. Но, в отличие от царицы Гипсипилы, царь Колхиды желал вовсе не рожать от Ясона, а — заставил его запрячь в плуг изрыгающих пламя быков, вспахать и засеять поле зубами дракона. Что и было исполнено с помощью дочери царя, волшебницы Медеи. Ясон сгоряча пообещал ей руку, сердце и плацкарту на корабле "Арго" — в обмен на помощь в рунозаборе. Жизнь Ясона, стартовавшая в вихре интриг, в интригах и увязла: Ээт руна так и не отдал. Пришлось пойти на кражу в духе голубого воришки Альхена (см. "Золотые 12 стульев"). Вместе с руном Ясон вывез и Медею. Спустя десять лет он покончил с собой, убедившись, что даже руно и выездная жена — суета сует... Тем более, что Медея, которую он, разумеется, успел разлюбить, отравила новую жену Ясона, и его попытки влить в старые мехи новые тестикулы потерпели сокрушительное... кладбище. Увы, сонмы таких, как бедолага-Ясон, пали жертвой банального кризиса среднего возраста. В том числе те, кому по барабану не только руно, но и люля-кебаб, построенный из золотого барашка. Такое, как мы уже знаем, ел только *Мидас*.

**Драма на обложке этой книги –
Джулио Карпони (XVII век)
«Нептун, преследующий Корониду*».**

* *Коронида* – мама Эскулапа, получившего на Олимпе, при содействии мохнатой лапы папаши (Аполлон), портфель бога врачевания. В сюжете, приглашенном на обложку, художник застал бедную девушку в дивный момент, когда великодушная Афина явила чудо, превратив невольницу чести Корониду — в гордую ворону: левое крыло с мощной подъёмной силой уже прорезалось, да и правое заметно занялось, что позволило взмыть фюзеляжу красотики, открывая взору зрителя ничем не прикрытые обольстительные нравы того нелёгкого времени голого реализма без берегов.

Цель сей метаморфозы (оперначивание девицы) — спасение последней от наглого сексуального харазмента со стороны ненасытного мачо — повелителя морей, но — раба неуёмной мошонки. Увы, вырванная из лап похотливого старца, Коронида с размаху угодила в объятия смертного проходимца по имени Исхий, и тотчас была поражена как скоропостижной любовью к последнему, так и... стрелой из лука оскорблённого до глубины простаты Аполлона, которому не хватило толики великодушия, дабы спустить на тормозах левый марш окрылённой сожительницы, глупо споткнувшейся на чужой подушке, где она опрометчиво раздвинула дрожащие от нетерпения крылья — навстречу, увы, скоротечной кончине после тяжёлой и продолжительной... сноски, завершающей эту книгу.

